

КРИМИНОЛОГИЯ:

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Журнал Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба

The journal of St. Petersburg International
Criminology Club

2015

1

2

3

4

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба**

№ 4 (39), 2015

Санкт-Петербург
2015

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Алиев Назим Талат оглы

доктор философии по праву, доцент (Баку, Азербайджанская Республика)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Мусаев Алауди Нажмудинович

доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Добрынина Наталья Борисовна (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2015. № 4 (39). 114 с.

Журнал выходит с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет.
Телефон: (812) 312–42–07, доб. 224
Факс: (812) 312–99–10
E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050 экземпляров

ISSN 2218-8576

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

**The journal of Saint-Petersburg
International Criminology Club
№ 4 (39), 2015**

St. Petersburg
2015

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy editors

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mikhail Grigorevich

doctor of laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of philosophy, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, doctor of laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alaukhanov Esbergen Orazovich

Doctor of laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Aliev Nazim Talat ogly

Doctor of Philosophy in Law, associate professor (Baku, the Republic of Azerbaijan)

Gondolf Edward

Doctor of psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Koretskiy Danil Arkadievich

Doctor of laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Kury Helmut

Doctor of psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of laws, professor (Tallinn, Estonia)

Luneev Victor Vasilevich

Doctor of laws, professor, Laureate of the Russian National Award,
the Honored science worker of Russia (Moscow, Russia)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Musayev Alaudi Nazhmudinovich

Doctor of laws, professor (Moscow, Russia)

Sessar Klaus

Doctor of laws, professor (Hamburg, Germany)

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Laws, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dobrynina Natalya Borisovna (Saint-Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2015. № 3 (38). 114 p.

The journal has been published since March 2001. The original name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of the St. Petersburg International Criminology Club, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 The Herzen State Pedagogical University of Russia, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (812) 312-42-07, additional 224
Fax: (812) 312-99-10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal «Criminology: yesterday, today, tomorrow» is included in the list of the Russian peer-reviewed scientific journals. The main scientific results of doctorate and candidate, theses are to be published in the journal.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal <http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation 1050 copies

ISSN 2218-8576

© St. Petersburg International Criminology Club, 2015

© The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Материалы беседы «Крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии» от 5 июня 2015 года

- Д.А. Шестаков* (Санкт-Петербург, Россия).
«Толерантное» правосознание: тюрьмы для народа
и безответственность воробогачам? 13
- М.Г. Миненок* (Калининград, Россия).
Антитолерантность как противодействие русофобии.
Криминологические и нравственные аспекты 18
- С.У. Дикаев* (Санкт-Петербург, Россия).
О европейском мультикультурализме
и угрозах «исламского» экстремизма 24
- А.П. Данилов* (Санкт-Петербург, Россия).
Преступностиведческое положение о терпимости
(криминологическая теория толерантности) 27
- Г.В. Зазулин* (Санкт-Петербург, Россия).
Толерантность к наркореальности
как проблема криминологии 31

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Основной доклад беседы «Криминогенное влияние социальных катаклизмов на семейные отношения» от 23 октября 2015 года

- В.С. Харламов* (Санкт-Петербург, Россия).
Криминогенное влияние социальных катаклизмов
на семейные отношения 35
-
- Г.С. Курбанов* (Баку, Республика Азербайджан).
Бытовое насилие в Азербайджане: понятие и признаки 45

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

- П.А. Скобликов* (Москва, Россия).
Законодательная инициатива Верховного Суда РФ:
ещё ближе к «гуманности», ещё дальше от справедливости. 52
- Б.К. Сыздык* (Караганда, Республика Казахстан).
Оставление в опасности: влияние «и/или»
на уголовную политику и цену преступности. 64

<i>Н.М. Конарбаева</i> (Москва, Россия). Справедливость как принцип назначения наказания: криминологический взгляд	73
--	----

КРИМИНОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Т.Н. Тимина</i> (Санкт-Петербург, Россия). О легитимности использования криминологического понятия «этническая преступность»	76
---	----

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

<i>Р.С. Ефремов</i> (Рязань, Россия). Криминальное поведение подростков: медикосоциальный анализ, превенция, коррекция	83
--	----

<i>А.В. Комарницкий</i> (Санкт-Петербург, Россия). Карательная парадигма в ювенальной уголовной политике России продолжает доминировать	87
---	----

ВАЙОЛЕНТОЛОГИЯ

<i>А.Н. Игнатов</i> (Симферополь, Россия). Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника	93
---	----

3. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Андо Лепсу – 80 лет!	99
Олегу Васильевичу Лукичёву – 75 лет!	100
Владимиру Григорьевичу Павлову – 70 лет!	101
Валентину Станиславовичу Харламову – 65 лет!	103

4. НЕКРОЛОГ

Памяти Максута Султановича Нарикбаева	104
К нашим авторам	106
Криминологические издания	110

CONTENTS

1. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

POLITICAL CRIMINOLOGY

The materials of the seminar «Tolerance and multiculturalism failure as a challenge to the Russian criminology» as of June 05, 2015

D.A. Shestakov (Saint-Petersburg, Russia).

«Tolerant» legal consciousness:

prisons for the people and irresponsibility for oligarchs? 13

M.G. Minenok (Kaliningrad, Russia).

Anti-tolerance as fight against russophobia.

Criminological and moral aspects 18

S.U. Dikaev (Saint-Petersburg, Russia).

On European multiculturalism and threats of «islamic» extremism 24

A.P. Danilov (Saint-Petersburg, Russia).

Criminological theory of tolerance 27

G.V. Zazulin (Saint-Petersburg, Russia).

Tolerance to drug abuse as a criminological problem 31

FAMILY CRIMINOLOGY

The main lecture of the seminar «Criminogenic influence of social cataclysms on family relations» as of October 23, 2015

V.S. Kharlamov (Saint-Petersburg, Russia).

Criminogenic influence of social cataclysms on family relations 35

G.S. Kurbanov (Baku, the Republic of Azerbaijan).

Domestic violence in Azerbaijan: concept and features 45

CRIMINOLOGY OF LAW

P.A. Skoblikov (Moscow, Russia).

Legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation:

closer to «humanity», further from justice 52

B.K. Syzdyk (Karaganda, the Republic of Kazakhstan).

Leaving in danger: impact of «and/or»

on criminal policy and cost of crime 64

N.M. Konarbaeva (Moscow, Russia).

Justice as a principle for imposition of punishment. 73

CRIMINOLOGY OF NATIONAL RELATIONS

- T.N. Timina* (Saint-Petersburg, Russia).
On legitimacy of usage of criminological concept «ethnic crime» 76

2. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

JUVENILE CRIMES AND CRIMES AGAINST JUVENILES

- R.S. Efremov* (Ryazan, Russia).
Criminal behaviour of the youth:
medical and social analysis, prevention, correction. 83

- A.V. Komarnitsky* (Saint-Petersburg, Russia).
Punitive paradigm in the Russian juvenile criminal policy
continues to dominate 85

VIOLENTOLOGY

- A.N. Ignatov* (Simferopol, Russia).
Social, demographic, criminal and legal characteristics
of the criminal's personality 93

3. JUBILEE GREETINGS

- Ando Leps – the 80th anniversary! 99
Oleg Vasilievich Lukichyov – the 75th anniversary! 100
Vladimir Grigoryevich Pavlov – the 70th anniversary! 101
Valentin Stanislavovich Kharlamov – the 60th anniversary! 103

4. OBITUARY

- In memory of Maksut Sultanovich Narikbaev 104

To our authors 106
Criminological editions 110

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Материалы беседы «Крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии» от 5 июня 2015 года

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

«ТОЛЕРАНТНОЕ» ПРАВОСОЗНАНИЕ: ТЮРЬМЫ ДЛЯ НАРОДА И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОРОБОГАЧАМ?

Аннотация: Терпимость... Была ли она у постсоветского законодателя с первых же его шагов? Или на деле новое наказательное правосознание предстало как тюрьма для народа и безответственность для воробогачей? Возрастание терпимости законодателя, очеловечивание ответственности не означало бы наступления безответственности. Как раз наоборот, к безответственности ведёт «двухвекторная модель» перестройки уголовного законодательства

Ключевые слова: терпимость; ужесточение ответственности; криминология национальных отношений; государственность.

D.A. Shestakov

«TOLERANT» LEGAL CONSCIOUSNESS: PRISONS FOR THE PEOPLE AND IRRESPONSIBILITY FOR OLIGARCHS?

Summary: Tolerance... Was a post-Soviet legislator tolerant from the very beginning? Or in fact the new punitive legal consciousness became a prison for the people and irresponsibility for oligarchs? Escalation of the legislator's tolerance, hominization of responsibility would not lead to irresponsibility. On the contrary, «duel-track» model of adjustment of criminal law leads to irresponsibility.

Key words: tolerance; tightening of liability; criminology of national relations; nationhood.

Постановка вопроса профессором Милюковым. Соучредитель клуба, его почётный профессор С.Ф. Милюков в своём юбилейном докладе провёл разбор преступной политики, осуществляемой в отношении России. Разбор представляется мне вполне убедительным. Недвусмысленно Сергей Фёдорович называет две группы лиц, осуществляющих эту уголовную деятельность: «наши внешние геополитические противники» и «внутренние паразиты-эксплуататоры». Со своей стороны, подчеркну *определяющую роль внешних сил, нападающих на нас через подчинённых им внутренних посредников.*

Особое единение с докладчиком ощущаю в части его суждений о нацеленности названных преступных сил на «перестройку мировоззренческого и национально-религиозного сознания... народов России». В задачи ненавистников нашей Родины, как известно, входит уменьшение её мощи и влияния до таких пределов, в которых она перестала бы играть роль одной из ведущих мировых держав. Помимо прочего, они добиваются коренных изменений в международной стратегии страны, настаивая на безоговорочном подчинении Западу. Профессор уместно об этом напоминает. Кстати, один из послесоветских наших

министров иностранных дел, а именно, Андрей Козырев, вполне соответствовал продиктованным Вашингтоном инструкциям.

Юбиляр связал «тоталитарное перепрограммирование личности ради установления Нового порядка на планете» с толерантностью и мультикультурализмом, которые, как утверждает Сергей Фёдорович, развязывают и оправдывают самые низменные человеческие страсти, а потому обладают мощным криминогенным потенциалом. Участники беседы в своих ответных выступлениях высветили из политики преступноведческую составляющую доклада, сопоставив её с общей криминологической теорией, развиваемой в Клубе и в невско-волжской научной школе, а также с положениями семейной криминологии, криминологии закона и политической криминологии.

Терпимость и самоуважение. В Германии мне неоднократно доводилось наблюдать, как болезненно относятся немцы к засорению материнского языка (Muttersprache) английским. В коридоре одной из школ Фрайбурга мне показывали запрещающий знак наподобие дорожного, на котором – слово «окау», крест-накрест перечёркнутое. Знак призывает ученика: «Говори по-немецки!». В этой стране, в послевоенное время прошедшей жёсткую денационализацию, тем не менее, попробовал бы кто-нибудь предложить отказаться от умляутов! А у нас же повсеместно «ё» печатают без точек, что, в конечном счёте, ведёт к огрублению и обеднению речи. Полностью поддерживаю главного редактора журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра» А.П. Данилова в его бережно-уважительном отношении к русскому языку, умении выразить на нём без излишних латинизмов преступноведческую мысль и выдвигаемых им соответствующих требований к помещаемым в журнале статьям.

Многозначность «терпимости» в преступноведении. На юбилейной беседе с профессором Милюковым А.П. Данилов сжато и, на мой взгляд, убедительно сформулировал преступноведческую модель «терпимости-нетерпимости», которую отображает предложенная им схема «Шар терпимости». Он утверждает, что терпимость, ограниченная криминологической мерой, является противопреступным фактором. Неумеренные же как терпимость, так и нетерпимость мо-

гут способствовать преступлениям. Чтобы уберечь себя и общество от гибели, нужно руководствоваться умеренной терпимостью, помня, что иное – северный и южный полюса шара терпимости – ведёт (*при неблагоприятном стечении обстоятельств – курсив Д.Ш.*) к преступлению [1]. Таким образом, у Данилова мы видим основу криминологического учения о терпимости, потребность в котором явственно ощущается.

Терпимость в межличностных конфликтах. На нетерпимость – фактор внутрисемейных насильственных преступлений – обратил внимание высказавшийся по докладу В.С. Харламов. Данные его обширных исследований [7] показывают, что при общем снижении зарегистрированного насилия число этих преступлений в 2011–2014 годы возросло с 28 801 до 42 013, т.е. почти в полтора раза.

Мы с Валентином Станиславовичем не раз говорили о том, что для семейного преступноведения, да и вообще для учения о борьбе полов, весьма важно было бы *применительно к убийствам и умышленному причинению тяжкого вреда здоровью* сравнить нетерпимость мужей и жён. Как меняется соотношение жертв супружеского убийства в зависимости от пола? Статистика не столь тяжких преступлений по известным причинам непоказательна. Мужчины, в отличие от женщин, о преступлениях небольшой тяжести заявляют крайне редко.

Пределы терпимости в межэтнических и межконфессиональных отношениях. В русле беседы С.У. Дикаев говорил о необходимости выстраивать будущее единого российского народа, заботясь, собственно о населении в целом, а не только о его мизерной процветающей части, т.е. не так, как это происходило, по мнению Салмана Умаровича, на протяжении всей истории. И.Н. Лопушанский отметил, что советская историческая наука замалчивала преступноведчески значимое развитие на территории нашей страны этносов и их взаимоотношений. В моей «Преступности политики» поставлены вопросы об особенностях преступности того или иного народа и о грядущей криминологии межнациональных отношений.

Да, российская культура многонациональна. Возьмём зодчество. В нашем Санкт-Петербурге мы живём среди творений Воронихина, Растрелли, Росси, Стасова, Тона... Но

есть культурный стержень – это музыка и, безусловно, художественная литература. М. Глинка писал: «Музыку создаёт народ, а мы, композиторы, её аранжируем». По убеждению Р. Вагнера, музыка могучих народов прорастает из их тяжёлой многовековой жизни, в том числе в условиях подневольного труда. Он писал: «Истинный поэт, в какой бы отрасли искусства он ни творил, неизбежно находит художественные побуждения и мотивы творчества в безыскусственной жизни своего народа».

Выступивший на беседе в традициях русской литературы Г.В. Зазулин обратил внимание на непреодолимое расхождение мира русского «богочеловека» и западного «правочеловека». Для русской идеологии характерен поиск Бога в отличие от западного поиска денег [3]. Да и деньги-то у нас играют иную роль. Как говорит один из героев Достоевского: «Мне деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чем-то необходимым и придаточным капиталу» [2, с. 29].

В наше нелёгкое время, когда великие народы с их великой культурой стоят перед угрозой их выживания, хорошо будет, если криминология межнациональных отношений обопрётся на посылку: *сочувствие малым и спасение больших народов*.

Терпимость к общественному разложению. Г.В. Зазулин обосновывает суждение о наркореальности как одной из криминогенно-криминальных подсистем общества и тем самым в своих работах закладывает теоретические основы новой отрасли науки о преступности – криминологии наркореальности. Это зло расплодилось по миру, вплелось в экономику и стало для многих стран неотъемлемой частью их существования. Раскрытие наркореальности в свете семантического учения о преступности становится важной составляющей невско-волжской школы криминологии.

Георгий Васильевич пришёл к выводу: насаждаемая в России терпимость (пресловутая «толерантность») стала важнейшим условием возникновения *наркореальности* теперь уже и в нашем обществе. Терпимость он рассматривает как технологию, используемую заинтересованными силами, на пути наркoкриминализации страны. Учёный требует антитолерантного, непримиримого отношения к наркореальности и её представителям. Либеральную политику в данном вопросе он

называет преступной [3]. Употребление наркотиков, казалось бы, никого не касается. На деле же, с учётом сопутствующих поступков наркомана, – это чрезвычайно злостное поведение по отношению к близким и обществу в целом.

Нетерпимость к сильной государственности. Толерантность толерантности рознь. Как правило, те же люди, которые выступают в поддержку наркоманов и неистовых гомосексуалистов, одновременно возбуждают нетерпимость к российской государственной власти, если только она начинает отстаивать самобытность, независимость страны или проявляет заботу о наших геополитических интересах. Тут «толерантщики» доходят у нас аж до призывов к революции.

Поэтому думающие соотечественники всё чаще обращаются к словам Пушкина из его повести «Капитанская дочка»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Революционное зверство возвращает нашу память вновь и вновь к событиям 1917 года и последующих лет – к остервенелому уничтожению дворянства, значительной части духовенства, а за ними и трудового крестьянства. Вспомнил пушкинские слова и уважаемый докладчик. Не претендуя на оригинальность, скажу, что революции в России, прилегающих к ней странах – и не только – возникают на почве внутренних общественных противоречий, но всегда организовываются и перенаправляются извне. Особо разлагающая роль притом принадлежит игрокам, не являющимися представителями коренного народа терпящей бедствие страны.

Бессмысленность извне организованных революций сегодня доказала Украина. Февральский 2014 года бунт, разыгранный в ней ГОВ, последовавшие затем гражданская война и хаос – всё это вместе взятое служит убедительным предостережением для России. И у нас есть основания для ненависти к воровогачам. Но свершился переворот – последствия окажутся совсем не те, к чему большей частью бунтовщики стремятся. Они лишь разрушили быгосударство и при этом преумножили бы состояние тех, против кого выступали.

Терпимость уголовного права: отступление от естественного течения. Если расширить предмет обсуждения за счёт включения в него ранее исследованных Сергеем

Фёдоровичем вопросов уголовной политики, то опять же возникнет вопрос о терпимости, но вот в каком ключе. Терпимость... Была ли она у постсоветского законодателя с первых же его шагов? Или на деле новое наказательное правосознание предстало как *тюрьма для народа и безответственность для воров-богачей*? Нельзя здесь не сослаться на ценные суждения патриарха отечественного преступноведения В.В. Лунеева [4]. Очень важно для нас и то, что пишет по этому поводу руководитель Калининградского филиала нашего клуба М.Г. Миненок [5]. Да и автор настоящих слов кое-что высказал об этом.

Возрастание терпимости законодателя, очеловечивание ответственности не означало бы наступления безответственности. Как раз наоборот, к безответственности ведёт «двухвекторная модель» перестройки уголовного законодательства. А немыслимое ужесточение уголовного наказания после разрушения Советского Союза (сравним, например, предельную длительность лишения свободы при и после советской власти), о чём мне не раз приходилось высказываться, противоречит всемирно-исторической тенденции к смягчению кары.

Наше маленькое исследование [6], сопровождавшее беседу с Милюковым, обнаружило разделение присутствующих – людей, достаточно продвинутых в правоведении (от студентов юридических вузов до профессоров) – ровно пополам (35,1 % «за» и столько же против) в зависимости от того, одобряют они или нет ожесточение постсоветского законодателя, увеличившего предельные сроки лишения свободы более чем вдвое. Доля сторонников терпимости уголовного права у нас оказалась значительно больше в сравнении с населением в целом. Для меня это отрадно. Подавляющее большинство (81,1 %) не одобрило смягчение ответственности за экономические преступления, осуществлённое в уголовном законодательстве РФ на фоне ужесточения общей репрессии. «За» привилегии для предпринимателей, по сравнению с остальным населением, высказались, тем не менее, 16,2 %. Зато отмену конфискации как вида наказания участники беседы порицают, можно сказать, единодушно (94,6 %). Терпи-

мость законодателя к тем, кто сколотил состояния на преступной приватизации, почти никому у нас не пришлась по нраву.

Интересно, что почти четверть опрошенных не поддерживает очень значительного ужесточения наказания за половые преступления в отношении несовершеннолетних (24,3 %). Это – люди, глаза которых не застилают эмоции, они способны воспринимать «лестницу наказаний» в сопоставлении её с иерархией караемого зла.

К сожалению, далеко не все пришедшие на беседу с Милюковым осведомлены в криминологии закона. На вопрос: «Известно ли Вам понятие «преступление в криминологическом смысле слова»?», – отрицательно ответили 27,0 %. Что такое «криминогенный закон», не знают 29,7 %. С категорией «преступный закон» не знакомы более трети (35,1 %) опрошенных. Воистину, клуб – это ещё не школа, но открывающийся путь к школе, не-вско-волжской школе преступных подсистем.

Устные выступления в общей беседе и при её продолжении в подвальчике на Мойке. Выступления были, причём содержательные: Л.В. Готчина, О.В. Лукичёв, М.В. Молчанова, Л.Б. Смирнов... Увы, эти наши коллеги до сих пор не представили текстов, в которые хотелось бы углубиться, чтобы затем на них откликнуться.

Итак, крах терпимости? От нас требуют терпимости к меньшинствам: воровбогачам и гомосексуалистам – почему такой набор? Заслуживает внимания и другая заметная связь: гомосексуализм и отнюдь не толерантный феминизм. Оба течения исходят с закатной (западной) стороны...

Нет, доброе стремление к терпимости в России в наши дни не иссякло начисто, но зашло в тупик. А именно общее смягчение уголовной ответственности (подчёркиваю: смягчение, а не её устранение) подменяется у нас двунаправленной уголовной политикой. Одно – народу, совсем другое – «хозяевам жизни». Сочетается это с развёрнутым в обществе попустительством социальным недугам (наступательному гомосексуализму, потреблению наркотиков...) и с избирательной нетерпимостью, обращённой к российской государственности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
2. Достоевский Ф.М. Игрок. Петрозаводск: «Карелия».
3. Зазулин Г.В. Толерантность к наркореальности как проблема криминологии // «Криминология: вчера, сегодня, завтра». 2015. № 4 (39). С. 31–34.
4. Лунеев В.В. Проблемы российского уголовно-правового законодательства (часть I) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29). С. 48–59.
5. Миненок М.Г. Глобальная олигархическая власть: криминологические и политические аспекты // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 26–37.
6. Сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. URL: <http://criminologyclub.ru/the-last-sessions/201-2015-06-08-11-03-06.html> (дата обращения: 14.06.2015).
7. Харламов В.С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб.: Филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному Федеральному округу, 2014.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
2. Dostoyevsky F.M. Igrok. [The Gambler]. Petrozavodsk: «Kareliya».
3. Zazulin G.V. Tolerantnost k narkorealnosti kak problema kriminologii. [Tolerance to drug abuse as a criminological issue]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 31–34.
4. Luneev V.V. Problemy rossiyskogo ugovovno-pravovogo zakonotvorchestva (chast I). [Problems of the Russian law making (part I)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2013, no. 2 (29), pp. 48–59.
5. Minenok M.G. Globalnaya oligarkhicheskaya vlast: kriminologicheskie i politicheskie aspekty. [Global oligarchy: criminological and political aspects]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 3 (34), pp. 26–37.
6. Sayt Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. URL: <http://criminologyclub.ru/the-last-sessions/201-2015-06-08-11-03-06.html> (date of submission: 14.06.2015).
7. Kharlamov V.S. Otechestvenniy i zarubezhniy opyt protivodeystviya kriminalnomu nasiliyu v semye. [National and foreign experience in combating domestic violence]. SPb.: Filial FGKU «VNII MVD Rossii» po Severo-Zapadnomu Federalnomu okrugu, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Russia, Saint-Petersburg); e-mail: shestadi@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

М.Г. Миненок

АНТИТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РУСОФОБИИ. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Для такой предельно широкой категории как толерантность точных, математически выверенных критериев нет. В основе оценок толерантности и анти толерантности должны быть здравый смысл и нравственность.

Ключевые слова: анти толерантность; нравственность; агрессия; деградация; преступление; уголовный закон.

M.G. Minenok

ANTI-TOLERANCE AS FIGHT AGAINST RUSSOPHOBIA. CRIMINOLOGICAL AND MORAL ASPECTS

Summary: There are no accurate, mathematically adjusted criteria for such a broad category as tolerance. Evaluation of tolerance and anti-tolerance should base on common sense and morality.

Key words: anti-tolerance; morality; aggression; degradation; crime; criminal law.

Выступление профессора С.Ф. Милюкова не могло оставить равнодушным, поскольку касается важнейших для человечества проблем, оценок отношений между людьми, социальными группами, государствами. Кроме того, как всегда привлекает внимание авторский стиль изложения материала: выразительный, оригинальный, убедительный и потому, в значительной степени, уникальный.

Толерантность (от лат. «tolerantia») – терпение, терпимость, снисходительность к кому-, чему-либо [14, с. 610]. В свою очередь терпимость – это моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения крайних мер давления, преимущественно методами разъяснения и воспитания [13, с. 337].

Толерантность – всеобъемлющая категория, отражающая и проникающая едва ли не во все сферы человеческого общения. Без толерантности невозможно общение людей. Очевидно, толерантность не может быть безграничной. Она должна иметь определённые рамки, за пределами которых превращается в свою противоположность – анти толерант-

ность. Следовательно «всякому терпению мера» [5, с. 402].

Между двумя взаимоисключающими категориями – терпимость (толерантность) и нетерпимость (анти толерантность) – может быть множество самых различных состояний: от безразличия до глубокого неприятия определённой ситуации. Иначе говоря, сами «терпение» и «нетерпение» весьма содержательные категории.

Однако проблема сложная – требуется ответить на вопрос: «Применительно к какому мышлению, состоянию, особенно поступкам (поведению) и до каких пор допустима толерантность?». При наличии каких условий, фактов, отношений между людьми, событий толерантность невозможна, прекращается, преобразуясь в свою противоположность? Иначе говоря, процесс толерантности протекает от легкого осуждения до глубокой неприязни, и даже применения силы, направленной на нейтрализацию источника опасности или вообще его уничтожения (нападение вражеских сил, война).

Очевидно, что для такой предельно широкой категории как толерантность точных, математически выверенных критериев нет. Тогда и возникает практически значимый вопрос: «Что следует положить в основу оцен-

ки толерантности – антитолерантности?». По глубокому убеждению автора – здравый смысл и нравственность.

Уровень толерантности должен быть адекватным, соответствующим поведению участников какого-либо общественного процесса. Степень толерантности обратно пропорциональна характеру и степени предосудительности, непримиримости, вредности, опасности мыслей, чувств, поступков, поведения, действий. Чем опаснее поведение, тем степень толерантности ниже. Если на мысли, чувства можно отреагировать относительно мягко, то на действия исключительно опасные для отдельных людей, социальных общностей или всего человечества реакция может быть непримиримой, вплоть до уничтожения субъекта-носителя такой опасности (террорист, лицо, осуществляющее геноцид, либо стремящееся развязать ядерную войну).

Автор выступает за разумную толерантность, которая не выходит за рамки приемлемых человеческих отношений, реализуется в действиях и поступках (в поведении) доброжелательного характера, не причиняющего вреда и не ущемляющего интересы других людей, народов и государств.

Привлекает внимание рассуждение о толерантности А.П. Данилова, в частности, сконструированная им оригинальная модель «Шар терпимости». Основное наполнение шара – умеренная терпимость. На северном полюсе шара находится терпимость – скрытый криминогенный фактор. Южный полюс занимает нетерпимость – открытый криминогенный фактор. Как справедливо отмечает автор этой концепции, в этой структуре важна мера, границы отмеченных компонентов шара терпимости. Нарушение оптимальных пропорций, чрезмерное разрастание полюсов свидетельствует о ненормальных условиях человеческого бытия. Этот подход иллюстрируется автором конкретными примерами [6].

В настоящее время наша реальная действительность изобилует множеством примеров, с которыми никак нельзя связать толерантность, скорее наоборот – антитолерантность, нетерпимость. Не может быть никакой толерантности в отношении агрессивной политики стран НАТО, совокупные военные расходы которых в 10 раз больше, чем расходы России. НАТО продолжает расширяться на Восток, в том числе, и к нашей

военной инфраструктуре. США в одностороннем порядке вышли из договора по противоракетной обороне, несмотря на то, что на этом договоре, в значительной степени, держалась вся система международной безопасности [10, с. 2].

Как отметил Президент России В.В. Путин, «что касается опасений каких-то стран по поводу возможных агрессивных действий России, думаю, что только нездоровый человек и то во сне может себе представить, что Россия вдруг нападет на НАТО. У нашей страны практически нет баз за границей [10, с. 2].

Иная ситуация складывается в отношении Российской Федерации. По данным замминистра обороны России А. Антонова «вокруг России находится в общей сложности около 400 военных баз и объектов США и других стран НАТО. Даже в Афганистане, откуда выведены международные силы содействия безопасности, остаются американские военные базы» [11, с. 7]. Толерантность к такой политике совершенно недопустима. В этих условиях наша страна должна быть экономически сильным, мощным в военном отношении государством, привлекательной для друзей и грозной силой – для врагов.

Уместно задать вопрос: «Как быть с продвижением искусственно навязываемой мировому сообществу русофобии, которая из-за его неоднородности в одних случаях отвергается, в других – принимается и, конечно, мешает развитию положительных мировых процессов?».

России, конечно, следует продолжать разъяснять свою позицию в отношении других государств, помогать им осмысливать и следовать в миролюбивом, выгодном для всех направлении. Однако, если в силу каких-либо причин к нам демонстрируется глумливое отношение, необходимо вводить соответствующие коррективы.

Многовековая история нашей страны и нынешние реалии дают массу примеров благожелательности, бескорыстности нашего государства в отношении других стран и народов и их защиты, спасения от агрессивных действий, в том числе, направленных на физическое уничтожение. И если после этого в результате лживой политики США (главного агрессора планеты [8, с. 2]) и их сателлитов русофобия, страх, боязнь ещё сохраняются у некоторых политиков, то можно допустить –

пусть боятся. Если страх при отсутствии положительных человеческих качеств (открытости, добрососедства, честности, той же толерантности) способен удержать от враждебных выпадов и выступает как существенное препятствие в совершении опасных для людей (человечества в целом) поступков, то он (хотя это и не лучший, и не наш вариант) вполне приемлем, как инструмент внутренней и внешней политики.

Отсутствие толерантности, доброжелательности свидетельствует об ущербности духовных начал у людей, социальных групп или даже целых народов, государств. Например, духовность, необходимая для нравственного развития общества, не была у истоков формирования ряда государств, считающих себя оплотом демократии и образцом толерантности (США, Канада и др.). Основа этих государств – смерть: физическое уничтожение миллионов аборигенов, вся вина которых заключалась в том, что они проживали на своей родной земле. Их отстреливали ради потех, забав и развлечения.

Данная длительная человеконенавистническая политика в отношении коренного населения привела к тому, что значительная его часть до сих пор не смогла адаптироваться к условиям жизни. Коренные народы составляют всего 4 % от общей численности населения Канады, тогда как заключённых аборигенов больше чем неаборигенов. Растёт количество правонарушителей-аборигенов в федеральных исправительных учреждениях. Долгое время в Канаде проводили политику так называемого «культурного геноцида»: детей аборигенов насильственно изымали из семей и помещали на принудительное обучение в специальные школы. Эти учебные учреждения действовали с 1883 по 1998 год и оказывали негативное воздействие на подростков, поскольку лишали их этнической культуры, родного языка, навязывали чуждые нравственные ценности.

Жестокое отношение, издевательства, насилие приводили к высокой смертности среди детей. В общем, политика властей была направлена на то, чтобы вытравить из сознания индейцев память о том, что они являются подлинными хозяевами своих земель, природных богатств, создателями своей самобытной культуры.

Несколько лет назад автор этих строк в составе российской делегации был в Канаде с целью изучения пенитенциарной системы этой страны. На встрече с аборигенами я задал один вопрос: «Что бы вы хотели вернуть, как самое важное для Вас и Вашего народа?». Мне мгновенно ответили – «Землю!» Это жизненно важно, поскольку значительная часть коренного населения Канады – индейцы – живёт в резервации, вымирает. В связи с этим необходимо отметить, что духовный потенциал России, её добролюбие позволили сохранить все без исключения этносы, даже самые малочисленные народы, населяющие территорию нашей страны.

Процветающая в экономическом отношении Канада не испытывает никаких угрызений за содеянное и продолжающееся зло в отношении индейцев. Терпимость, толерантность, однако.

Наши недоброжелатели, убедившись, что в открытом противоборстве с Россией им не справиться, запустили коварный, грязный механизм идеологической обработки людей. Подвергается осмеянию, уничтожается многовековая история России, оплёвывается (в прямом и переносном смысле) её многонациональная культура и религиозные верования. Воспеваются все мыслимые и немыслимые человеческие пороки: содомия, бесстыдство, клятвопреступления, культивируется жажда наживы, алкоголизм и наркотизм. Причисляются скромность, честность, целомудрие, трудолюбие [7].

Приведём яркие примеры деградации западного общества, которое считается прогрессивным и демократическим. В США, Франции, Англии и ряде других государств закон разрешает однополые браки. Вместо слов отец, мать, муж, жена в обиходе появились новые обозначения: супруг № 1, супруг № 2. При таком подходе, делающем доступным гражданский брак для всех, якобы отражаются принципы справедливости и равенства. Однако теряется понятие пола: мужчины и женщины превращаются в мифических однополых существ [9, с. 5]. По свидетельству медиков у детей в однополых семьях часто возникают серьёзные расстройства психики, что накладывает негативный отпечаток на всю их дальнейшую жизнь [12, с. 10].

В Канаде (Онтарио) в начальных школах, несмотря на протесты родителей, для уче-

ников 9–13 лет введена программа секс-воспитания, в рамках которой рассказывается о всех видах секса, гомосексуализме и т.п. [1, с. 7]. Обсуждаются вопросы допустимости инцеста с детьми, внуками. В европейских странах много сторонников, а в Швейцарии уже и практикуется продажа презервативов мальчикам с 12 лет. Мнение о том, что в таком возрасте надо играть с куклами и машинками считается несовременным и нетолерантным [2, с. 12].

Получили распространение пышные свадьбы между домашними животными: котами и собаками. Их устроители тратят десятки тысяч долларов на эти действия, сопровождаемые соответствующими нарядами, подарками, банкетами и венчанием священниками. Видимо, на очереди в этом перечне мерзостей браки человека с животными. В советский период, критикуя капитализм, отмечали, что есть что-то гнилое в этом строе, обществе. Очевидно, что такая оценка сохраняется и в настоящее время. Приведённые факты не отражают ни грамма нравственности, а высокая степень толерантности к ним говорит о деградации общества.

История развития отношений России (СССР) с Западом знает немало примеров безнравственности, предательства, подлости со стороны так называемых западных партнёров. Причём даже в тех случаях, где, как казалось, уже были заложены прочные основы если не дружбы, то доброжелательного сотрудничества. В мае 1945 года по приказу премьер-министра Великобритании У. Черчилля был разработан проект наступательных боевых действий западных союзников против СССР с участием 10-12 немецких дивизий с 1 июля 1945 года [4, с. 12].

Как видим, война не сблизила союзников. Вместо благодарности СССР за решающий вклад в Победу, стоившую нашей стране жизни десятков миллионов советских граждан, мы получали лишь предательство.

Приведённые факты из жизни Запада для русской духовности противоестественны. Проявление высоких нравственных качеств, среди которых доброжелательность, радушие и другие, во взаимоотношениях людей в России было нормой, о которой даже не задумывались, а следовали ей по обычаю, как само собой разумеющееся. Например, автор является свидетелем того, что во многих

центральных областях России, в частности, Брянской, до середины 60-х годов XX века в сельских поселениях на домах не было замков, двери подпирались колышком, палкой, чтобы в избу не забежали животные. Путника пускали на ночлег, угостив на ужин кружкой молока с хлебом. При встрече с незнакомым человеком всегда здоровались.

Для единения народов России перед опасностью агрессивной лжи со стороны США и ряда западноевропейских государств нужно задействовать прочные нравственные скрепы, на что неоднократно обращал внимание В.В. Путин. Именно они дают основание с глубоким чувством собственного достоинства, в соответствии с нашей мощной нравственной базой строить свои взаимоотношения с другими государствами, нациями, людьми.

У нас есть многое, чем можно гордиться. Однако, по мнению М. Шемякина, «... мы не умеем гордиться собой... Даже в своём патриотическом порыве мы готовы пресмыкаться перед Западом» [3, с. 13]. Одним из примеров могут быть довольно распространённые в нашей печати (периодике) оценки, названия некоторых явно недружественных нам государств как «маленькая, но гордая республика». Надо больше рассказывать о себе достойного, выдающегося, показывать какие мы талантливые, интересные, гордиться собой. И тогда мы будем уважаемыми всем миром» [3, с. 13]. Однако главное не в том, чтобы мы добивались похвалы у Запада. Необходимо создать условия, чтобы Запад стремился заслужить расположение России и считал за большую честь внимание с её стороны.

За ложь, клевету, оскорбление нашей истории, духовности, нравственности необходимо предусмотреть юридическую, включая уголовную, ответственность. Право и закон должны защищать нравственность. Нельзя проявлять толерантность к действиям, подрывающим наши духовные и нравственные устои. «Необходимо исследовать роль внешних сил, преступная политика которых направлена на уменьшение влияния России до степени безоговорочного подчинения Западу, выявить значение в этом процессе ГОВ (глобальная олигархическая власть), углубить преступноведческую составляющую проблемы терпимости положениями общей крими-

нологической теории, криминологии закона и политической криминологии» [15].

Разработанные Д.А. Шестаковым концептуальные преступноведческие основы формируют антитолерантный вектор отношения России к агрессивной, безнравственной политике зарубежных сил. Для крайних, вызывающих форм поведения субъектов этой политики практически значимой является концепция преступного закона [16; 17; 18].

За преступления против населения Донецкой и Луганской республик, убийства российских журналистов, покровительственное отношение к фашизму, интенсивно культивируемому на Украине, к уголовной ответствен-

ности должна быть привлечена правящая в Киеве хунта. Есть уверенность, что лица, виновные в вышеуказанных преступлениях, понесут справедливую ответственность, чего просто необходимо добиться ради святой памяти десятков миллионов людей, отдавших жизнь в борьбе с человеконенавистнической идеологией фашизма. Это важно для настоящего, прошлого и будущего.

Очевидно, что указанные идеи нуждаются в дальнейшей разработке не только отдельными учёными, но и авторскими коллективами, может быть, даже с приглашением зарубежных коллег.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаева Э. Из-за секс-уроков родители не пустили в школы 35 000 канадских детей // Комсомольская правда. – 2015. – 8 мая.
2. Алёшина М. Мини-презервативы для школьников // Российская газета. – 2012. – 6 декабря.
3. Боброва Е. В кругу Шемякина // Российская газета. – 2015. – 3 июня.
4. Борисенко Ю., Девятков С., Жилыев В. Клементина в гостях у Сталина // Российская газета. – 2015. – 31 марта.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Том четвёртый. М., 2003.
6. Данилов А.П. Преступноведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
7. Миллюков С.Ф. Крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 38–44.
8. Нарышкин С. Демократия с чужого голоса // Российская газета. – 2015. – 29 июня.
9. Онищенко В. В США брак больше не союз мужчины и женщины // Комсомольская правда. – 2013. – 28 июня.
10. Петров В. Прямая речь. Владимир Путин дал интервью итальянским СМИ. Нечего бояться России // Российская газета. – 2015. – 8 июля.
11. Петров И. Американцы «воюют» от Балтийского до Чёрного моря // Российская газета. – 2015. – 21 апреля.
12. Прокофьев В. Европа: похищение семьи // Российская газета. – 2012. – 10 декабря.
13. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.
14. Современный словарь иностранных слов. СПб., «Дуэт», 1994.
15. Шестаков Д.А. «Толерантное» правосознание: тюрьмы для народа и безответственность воровогоачам? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 13–17.
16. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011.
17. Шестаков Д.А. К преступноведческому учению об управляемых со стороны ГОВ и очищающих от неё революциях // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 2 (33). С. 13–24.
18. Шестаков Д.А. Преступность политики. Размышления криминолога. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013.

REFERENCES

1. Azaeva E. Iz-za seks urokov roditeli ne pustili v shkoly 35 000 kanadskikh detey. [Canadian parents kept 35 000 kids home from school because of sex lessons]. Komsomolskaya Pravda, 2015, May 08.
2. Alyoshina M. Mini-prezervativy dlya shkolnikov. [Mini condoms for schoolchildren]. Rossiyskaya gazeta, 2012, December 06.
3. Bobrova E. V krugu Shemyakina. [In company with Shemyakin]. Rossiyskaya gazeta, 2015, June 03.
4. Borisenok Y., Devyatov S., Zhilyaev V. Klementina v gostyakh u Stalina. [Clementine at Stalin's home]. Rossiyskaya gazeta, 2015, March 31.

5. Dal V.I. Tolkoviy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. [Explanatory dictionary of the Living Great Russian Language]. V cheryekh tomakh. Tom chetvrtiy. M., 2003.
6. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
7. Milyukov S.F. Krakh tolerantnosti i multikulturalizma kak vyzov rossiyskoy kriminologii. [Tolerance and multiculturalism failure as a challenge to the Russian criminology]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 3 (38), pp. 38–44.
8. Naryshkin S. Demokratiya s chuzhogo golosa. [Democracy with the voice of foreigners]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, June 29.
9. Onishchenko V. V SSHA brak bolshe ne soyuz muzhchiny i zhenshchiny. [In the USA marriage is no longer the union of man and woman]. *Komsomolskaya Pravda*, 2013, June 28.
10. Petrov V. Pryamaya rech. Vladimir Putin dal intervyyu italyanskim SMI. Nechego boyatsya Rossii. [Live: Vladimir Putin gave an interview to the Italian journalists. There is no reason to be frightened of Russia]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, July 08.
11. Petrov V. Amerikantsy «voyuyut» ot Baltiyskogo do Chernogo morya. [Americans «are fighting» from the Baltic to the Black sea]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, April 21.
12. Prokofiev V. Evropa: pokhishchenie semi. [Europe: family kidnapping]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, December 10.
13. Slovar po etike. [Dictionary of Ethics]. Pod red. I.S. Kona. 4-e izd. M.: Politizdat, 1981.
14. Sovremenniy slovar inostrannykh slov. [Modern dictionary of foreign words]. SPb., «Duet», 1994.
15. Shestakov D.A. «Tolerantnoe» pravosoznanie: tyurmy dlya naroda i bezotvetstvennost vorobogacham? [«Tolerant» legal consciousness: prisons for the people and irresponsibility for oligarchs?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 13–17.
16. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to the criminology of law]. SPb., 2011.
17. Shestakov D.A. K prestupnostivedcheskomu ucheniyu ob upravlyaemykh so storony GOV i ochishchayushchikh ot nee revolyutsiyakh. [To criminological study on revolutions controlled by and purifying from global oligarchy]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 2 (33), pp. 13–24.
18. Shestakov D.A. Prestupnost politiki. Razmushleniya kriminologa. [Criminal character of the politics. Reflections of a criminologist]. Spb.: Izdatelskiy dom «Alef-Press», 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Григорьевич Миненок – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Балтийского Федерального университета имени Иммануила Канта, руководитель Калининградского филиала Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Калининград, Россия); e-mail: minenokm@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail Grigorievich Minenok – doctor of Laws, professor, professor of the department of criminal law and criminology at Immanuel Kant Baltic Federal University, head of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Kaliningrad, Russia); e-mail: minenokm@gmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

С.У. Дикаев

О ЕВРОПЕЙСКОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ И УГРОЗАХ «ИСЛАМСКОГО» ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация: Европейский мультикультурализм обусловлен желанием государств сгладить жестокости их колониальной политики в прошлом, то есть имеется расчёт на прощение их злодеяний без признания при этом своей вины и без раскаяния за содеянное.

Ключевые слова: мультикультурализм; экстремизм; спецслужбы; ислам.

S.U. Dikaev

ON EUROPEAN MULTICULTURALISM AND THREATS OF «ISLAMIC» EXTREMISM

Summary: The European multiculturalism results from the states' desire to mitigate tough measures of their colonial policy in the past. In other words, they count on forgiveness without confession of guilt and repentance of the evil they have done.

Key words: multiculturalism; extremism; intelligence agencies; Islam.

Термин «мультикультурализм», обозначающий идеологию межэтнической толерантности и взаимодействия, появился относительно недавно. В частности, британский мультикультурализм, как некая политическая инициатива, имеющая своей целью урегулирование отношений между коренными англичанами и эмигрантами, появился в конце 1960-х годов. По мнению разработчиков этой идеи, мультикультурализм должен был обеспечить профилактическое воздействие на возможные (в связи с усилением иммиграционных процессов) беспорядки на расовой почве.

Данная концепция должна была сплотить общество, обеспечить не появление этнических и конфессиональных анклавов из числа некоренного населения Англии. Многочисленные случаи экстремистских и террористических проявлений со стороны детей мигрантов в третьем поколении (но граждан европейских государств) показали несостоятельность идеи культурного плюрализма в английском обществе и возможности гармоничного сосуществования представителей разных культур, у которых нет общей британской идентичности [1].

Более того, мультикультурализм вызывает раздражение местных националистов, которые при каждом удобном случае проводят акции против засилья иммигрантов и му-

сульман. Последний раз такое мероприятие было организовано радикальным движением «Лига защиты Англии» в августе 2011 года, при этом пострадало более сотни человек, в том числе, 35 полицейских.

В конце XX века мультикультурная политика практиковалась многими европейскими государствами, хотя сама идея мультикультурализма не является их официальной идеологией. В современный период мультикультурализм стал активно обсуждаться в научной политологической и социологической литературе как философская концепция поощрения культурного многообразия, включающая в себя социально-политическую практику постепенной интеграции разных культурных групп в культурно чужеродную для них среду при одновременном сохранении их идентичности.

Рассматриваемая идея появилась в результате усиления в послевоенные годы миграционных процессов в связи с востребованностью рабочей силы в европейских странах. Отчасти, а может и прежде всего, европейский мультикультурализм обусловлен желанием государств сгладить жестокости их колониальной политики в прошлом, то есть имеется расчёт на прощение их злодеяний без признания при этом своей вины и без раскаяния за содеянное. В этом смысле европейский мультикультурализм имеет содержание,

которое можно трактовать так: «Это раньше мы вас не считали за людей, но теперь представляем вам (эмигрантам) возможность приобщиться к нашей культуре, сохраняя при этом свою».

Приведённая трактовка не покажется натянутой, если учесть, что в основном миграционные потоки в Европу идут именно из тех государств, которые некогда были колониями. Значительная часть мигрантов последних лет – это граждане государств, живших бедно, но мирно, пока современные европейские варвары не устроили им «цветные» революции, приведшие к уничтожению публичной власти со всеми вытекающими последствиями (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия).

Политики и аналитики различных мастей пророчат Европе потерю ею своей идентичности, доминирование в будущем мусульманского населения и, как результат, превращение Европы в исламское государство, рост религиозного терроризма, экстремизма и прочее. В качестве подтверждения такого развития событий приводят демонстративные бесчеловечные преступные акты различных групп, использующих в своих названиях слово «ислам».

Обыватель склонен верить тому, что ему говорят и показывают СМИ, не задумываясь над тем, что ему навязывают определённую модель отношения к исламу и к людям, его исповедующим. В результате массовое сознание европейского человека в большей степени склонно видеть в преступниках именно людей, посвятивших себя джихаду, воюющих за идею создания всемирного халифата и т.п. Голос авторитетов мусульманского духовенства, осуждающих преступления тех, кто, отрастив бороду, с кличем «Аллах Акбар» убивают невинных людей, не слышен.

Аллах, конечно же, Акбар, но мысли и дела этих преступных групп не имеют ничего общего ни с исламом, ни с джихадом. Систематическое толкование положений Корана позволяет выделить три вида джихада: а) *телесный джихад*, согласно которому мусульманин своей внешностью, манерами, поведением, физической красотой, строгим соблюдением религиозных обязательств (соблюдение поста, пятикратное совершение намаза, совершение хаджа) и т.д. должен сделать ислам привлекательным для иноверцев; б) *джихад словесный* обязывает мусульма-

нина быть сдержанным, немногословным, не сквернословить, не клеветать, вносить в массы предписания Корана и убеждать их в истине этих предписаний; в) *вооружённый джихад – газават*, к которому мусульманину разрешено прибегнуть только в случаях, когда ему чинят препятствия совершать первые два вида джихада, либо когда он сам подвергается гонениям из-за его религиозной принадлежности.

С теологической точки зрения «джихад» – это, прежде всего, борьба человека с собственными страстями. А все деяния террористов ИГИЛ и им подобных групп, есть проявление самых худших из страстей, которые прямо запрещает Коран.

В частности, Коран разрешает воевать только с противником, не проявляя при этом излишней жестокости, обязывая мусульманина немедленно прекратить борьбу, как только прекратит борьбу воюющий противник. Во второй Суре (стих 190) говорится: «Сражайся за Господне дело лишь с тем, кто борется с тобой. Дозволенного грань не преступай...» «...Когда же враг ваш прекратит борьбу, оружие сложите и гоните тех, кто продолжает вызывать смятение...».

Коран категорически запрещает всякую борьбу возле мечети, если враг не вынуждает его к этому. «Не борись у стен Святой Мечети. Пока твой враг не трогает тебя...» (Стих 191).

Но почти ежедневно происходят массовые убийства невинных лиц не только возле мечети, но и в самой мечети, людей, стоящих на молитве. Не удерживает террористов от массовых убийств и наступление Великого месяца мусульман – Рамадана, хотя в Коране сказано: «Они тебя о месяце запретном вопрошают и задают тебе вопрос: «Можно ль вести войну в сей месяц?». Ответ: «Вести войну в сей месяц – грех великий ...» (Стих 217).

Поэтому полагаю, что нельзя признавать мусульманами тех, кто, хотя и называет себя таковыми, отрубает головы невинным людям, убивает женщин, детей, стариков, устраивает взрывы мечетей. Подходящее для них наименование – секта. Экстремизм с их стороны – это не исламский экстремизм, а экстремизм сектантов, которых финансируют европейские и американские сектанты.

У исламского духовенства есть стойкое убеждение в том, что эти преступные организации финансируются и используются в

политических и экономических целях спецслужбами различных государств. Типичным примером является ИГИЛ и её лидер Абу-Бакр аль-Багдади, который был арестован американцами и содержался как подозреваемый в американском лагере Букка в Ираке, а затем был отпущен, как полагают, с конкретными инструкциями. Какими эти инструк-

ции могли быть, мы видим из деяний этого человека и возглавляемой им организации. Косвенно об этом говорит и то, что название «исламское государство...» быстро прижилось благодаря политикам, создавшим своими постоянными упоминаниями о нём ситуацию, при которой де-факто это государство существует.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пец Е.Н.* Мультикультурализм как способ решения проблем межэтнических отношений в условиях глобализации (на примере диаспор Великобритании): автореф. дисс.... канд. полит. наук. СПб., 2015. 24 с.

REFERENCES

1. *Pets E.N.* Multikulturalizm kak sposob resheniya problem mezhetnicheskikh otnosheniy v usloviyakh globalizatsii (na primere diaspora Velikobritanii): avtoref. diss... kand. polit. nauk. [Multiculturalism as a solution to the problems related to ethnic relations in terms of globalization]. SPb., 2015, p. 24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Салман Умарович Дикаев – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: dikaev@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Salman Umarovich Dikaev – doctor of Laws, professor, head of the department of criminal procedure at Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, co-founder of the Saint-Petersburg International Criminology Club (St. Petersburg, Russia); e-mail: dikaev@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А.П. Данилов

ПРЕСТУПНОСТИВЕДЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ТЕРПИМОСТИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ)

Аннотация: Шар терпимости – это образ человеческого общества. Он покоится на поверхности воды в случае наличия в нём достаточного количества умеренных терпимости и нетерпимости, обеспечивающих продолжение здорового существования человека и, в целом, всего государства. Умеренная терпимость – основное криминологическое наполнение данного шара. Она должна всецело преобладать над неумеренными терпимостью и нетерпимостью. Только в этом случае шар будет находиться на воде, свидетельствуя о нормальных условиях человеческого бытия. На северном полюсе шара располагается терпимость – скрытый криминогенный фактор. При её разрастании, по аналогии с озоновой дырой, рушится оболочка шара, и он гибнет. Южный полюс занимает неумеренная нетерпимость – открытый криминогенный фактор. Она, в случае её чрезмерного расширения, утягивает шар под воду, и он также прекращает своё существование.

Ключевые слова: шар терпимости (шар Данилова); мера; криминогенные факторы; криминологическая теория толерантности.

A.P. Danilov

CRIMINOLOGICAL THEORY OF TOLERANCE

Summary: The ball of tolerance is a symbol of human society. It rests on the water surface in case of moderate level of tolerance and intolerance which guarantees further healthy existence of humans and the whole state in general. Moderate tolerance is the main criminological component of this ball. It must totally prevail over immoderate tolerance and intolerance. Only in this case the ball will stay on the water surface indicating normal human conditions. At the north pole of the ball is tolerance – a hidden criminogenic factor. With its growth, by analogy with the ozone hole, the cover of the ball is destroyed and it dies. The south pole is taken by immoderate intolerance – an open criminogenic factor. In case of overgrowth it pulls the ball under water, and it ceases to exist as well.

Key words: ball of tolerance (ball of Danilov); criminogenic factors; measure; criminology.

Человек не камень: терпит, да и треснет.

Всякому терпенью мера.

Русские народные пословицы

Правильные слова. С целью лучшего понимания криминологического явления, предложенного С.Ф. Милуковым для обсуждения, – краха толерантности – обратимся к русско-английскому словарю. Аглицкое слово «tolerance», калькой с которого является термин «толерантность», переводится как «терпимость». Как много в наши дни стало толерантностей, фейковых трендов, месседжей к тинейджерам – сам чёрт во всех этих хитростях фут (от англ. – «нога») сломит.

Итак, толерантность – это терпимость. По-русски – понятнее. Ничего уже не спрячется в складках сложного термина. Для последовательного изучения вопроса, да и

справедливости ради – не в одни же иностранные словари заглядывать, посмотрим значение слова «терпимый» в Толковом словаре русского языка. Терпимый – умеющий без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению [3, с. 795]. Важное для криминологии понятие!

Границы терпения. Значит, нужно терпеть. Но сколько? Всегда и во всём? Даже когда, как указал Г.В. Зазулин, в обществе распространяют мнение о желательности употребления наркотиков [1]? Нет. Всему должна быть мера – граница, предел проявления чего-нибудь [3, с. 350]. Для теории преступноведения данное

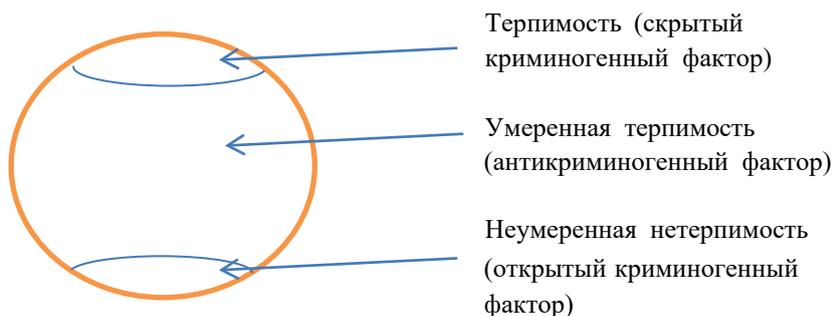

Рис. 1. «Шар терпимости» (Шар Данилова)

определение необходимо. Немного уточним его применительно к науке о зле в крайних формах его проявления [7, с. 19].

Криминологическая мера – границы, в которых приложение сил, в частности, человеческая деятельность, даёт возможность продолжению здоровой жизни. По-простому, нет меры – нет жизни. По-моему, именно криминологическая мера является категорией, позволяющей определить минимальный порог общественной опасности, значительности зла (зловредности) (Д.А. Шестаков) [6, с. 14–15], при превышении которого деяние, независимо от усмотрения власти, должно оцениваться как преступление.

Терпимость терпимости разнь. Наш докладчик, С.Ф. Милуков, делает вывод, что «толерантность обладает мощным криминогенным потенциалом» [2, с. 43]. Согласимся с ним в этом. Криминологии, как представляется, нужно глубже понять опасные свойства терпимости. Возможно, этому поможет предлагаемая модель «Шар терпимости» (Шар Данилова) (рис. 1).

Начальные положения таковы. Терпимость, ограниченная криминологической мерой, представляет собой *умеренную терпимость* и является антикриминогенным фактором. Всё, что сверх или без меры – *неумеренные терпимость и нетерпимость*. Первая выступает в качестве скрытого, вторая – открытого криминогенного фактора.

Шар терпимости – это образ человеческого общества. Он покоится на поверхности воды в случае наличия в нём достаточного количества умеренных терпимости и нетерпимости, обеспечивающих продолжение здорового существования человека и, в целом, всего государства. Умеренная терпимость – основное криминологическое наполнение данного шара – антикриминогенный фактор.

Она должна всецело преобладать над неумеренными терпимостью и нетерпимостью. Только в этом случае шар будет находиться на воде, свидетельствуя о нормальных условиях человеческого бытия. На северном полюсе шара располагается терпимость – *скрытый криминогенный фактор*. При её разрастании, по аналогии с озоновой дырой, рушится оболочка шара, и он гибнет. Южный полюс занимает неумеренная нетерпимость – *открытый криминогенный фактор*. Она, в случае её чрезмерного расширения, утягивает шар под воду, и он также прекращает своё существование. При появлении разрушающих шар неумеренных терпимости и/или нетерпимости, он, для своей защиты, должен использовать собственную умеренную нетерпимость.

Возьмём, для примера, шар гомосексуальной терпимости, раскрывающий возможности существования и развития общества в условиях той или иной терпимости к гомосексуальным связям. Какова умеренная терпимость к таковым? Для своего здорового развития нам достаточно знать, что данное явление есть в природе. Всё. Иная информация будет порождать противоречия в обществе, выражающиеся, в том числе, в столкновениях между крайне активными гомосексуальными представителями и большей частью общества, тем не менее, не являющейся столь активной.

Для отстаивания своих точки зрения и прав каждая из сторон может начать проявлять неумеренные терпимость и нетерпимость, порождающие различные преступления. Шар гомосексуальной терпимости будет находиться на воде только при умеренной терпимости к гомосексуальности – знании факта существования гомосексуалистов. Рассказы о гомосексуальной любви с её трудностями в этом «жестоким» мире, внушения

необходимости легализации однополых браков, показы всевозможных гей-парадов – разрушают и одновременно топят шар терпимости – наше общество.

Криминологический оборот стоит пополнить понятием «умеренная нетерпимость» – нетерпимость, ограниченная криминологической мерой, выражающаяся в совершении деяний, могущих выходить за рамки закона, но не должных признаваться правонарушениями в силу своей защитной сущности. Умеренная нетерпимость – это своего рода необходимая оборона, крайняя необходимость. Именно врождённая умеренная нетерпимость, присущая большинству в нашем обществе, защищает его от навязываемого нам гомосексуализма, иных разлагающих идей: агрессивного феминизма, толерантности, космополитизма. Своей всё усиливающейся чрезмерной активностью гомосексуалисты вынуждают общество проявить умеренную нетерпимость к ним – совершить действия, направленные на свою защиту, даже если таковые будут выходить за рамки закона.

Другой случай – терпимость современного западноевропейского общества к беженцам, разделившегося на два лагеря: терпимые и нетерпимые к вынужденным мигрантам. В той или иной степени понять можно всех участников данного действия. Но для разрешения уже существующего криминогенного противоречия между беженцами, с одной стороны, и населением стран, в которые они прибывают, с другой, необходимо обратиться к криминологической мере и обозначить границы умеренной терпимости, за пределами которой – взаимные преступления приезжих и коренного населения по отношению друг к другу, лавинообразно воспроизводящие совершение и иных преступлений.

Кроме того, необходимо чётко понимать, что коренное население, при отсутствии правильной государственной политики в этой сфере, основанной на умеренной терпимости общества, может и вправе проявлять умеренную нетерпимость, являющуюся средством самозащиты граждан, желающих жить в собственной стране, не боясь за своё будущее.

Нужно правильно политкриминологически оценивать заявления политиков и их возможные последствия, в случае воплощения в жизнь заявленного. В частности, высказыва-

ния А. Меркель после проявления немецкими гражданами различного рода недовольства в отношении беженцев: «Мы все наши усилия должны направить на то, чтобы ясно дать понять: толерантности по отношению к тем, кто ставит под вопрос достоинство других людей, не будет. Не будет толерантности по отношению к тем, кто не готов помочь там, где нужна правовая и человеческая помощь» [5]. Данная речь Меркель – пример неумеренной нетерпимости к своим гражданам.

Как уж тут не вспомнить злой анекдот, ставший сегодня востребованным: «Сидят два североамериканских индейца в резервации. Первый горестно говорит второму: «Да, недооценили мы в своё время нашествие мигрантов из Европы!». Меркель стоит подумать о криминологической мере, умеренной терпимости, уважать всех, но заботиться, в первую очередь, о собственных гражданах. Иначе, они всё более и более активно начнут проявлять свою обоснованную умеренную нетерпимость!

Окно Овертона в шаре терпимости. Уместно здесь напомнить и об окне Овертона. На его использовании основана технология манипуляции сознанием общества для постепенного принятия им доселе чуждых идей, снятия запретов. Вот оно развитие терпимости – скрытого криминогенного фактора. Суть технологии в том, что требуемый сдвиг мнений разбивается на несколько шагов, каждый из которых не выводит из текущего положения окна, сдвигая восприятие идей лишь на одну стадию, а общепринятую норму к его границе. Это вызывает последующий сдвиг самого окна, которое должно расположиться так, чтобы достигнутое положение снова оказалось в его середине, что и даст возможность совершить следующий шаг, не выходя из окна. По мере приближения к центру окна, идеи проходят следующие стадии: 1) немыслимых, 2) радикальных, 3) приемлемых, 4) мудрых, 5) популярных, 6) официальной политики [4]. Примером использования окна Овертона как раз и является пропаганда гомосексуализма.

Чтобы уберечь себя и общество от гибели, нужно руководствоваться умеренными терпимостью и нетерпимостью, помня, что иное – северный и южный полюса шара терпимости – криминогенные факторы.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зазулин Г.В. Толерантность к наркорреальности как проблема криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 31–34.
2. Милуков С.Ф. Крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 38–44.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 2008.
4. Сайт «Антимаркетинг». «Окно Овертона» – технология уничтожения человеческих сообществ. URL: <http://antimarketing.by/kak-nas-obmanuvayut/okno-overtona-texnologiya-unichtozheniya-chelovecheskix-soobshhestv/> (дата обращения: 04.05.2015).
5. Тысячи беженцев из Африки и Ближнего Востока пытаются прорваться в благополучную Европу. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/290958> (дата обращения: 10.09.2015).
6. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011.
7. Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Издательство «Лань», 2001.

REFERENCES

1. Zazulin G.V. Tolerantnost k narkorealnosti kak problema kriminologii. [Tolerance to drug abuse as a criminological issue]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 31–34.
2. Milyukov S.F. Krakh tolerantnosti i multikulturalizma kak vyzov rossiyskoy kriminologii. [Tolerance and multiculturalism failure as a challenge to the Russian criminology]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 3 (38), pp. 38–44.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Tolkoviy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological units]. Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M., 2008.
4. Sayt «Antimarketing». «Okno Overtona» – tekhnologiya unichtozheniya chelovecheskikh soobshchestv. [The web site «Anti-marketing». «Overton window» – technology for the destruction of human communities]. URL: <http://antimarketing.by/kak-nas-obmanuvayut/okno-overtona-texnologiya-unichtozheniya-chelovecheskix-soobshhestv/> (date of submission: 04.05.2015).
5. Tysyachi bezhentsev iz Afriki i Blichnego Vostoka pytayutsya prorvatsya v blagopolochnuyu Evropu. [Thousands of refugees from Africa and the Middle East are trying to break into prosperous Europe]. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/290958> (date of submission: 10.09.2015).
6. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to the criminology of law]. SPb., 2011.
7. Shestakov D.A. Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkij kurs. [Crime as a social trait. A short course]. SPb.: Sankt-Petersburgskiy gosudarstvenniy universitet. Izdatelstvo «Lan», 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Петрович Данилов – кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: danilov-a1@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey Petrovich Danilov – PhD in Laws, deputy president of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: danilov-a1@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Г.В. Зазулин

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НАРКОРЕАЛЬНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА КРИМИНОЛОГИИ

Аннотация: Толерантное общество становится абсолютно беззащитным перед любыми угрозами, в том числе, наркотизации населения, особенно молодёжи. Либеральная политика в отношении любых форм наркореальности есть преступная политика, направленная против России и её граждан.

Ключевые слова: толерантность; наркореальность; развал СССР; криминология.

G.V. Zazulin

TOLERANCE TO DRUG ABUSE AS A CRIMINOLOGICAL PROBLEM

Summary: The tolerant society is becoming absolutely defenseless against any threats, including drug abuse, especially among the youth. Liberal drug abuse policy is a criminal policy directed against Russia and its people.

Key words: tolerance; drug abuse; dissolution of the USSR; criminology.

Сергей Фёдорович Милоков, с взглядами которого мы в целом согласны, размышляя о смысле терминов «толерантность» и «мультикультурализм», полагает, что «...в своём буквальном значении эти слова не несут негативной, а, тем более, криминогенной нагрузки».

Однако буквальное значение слова не отражает современной сути используемого понятия «толерантность». Представляется, что сущность его можно понять только в контексте международной политики и того факта, что «Россия уже 250 лет, с середины XVIII века, является главным конкурентом и геополитическим противником Запада» [7, с. 12].

Без понимания причин крушения СССР – великой державы, в которой наркомания «... по европейским меркам, а особенно по американским, ещё не вышла из младенческого возраста» [5, с. 160] – невозможно понять, почему сегодня русский народ, «к числу первичных свойств которого принадлежит могучая сила воли» [6, с. 33], оказался массово поражён наркотизмом и какую роль в этом сыграла навязанная ему либеральной пропагандой толерантность.

Касательно причин краха СССР в научном сообществе нет единства, хотя бы потому, что одни от этого только выиграли, а другие – всё потеряли. Но для криминолога, знающего как ничтожно мало было число преступлений, в том числе коррупционных и в сфере незаконного оборота наркотиков (НОН) в СССР, и

какие масштабы приобрели эти криминальные явления в постсоветской России, профессионально важно во множестве факторов (экономических, политических, идеологических и др.) найти объективно доминирующее социальное противоречие, определить, когда оно возникло и понять, какой механизм лёг в основу его разрешения не в пользу России.

По нашему мнению, в известной мере с решением этой задачи справился писатель и политик Юрий Власов: «В русской духовной жизни не затихала напряжённая борьба за чистоту служения добру и любви, возвышенному служению творцу... Именно в это время Кальвин в Швейцарии вколачивает в людей и церковь каноны своей веры на протестантский лад, примеряя Бога с наживой, страстью делания денег и грехом, коли ты их не делаешь ... Это было попрание учения Христа. Но Запад его с восторгом принял. *Здесь и произошло расхождение мира русского человека и западного, расхождение несоединимое... Пока Россия горячо искала Бога, Запад реформацией превратил Бога в наживу и деньги*» [1, с. 389–390].

Учитывать данный историко-философский контекст необходимо для ясного понимания проблемы, поднятой С.Ф. Милоковым: крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии [8]. Это непреодолимое расхождение мира русского «богочеловека» и западного «правочеловека» оформилось в XX веке в противостояние

двух сверхдержав – СССР (России) и США (Запад). Борьба между ними (холодная война) стала главной интригой века.

Почему же Запад, который сам переживает сейчас крах толерантности и мультикультурализма, победил Россию времён СССР? По моему мнению, на данный вопрос очень верно ответил авторитетный русский историк Андрей Ильич Фурсов. Он утверждает: «Россия проигрывает информационную войну уже почти два столетия». Кроме того, доказывает, что информационное давление на Россию началось в 1820-е годы, т.е. после войны с Францией [10, с. 180].

Фурсов считает, что тогда был запущен очень мощный информационный проект – *русофобия*, т.е. неприязнь к России как стране русских, что являлось и информационной подготовкой к Крымской войне. С тех пор это противостояние не прекращалось, и информационное давление было функцией геополитической борьбы с Россией, которую она, как правило, проигрывала [10, с. 181]. По мнению Фурсова причины этого в следующем.

Информационную войну против России вели не отдельные государства, а наднациональные элиты Запада, имеющие колоссальный опыт их ведения, начиная с XVIII века. Русские же элиты мало того, что плохо владели этим оружием, но дело ещё было и в другом. После Петровской реформы у нас возникло *западническое дворянство*, а в XIX веке к нему добавилась *западническая интеллигенция*, либеральная и социалистическая. Эти люди смотрели на Россию западными глазами. Иными словами, по государственной линии российская элита противостояла Западу, а по линии информационной она была частью Запада и смотрела на собственный народ западными глазами. Иначе говоря, она была информационно-идеологически взята в плен. [10, с. 182].

Вот почему, когда западная пропаганда утверждает, что Россия – отсталая страна и что мы – недоделанная, неполноценная Европа, то наша элита с этим согласна, так как смотрит на свою страну «не собственным, не русским, а чужим взглядом и понимает свою страну чужим умом» [10, с. 182]. Поэтому, когда Запад навязывал нам проведение реформ по демократизации, расширению прав человека, *внедрению толерантности,*

воспитанию *мультикультуральной личности* и утверждал, что мы станем как он, войдя в «общеевропейский дом», реформы (а фактически – заимствование чужого, порождающего хаос) проводились (а в образовании и молодёжной политике проводятся до сих пор!) без оглядки на очевидные негативные последствия для народа и безопасности России.

На наших глазах насаждаемая в стране толерантность (ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию [4, с. 342]) стала важнейшим условием возникновения *наркореальности* [3, с. 175–179] в российском обществе. Причём здесь необходимо учитывать и то, что история и культура России, в отличие от истории и культуры большинства народов Западной Европы, никогда не имели сравнимого с Западом опыта потребления наркотиков в целях опьянения.

Возможно ли, не взирая на провозглашение реформаторами курса на толерантность, успешно противостоять ему в той части, которая относится к наркореальности? Несомненно. Приведём только один пример из личного опыта борьбы с толерантным отношением нашего населения и власти к внедрению идеологических элементов наркореальности в сознание молодёжи.

В 2004 году вступил в силу КоАП РФ, содержащий новую норму о запрете пропаганды наркотиков. Мы ждали этого с момента принятия ФЗ № 3-98, т.е. около 4 лет и всё это время проигрывали пронаркотическим силам наркореальности в идеологическом наркоконфликте. Поэтому, узнав о пропаганде наркотиков по телевизору, я обратился к депутату Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Игорю Матвееву со следующим заявлением.

«6 марта 2004 года в 16.55 телеканал СТС показал видеоклип «Легалайз» в исполнении Кирилла Толмацкого (Децл). Текст песни и видеоряд рекламирует курение марихуаны и легализацию наркотиков. Исполнитель, являясь кумиром большой части молодёжи, пользуется исключительным авторитетом, что повышает степень воздействия наркотической пропаганды. С экрана телевизора утверждается, что марихуану курят все слои населения, но вынуждены делать это скрытно, поскольку

сейчас употребление наркотиков преследуется законом. В скором будущем ситуация изменится и курить марихуану можно будет свободно, так же как употреблять алкогольные напитки сейчас. Предлагается объяснить родителям, что это нормально. В качестве примера людей, употребляющих наркотики, приводятся популярные телеведущие (с указанием передач), политики и влиятельные особы. Автор предлагает объединиться с целью легализации наркотиков, показывая наркотические препараты на прилавках магазинов, напрямую ассоциируя их с продуктами питания.

В 4-х минутном видеоряде 43 раза появляется кадр с изображением листа каннабиса и надписью LEGALISE. Показ кадра на время 1/15 сек. воздействует на психику с эффектом 25-го кадра. В клипе напрямую не упоминается название наркотика, но в сочетании с видеорядом идея композиции исключает двусмысленное толкование.

На фоне борьбы с распространением и потреблением наркотиков считаю недопустимым трансляцию этого и подобных материалов. Прошу Вас оказать содействие в получении правовой оценки действий продюсеров телеканала СТС и исполнителя видеоклипа «Легалайз» и применении в отношении них юридических санкций, предусмотренных статьей 6.13 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации».

Властные органы отреагировали, и по результатам проверки было подготовлено предостережение прокуратуры города генеральному директору и ответственному редактору телеканала «СТС-Петербург» Виктору Машенджинову о недопустимости нарушения действующего законодательства [9]. Больше подобных передач на телевидении не было. Даже трудно представить, что было бы, если российские законодательные органы, как это было в период с 1991 по 1998 год, работали бы в мейнстриме толерантности к пропаганде потребления наркотиков.

Толерантность, таким образом, можно представить как своеобразный вирус иммунодефицита общественного сознания, кото-

рый, внедряясь в констелляцию ценностных доминант суперэтнической общности, смещает и переворачивает элементы коллективной системы координат, дезориентируя общество в целом и каждого отдельно взятого его члена, в частности.

Толерантное общество становится абсолютно беззащитным перед любыми угрозами, в том числе, наркотизации населения, особенно молодёжи. Вслед за внедрённой в общественное сознание идеологемы толерантности к участникам НОН (включая наркопотребителей) неизбежно следует саморазвёртывание наркорреальности с преобладанием пронаркотических сил на всех уровнях социального пространства (в политике, культуре, досуге, молодёжных субкультурах и др.).

Идеологический вирус толерантности блокирует естественные защитные механизмы народа и государства, формируя нейтральное или положительное отношение к феномену наркотического, вследствие чего пронаркотические силы получают безусловное преимущество в идеологическом нарконе конфликте, а значит и во всех иных формах наркорреальности (политической, экономической, культурной).

Мы предлагаем рассматривать внедрение идеологемы толерантности как технологию, используемую, в нашем случае, пронаркотическими силами в целях обеспечения деструктивного идеологического нарконе конфликта, что, безусловно, влечёт за собой наркотическую криминализацию общества. А это значит, что отечественные криминологи, являясь авторитетной группой в юридическом научном кругу, обществе, не могут быть сторонними наблюдателями этого конфликта. Они должны своими действиями придавать ему конструктивную направленность, предоставляя при этом подрастающему поколению положительные примеры различных форм интолерантного (естественного и непримиримого) отношения к наркорреальности и её представителям (наркофилам первого и второго порядка) [2, с. 81–82]. Либеральная политика в отношении любых форм наркорреальности есть преступная политика, направленная против России и её граждан.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власов Ю.П.* Временщики: Судьба национальной России: Её друзья и враги. М. Издательство «Детектив-Пресс», 1999.
2. *Галанкин Л.Н.* Современная школа и семья в контексте проблемного процесса распространения наркомании в России (глава 4) // Фролова Н., Целинский Б., Зазулин Г., Галанкин Л. Теория, практика и методы антинаркотической деятельности в современной России. Монография. М. Орбита, 2014.
3. *Зазулин Г.В., Галанкин Л.Н.* Наркореальность как научный термин // Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова / Под ред. д-ра техн. наук, проф. М.В. Сухотерина, д-ра мед. наук, проф. Л.Н. Галанкина. СПб. Изд-во ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, 2014.
4. *Кордуэлл М.* Психология. А – Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. М., 1999.
5. *Левин Б.М., Левин М.Б.* Наркомания и наркоманы: Книга для учителя. М., 1991.
6. *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Книга первая. Посев, 1957.
7. *Мединский В.Р.* Скелеты из шкафа русской истории. М. ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
8. *Милуков С.Ф.* Крах толерантности и мультикультурализма как вызов российской криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 38–44.
9. Руководство телеканала «СТС-Петербург» получило прокурорское предостережение за показ клипа Децла. Сайт «Лениздат.ру». URL: <https://lenizdat.ru/articles/1022204/> (дата обращения: 27.08.2015).
10. *Фурсов А.* Вперёд к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. («Коллекция Изборского клуба»). М. Изборский клуб. Книжный мир, 2014.

REFERENCES

1. *Vlasov Y.P.* Vremenshchiki: Sudba natsionalnoy Rossii: Ee druzya i vragi. [Temporary rulers: Fate of Russia: its friends and enemies]. M. Izdatelstvo «Detektiv-Press», 1999.
2. *Galankin L.N.* Sovremennaya shkola i semya v kontekste problemnogo protsessa rasprostraneniya nar-komanii v Rossii (glava 4) // [Modern school and family in the context of spread of drug abuse in Russia (chapter 4)]. Frolova N., Tselinskiy B., Zazulin G., Galankin L. Teoriya, praktika i metody antinarkoticheskoy deya-telnosti v sovremennoy Rossii. Monografiya. M. Orbita, 2014.
3. *Zazulin G.V., Galankin L.N.* Narkorealnost kak nauchniy termin. [Drug abuse as a scientific term] // Sbornik nauchnykh trudov professorsko-prepodavatelskogo sostava Gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota imeni admiral S.O. Makarova / Pod red. d-ra tekhn. nauk, prof. M.V. Sukhoterina, d-ra med. nauk, prof. L.N. Galankina. SPb. Izd-vo GUMRF im. adm. S.O. Makarova, 2014.
4. *Cardwell M.* Psikhologiya. A-YA. [Psychology. A-Z]. Slovar-spravochnik / Per. s angl. K.S. Tkachenko. M., 1999.
5. *Levin B.M., Levin M.B.* Narkomaniya i narkomany: Kniga dlya uchitelya. [Drug abuse and drug addicts: teacher's book]. M., 1991.
6. *Losky N.O.* Kharakter russkogo naroda. [The character of the Russian people]. Kniga pervaya. Posev, 1957.
7. *Medinsky V.R.* Skelety iz shkafa russkoy istorii. [Skeletons from the cupboard of Russian history]. M. ZAO «OLMA Media Grupp», 2010.
8. *Milyukov S.F.* Krakh tolerantnosti i multikulturalizma kak vyzov rossiyskoy kriminologii. [Tolerance and multiculturalism failure as a challenge to the Russian criminology]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 3 (38), pp. 13–24.
9. Rukovodstvo telekanana «STS-Peterburg» poluchilo prokurorskoe preduprezhdenie za pokaz klipa Detsla. [The management team of «STS-Peterburg» TV Channel received a warning from the prosecutor's office for broadcasting Detsl's video]. Sayt «Lenizdat.py». URL: <https://lenizdat.ru/articles/1022204/> (date of submission: 27.08.2015).
10. *Fursov A.* Vpered k pobede! Russkiy uspek v retrospektive i perspektive. [Come on for the victory! Russian success in retrospective and perspective]. «Kollektsiya Izborskogo kluba». M. Izborskiy klub. Knizh-niy mir, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Георгий Васильевич Зазулин – кандидат юридических наук, доцент кафедры конфликтологии Института философии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: zazulin.ecad@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Georgiy Vasilievich Zazulin – PhD in Laws, associate professor of the department of conflictology at Institute of philosophy of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: zazulin.ecad@gmail.com

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Основной доклад беседы «Криминогенное влияние социальных катаклизмов на семейные отношения» от 23 октября 2015 года

УДК 343.9
ББК 67.51

V.S. Kharlamov

КРИМИНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация: Из рассматриваемых социальных потрясений наибольшее усиление криминодеформаций, криминальных проявлений в семейной сфере происходит во время военного конфликта и революции.

Ключевые слова: социальные катаклизмы; семейная криминология; политическая криминология.

V.S. Kharlamov

CRIMINOGENIC INFLUENCE OF SOCIAL CATAclysms ON FAMILY RELATIONS

Summary: Out of all social upheavals war and revolution have the biggest criminogenic influence in family sphere.

Key words: social upheavals; family criminology; political criminology.

Значимое место в эволюции семейных отношений занимают социальные катаклизмы или потрясения, деформирующие определённым образом семейный очаг. В настоящей статье акцентируется внимание не на всех последствиях социальных катаклизмов, а только тех, которые оставляют криминогенный след в сфере семейных отношений в виде криминодеформации.

Под криминодеформацией семьи (или криминогенной деформацией) (от лат. «*deformatio*» – искажение) понимается нарушение внутрисемейной целостности, обусловливающее преступное поведение домочадцев. В период социальных потрясений в процессе жизнедеятельности любого семейного социума особое значение приобретают деформации структурные (отсутствие полной семьи) и функциональные (наличие нарушений семейных функций).

Указанные виды деформаций трансформируются при определённых условиях в криминодеформации семейных отношений [33, с. 32–35, 40–49]. В результате криминодеформаций наступает неблагополучие семьи, приводящее к деструктивным последствиям. Как известно, рассматриваемое неблагополучие выражается в невыполнении семьёй

своего назначения по приспособлению её членов к общественной жизни, детерминирующее их криминализацию, а также в способствовании семьёй появлению у её членов намерения совершить преступление [11, с. 497]. Социально негативные свойства семьи повышают такие катализаторы криминогенного поведения домочадцев как прежняя судимость за насильственное преступление, злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков.

Преступноведческой наукой разработан базовый постулат, заключающийся в том, что к преступлению ведут две линии причинной связи, обусловленные особенностями личности и конкретной жизненной ситуацией, в которой она находится [12, с. 16–17]. Обратимся к последнему атрибуту. Несомненно, на жизненном пути семьи случаются различные чрезвычайные ситуации: скоростная смерть кормильца, суицид родственника, развод. Указанные события, несущие негативный заряд, объединяют достаточно узкий круг лиц преимущественно внутрисемейной сферы. Войны, революции, техногенные катастрофы также оказывают значительное влияние на эволюцию семей. Представленные экстремальные события ох-

ватывают весьма широкий круг лиц, влекут значительные человеческие жертвы и ущерб здоровью многих людей, нарушая условия жизнедеятельности населения. Рассмотрим воздействие на семью наиболее значимых социальных потрясений: войн, государственных переворотов, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Война как инструмент вооружённого подавления противника известна испокон веков. Разрешение конфликтов между социальными группами, племенами, народами, государствами с применением оружия происходило в каждой общественно-экономической формации. Рассматриваемые конфликты отличает видовое многообразие. Выделяют войны колониальные, революционные, оборонительные, наступательные, религиозные, торговые, наземные, несправедливые...

Основаниями для типологии войн являются не только наступивший ущерб, но и иные критерии: масштаб (локальная, мировая), цели (освободительная, завоевательная), способ ведения (партизанская, тотальная), направленность (информационная, психологическая), использованное вооружение (копье, ядерное оружие), воюющие стороны (властная элита, коалиции), длительность (скоротечная, затяжная), политический характер (гражданские, межгосударственные) и другие [17, с. 11–13].

Для населения воюющих сторон вооружённое противоборство становится мощнейшим социальным катаклизмом, имеющим разрушительные последствия. По подсчётам историков, в 14,5 тыс. больших и малых войн, происшедших за последние пятьдесят пять с половиной веков, погибло 3640 млн. человек [4]. Негативные демографические тенденции в период военных конфликтов в России в XX веке отмечены российским учёным С.В. Захаровым. По его сведениям, на относящиеся ко времени Первой мировой войны и Гражданской войны периоды (1914–1922 годы) приходится наиболее высокая доля россиян, никогда не состоявших в браке. В период Второй мировой войны также была дестабилизация брачности, причина чему – ограничение возможностей для создания семей в годы войны. Средний возраст первого брака для женщин военного периода возрос на 2–3 года по сравнению с поколениями, успевшими вступить в брак до войны [8, с. 113]. Соответственно

менялся срок деторождения и становления семьи.

Как показывает исторический опыт, государство, вступая в военное противостояние, вытесняет семейные ценности на периферию общественно значимых интересов. Одновременно органы власти активно применяют методы административно-волевого вмешательства в сферу семейных отношений. Например, в годы Второй мировой войны на основании директивы министра юстиции нацистской Германии Тирака О. женщины подвергались уголовному преследованию из-за супружеской неверности [1, с. 216]. В то же время руководители нацистской Германии (А. Гитлер, Г. Гиммлер, М. Борман) одобряли многожёнство. Последнее, однако, разрешалось только избранным военным служащим – проявившим выдающиеся боевые качества, кавалерам Германского золотого креста, Рыцарского креста, Железного креста [18, с. 237–238].

В третьем рейхе складывались отклоняющиеся формы брачно-семейных отношений: практиковалось заочное бракосочетание, когда невеста выходила замуж в отсутствие жениха. В связи с тем, что на церемонии бракосочетания отсутствующего жениха символизировала стальная каска, среди немцев такой брак прозвали «брак со стальным шлемом» [7, с. 67]. В Австрии с начала Второй мировой войны и до ноября 1945 года разрешалась регистрация браков с павшими солдатами [1, с. 210, 219, 225].

В СССР в предвоенные и годы Великой Отечественной войны в брачно-семейные отношения также существенно вмешивалось государство. В 1941 году известный советский цивилист Г.М. Свердлов, обосновывая командно-административные методы в семейной сфере, утверждал: «Социалистическое государство оставляет за собой весьма значительную сферу прямого и активного вмешательства в семейные отношения. Оно отвергает взгляд на отношения между людьми как на отношения индивидуалистические, личные, нейтральные для общества и государства. Государство кровно заинтересовано в каждом индивидуальном семейном отношении, оно диктует, властно указывает, определяет условия, гарантирующие интересы коллектива, обеспечивающие выполнение долга по отношению к коллективу» [19, с. 67].

Государственный императив нашёл отражение в нормативно-правовых актах. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года ужесточалась бракоразводная процедура, признавался законным только зарегистрированный брак, а фактический брак, легализованный в 1926 году, утратил силу и юридическое значение [29]. Была узаконена дискриминация детей, рождённых вне брака, через запрещение в отношении них установления отцовства. Это приводило к потере права на получение алиментов от фактического отца. В свидетельстве о рождении внебрачных детей в графе «отец» ставился прочерк, что создавало существенные трудности при установлении законных отношений между отцом и детьми. Значительно ухудшилось положение одиноких матерей с детьми. Мизерные государственные пособия, устанавливаемые для одиноких матерей, не могли заменить алиментов. Из-за усложнения проблем с процедурой развода был спровоцирован рост незарегистрированных брачных отношений. Декларируя заботу о детях, охрану прав и интересов домочадцев, государство на практике санкционировало бесправие внебрачных детей, существенное снижение безопасности членов семьи.

Приведённые примеры государственной внутрисемейной интервенции в СССР, Германии и Австрии Д.А. Шестаков, на наш взгляд, верно оценивает, как попытки государства укрепить семейные отношения негодными средствами.

Уже в XXI веке во время вооружённых конфликтов в некоторых странах встречается такая форма деструкции семейных отношений как принудительная выдача вдов замуж (Палестина, Афганистан). 10 июля 2014 года в палестинском секторе Газа прошла публичная церемония массовой свадьбы активистов организации «Исламское движение сопротивления» (ХАМАС), осуществляющей вооружённую борьбу с Израилем. Были выданы замуж 100 овдовевших палестинок: их мужья погибли в ходе операции «Литой свинец», проведённой израильскими силовыми структурами [32]. Практика показывает, что насильственное бракосочетание увеличивает риск усиления внутрисемейных деформаций.

Война выступает катализатором насильственного поведения лиц, участвующих в ней, способствует формированию культуры наси-

лия у населения враждующих сторон. Семья же остаётся без кормильца на значительные сроки, снижается контроль за подрастающим поколением со стороны домочадцев, отмечается рост так называемой «безотцовщины». В результате в семьях усиливаются тревожность за родных и близких, депрессивные состояния, наблюдаются значительные эмоциональные перегрузки, «надлом» механизмов психической регуляции. В первую очередь, страдают наиболее уязвимые домочадцы: младенцы, немощные старики.

Однако следует признать и некоторый позитивный момент: в условиях военного противостояния семья стремится к сплочению на почве ненависти к врагу и самосохранения.

Государственный переворот. Победившая власть, пришедшая на смену предыдущей, устанавливает новый общественный порядок, изменяя по своему усмотрению семейную политику, сопутствующее законодательство и правоприменительную практику. Судьба семейных ценностей в определённой степени зависит от прихотей, понятий и стратегий победившей властной элиты.

Исторические хроники свидетельствуют, что семьи, ставшие врагами или оппонентами новой власти, были подвержены преследованиям. Репрессии в отношении неблагонадёжных семей осуществлялись под различными предлогами (политическими, идеологическими, религиозными, правовыми, национальными, сословными, профессиональными). В частности, преследованиям подвергались семьи свергнутых монархов, контрреволюционеров, заговорщиков, коммунистов, священнослужителей, террористов, поволжских немцев, дворян, кулаков, военачальников.

Государственное принуждение «неблагонадёжных» семей практикуется издавна. В правление Петра I в российском законодательстве получила распространение карательная практика в форме децимации, когда наказывался каждый десятый из числа лиц, не причастных к преступлению, но находившихся в родственных отношениях с правонарушителем [6]. Последующие века в России отметились «родственной порукой», завершившейся с крахом сталинизма.

На наш взгляд, интересен феномен victimности семейного социума, недостаточно исследованный криминофамилистикой. Справедливости ради следует отметить, что

и нынешнее законодательство содержит нормативно-закреплённые «атавизмы» «родственной поруки». Например, Федеральным законом от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [30] устанавливается ответственность для родственников террористов. Возмещение вреда, включая моральный вред, причинённого в результате террористического акта, осуществляется в порядке, установленном законодательством РФ о гражданском судопроизводстве, за счёт средств лица, совершившего террористический акт, а также за счёт средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества (ч. 1.1 ст. 18).

Основанием для репрессий в ходе большинства революций, являющихся разновидностью государственного переворота, являлось социальное происхождение лица. Лишь за 2 года (1793–1794 годы) десятилетней революции во Франции было гильотинировано 17 тыс. противников республики, столько же «подозрительных» лиц умерло в тюрьмах. Согласно декрету Конвента, принятому 18 сентября 1793 года, к подозрительным, неблагонадёжным, врагам народа причисляли не только бывших дворян, но также «их мужей, жён, отцов, матерей, сыновей и дочерей, братьев и сестёр, а равно агентов-эмигрантов, которые не проявили своей постоянной преданности революции» [15, с. 213].

В России в начале XX века размах большевистского террора многократно превзошёл репрессии Великой французской революции (1789–1799 гг.). Один из руководителей ВЧК М.И. Лацис утверждал: «Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс... Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого» [14]. Не случайно именно Лацис подписал приговор членам императорской семьи.

Деформации в семейных отношениях репрессуемых семей возникали вследствие

нарушения внутрисемейных связей, утраты целостности семьи. Революция 1917 года в России представляет особый интерес для исследователя-криминофамилиста. Рассмотрим более подробно диалектику взаимоотношений советского государства и семьи в послереволюционный период.

Советская власть, вслед за властью княжеской, а затем и царской, начала выстраивать новый образ семьи. Точнее, её антипод. Впервые в истории лидеры Советского государства, «вооружённые» марксистским нигилизмом к перспективам институтов брака и семьи при социализме, возвели в ранг официальной государственной идеологии установку на отмену семьи. Государственная машина, расширяя свои регулятивные функции, прямо или косвенно способствовала вытеснению семейных ценностей на окраину общественно значимых приоритетов.

Внутрисемейные криминодеформации проявлялись в резком увеличении числа беспризорников-правонарушителей, росте проституции, ослаблении супружеских связей, разрушении союза детей и родителей. Одной из первоочередных мер в сфере семейного законодательства становится упрощение регистрации и расторжения брака. 18 декабря 1917 года принимается Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» [27], лишивший церковь полномочий в сфере семейных отношений.

Как отмечают исследователи, в первых нормативных актах советской власти был реализован тезис В.И. Ленина о максимальном упрощении процедуры развода как действенной предпосылки раскрепощения женщины, ставший главным обоснованием нового законодательства о разводе. Революционным законодательством свобода брака и развода были возведены в культ [28, с. 45].

В принятом в 1918 году Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве провозглашено направление деятельности на деприватизацию семейной жизни и социализацию семейных функций [5; 27]. Запрещалось усыновление, отменялся принцип общности имущества супругов. Воспитание детей рассматривалось как общественная обязанность родителей, при невыполнении которой суду предоставлялись полномочия лишения их родительских прав.

В начальный период советской власти отдельными декретами, постановлениями и инструкциями были упразднены суд и тюрьмы для малолетних и несовершеннолетних преступников [13, с. 22–24]. 21 октября 1918 года было издано постановление ВЧК, закреплявшее, что «пометки в паспортах о церковном венчании, присвоение на основании церковного венчания женщине фамилии лица, с которым она венчалась, отметка милицией таких лиц как состоящих в браке и выдача венчавшейся паспорта на фамилию гражданина, с которым она венчалась, является саботажем декрета о гражданском браке, присвоением чужой фамилии и звания мужа или жены, т.е. срывом декретов рабоче-крестьянского правительства, а для служащих милиции – преступлением по должности» [20].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года не фокусировал внимание на проблеме уголовно-правовой охраны личности в силу идеологических штампов о примате государственных и общественных интересов над личными. Задача уголовного законодательства РСФСР ограничивалась лишь охраной «социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нём правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений) путём применения к лицам, их совершающим... мер социальной защиты» [16, с. 8].

В период становления советского законодательства семейные отношения вообще не рассматривались как объект правовой охраны. К характерным можно отнести происшедшие после революции на Кавказе факты принудительного бракосочетания вдов, аналогичные событиям на Ближнем Востоке в XXI веке, о чём упоминалось выше. В 1923 году на основании распоряжения председателя окружного исполкома Андийского округа Дагестана сельские советы насильственно выдавали вдов и девушек замуж. За отказ выйти по указанию сельского совета замуж женщины подвергались аресту [3, с. 47].

Уголовным кодексом РСФСР не закреплялось в качестве самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны защита семьи, охрана прав и интересов домочадцев. Законодателем не допускалась мысль о том, что в советской семье в результате внутрисемейных преступлений могут быть нарушены права её членов. В соответствии с новой государ-

ственной идеологией в передовой советской семье, в отличие от семьи капиталистической, криминал должен изжить себя.

На первое место выдвигались государственные, контрреволюционные преступления. Преобладание интересов государства над интересами личности относилось к политической доминанте. Проявление жестокости в семье в период социалистического развития России объяснялось «пережитками прошлого». Пролетарско-крестьянское происхождение при назначении наказания за насильственные действия в семье зачастую служило смягчающим обстоятельством. В случае совершения внутрисемейного преступления классовым врагом криминальное поведение не только осуждалось пролетарской моралью, но и достаточно строго преследовалось в уголовном порядке. Следует признать, что семейная ячейка послереволюционной России была оставлена беззащитной перед лицом преступных посягательств.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года устранил ответственность родителей за жестокое обращение с ребёнком, присвоение или растрату имущества несовершеннолетнего, вовлечение несовершеннолетнего в преступление. По Уголовному кодексу РСФСР 1926 года жестокое обращение в отношении детей со стороны родителей также не считалось преступлением. В то же время к перечню противоправных деяний законодатель добавил норму, предусматривающую ответственность за «злостное, несмотря на имеющуюся к тому возможность, уклонение от платежа присуждённых судом средств на содержание детей» (ст. 158) [23, с. 558; 24, с. 692]. В целом, законодатель отказался от вычленения в структуре Уголовного кодекса самостоятельной главы о преступлениях против семьи. Такой порядок сохранялся вплоть до 1996 года.

В изданном в 1926 году Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР к важным новациям следует отнести охрану фактических (незарегистрированных) брачных отношений, допущение усыновления, декретирование регистрационного порядка установления отцовства по одностороннему заявлению матери, изменение супружеских имущественных отношений и повышение брачного возраста женщины до брачного возраста мужчины (до 18 лет), закрепление правомо-

чий детей на получение содержания от родителей и немощных родителей – от детей [25].

Во время правления И.В. Сталина были изменены приоритеты семейной политики. Коррекция государственных идеологических установок заключалась в отказе от идеи отмены института семьи, декларировании курса на укрепление новой советской семьи, соответствующей требованиям социалистического строительства. Закреплённые в законодательстве в 30-годах XX века идеологические установки действовали впоследствии в военное и послевоенное время.

В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» подчёркнута важнейшая роль семьи в воспитании детей и установлена ответственность родителей за ненадлежащую заботу о подрастающем поколении: наложение административных штрафов на родителей до 200 руб. за озорство и уличное хулиганство детей; возложение на родителей и опекунов материальной ответственности за ущерб, причинённый детьми; уголовная ответственность опекунов за использование опеки в корыстных целях [21].

В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» отмечена значимая роль женщины в деторождении и в целях борьбы с «легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям» увеличена ответственность за уклонение от уплаты алиментов, запрещено производство абортов, за исключением определённых случаев, а также затруднена процедура развода [22].

В связи с последовавшей после окончания Великой Отечественной войны «холодной войной» в Советском Союзе сохранялось жёсткое государственное регулирование в семейной сфере. На основании Указа ПВС СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» от 18 марта 1947 года были запрещены браки между гражданами СССР и иностранцами. Данный Указ действовал до 14 октября 1953 года [2]. Грубая интервенция советского государства

в брачно-семейные отношения провоцировала криминогенное поведение домочадцев, не принимавших насильственное вмешательство в их личную жизнь.

В связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 года вплоть до 1996 года доминирующий вектор развития уголовного законодательства в семейной сфере был направлен на охрану прав и интересов подрастающего поколения. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года существенно расширил перечень деяний, ориентированных на защиту личных, семейных, имущественных и иных интересов членов семьи. Однако уголовно-правовые нормы, предусматривавшие охрану членов семьи, были рассредоточены в разных главах Кодекса. Особый объект охраны домочадцев позволял говорить о необходимости их институционализации в Уголовном кодексе, но законодатель решился на этот шаг лишь к 1996 году.

Исторические факты свидетельствуют, что в результате государственного переворота случалось тотальное государственное воздействие на семейные отношения. Дестабилизация и деформация упомянутых отношений являлись последствиями такой политики. В Кампучии во второй половине XX века в период правления Пол Пота семья формировалась и существовала под надзором государства. Партийные лидеры отбирали и проверяли кандидатов на брак, приказывали девушкам выходить замуж за предлагаемую кандидатуру, например, ветерана войны. Невыполнение приказа влекло репрессии для «виновной» [26].

Насилие властной элиты в отношении земляков, несомненно, усиливало в регионе общую агрессию, которая распространялась на родных и близких властителей. Закономерны известные исторические факты криминального внутрисемейного поведения диктаторов. Убивали своих родственников римские императоры Калигула и Нерон, султан Османской империи Ибрагим, царь Иван IV. В 1945 году один из руководителей нацистской Германии Й. Геббельс организовал убийство шестерых своих несовершеннолетних детей. Диктатор Теодоро Обианг Нгема Мбасого в 1979 году возглавил военный переворот в Экваториальной Гвинее, свергнув и казнив своего дядю Нгема Бийого – президента страны. В 2013 году в Северной Ко-

рее, находившейся в состоянии повышенной боевой готовности, по приказу руководителя КНДР Ким Чен Ына массовой казни подверглись все члены семьи его родного дяди Чан Сон Тхэка, включая младенцев [10].

Итак, государственный переворот как способ борьбы за власть в определённой степени способствует нарастанию агрессии в обществе. Межличностное насилие распространяется на семью как ячейку общества. Усиление внутрисемейных криминодеформаций зависит от степени ожесточённости борьбы за власть в ходе государственного переворота.

Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, в частности, землетрясения, наводнения, масштабные лесные пожары, эпидемии и эпизоотии происходят в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [31].

В результате указанных бедствий в семьях остаётся определённый криминогенный след. Увеличивается количество семей, попавших в трудную жизненную ситуацию из-за утраты имущества. Растёт число пострадавших родных и близких, погибших. В целом, усиливаются структурные и функциональные деформации семейных отношений. Однако существенным отличием от других общепризнанных ситуаций является более низкая степень межличностной агрессии.

В период экологических бедствий, социальных потрясений может усиливать крими-

ногенное воздействие на семейные отношения и вынужденная миграция. Переселенцы направляются в более безопасные места проживания. Известны массовые перемещения населения из-за лесных пожаров 2010 года на Алтае, землетрясения 1989 года в Спитаке, радиационной катастрофы 1986 года в Чернобыле.

Единственно верной внутрисемейной стратегией в указанные периоды является сплочение семьи для борьбы с общей бедой. Однако сопутствующий стресс и депрессии домочадцев являются предвестниками значительных внутрисемейных криминогенных искажений.

Чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера является серьёзным испытанием для семьи. Крепость и надёжность семейных отношений проверяются возникшими лишениями и ограничениями. В указанный период общество и семьи вынуждены объединяться с целью устранения последствий бедствия. В межличностных отношениях проявляется существенно меньше нетерпимости и агрессивности, чем в иных опасных ситуациях.

Сравнительный анализ свидетельствует, что из рассматриваемых социальных потрясений наибольшее усиление криминодеформаций, криминальных проявлений в семейной сфере происходит во время военного конфликта и революции. Определённые надежды возлагаются на дальнейшие научные изыскания в рассматриваемой тематике. Открытий следует ожидать в результате взаимопроникновения семейной и политической криминологии.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Essner C., Conte E. «Fernehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». *Methamorphosen des Eherechts im Dritten Reich // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. 1996. Heft 2.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 10.
3. Гаджиев Д.М. Власть и особенности предупреждения преступности в Республике Дагестан: Монография. Махачкала, 2007.
4. Дементьев Б.П. Феномен теории и практики локальных войн. URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=fenomen-teorii-i-praktiki-lokalnyh-vojn> (дата обращения: 08.09.2015).
5. Дорохина О.В. Семейная политика государства как объект исследования // *Вестник Московского университета*. 1997. № 2.
6. Епифанов П.П. Военно-уставное творчество Петра Великого // *Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н.Л. Рубинштейна*. М.: Изд-во Государственной Библиотеки СССР, 1946.
7. Ермаков А.М. Реформирование института брака в нацистской Германии в годы Второй мировой войны // *Ярославский педагогический вестник*. 2012. № 1.
8. Захаров С.В. Меняющиеся параметры матримониального поведения // *Демографическая модернизация России 1900–2000*. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.

9. Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940–1945 гг. М.: ЗАО Центрполиграфия, 2004.
10. Ким Чен Ын казнил всю семью дяди, включая младенцев – источник. URL: <http://www.aif.ru/society/1090695> (дата обращения: 08.09.2015).
11. Криминология – XX век. Научно-учебное издание / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000.
12. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юрид. литература, 1968.
13. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002.
14. Лацис М.И. Район действий Чрезвычайной комиссии на чехословацком фронте // Красный террор. Казань, 1918.
15. Лотте С.А. Великая французская революция. М., 1933.
16. Научно-популярный практический комментарий Уголовного Кодекса РСФСР с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 г. / Под ред. Гернета М.Н. и Трайнина А.Н. М., 1927.
17. Остроухов О.В. Проблема классификации войн в историко-философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.
18. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
19. Свердлов Г.М. О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. №1.
20. Семейное право: Учебное пособие. Авторский коллектив allpravo.ru. 2003. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc100p0/instrum102/item169.html> (дата обращения: 08.09.2015).
21. СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 252.
22. СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
23. Собрание Кодексов. 3-е изд. М., 1925.
24. Собрание Кодексов. 4-е изд. М., 1927.
25. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1926. № 82. Ст. 612.
26. Современная история Камбоджи. URL: <http://kasugati.ru/kambodzha/sovremennaya-istoriya-kambodzhi> (дата обращения: 10.10.2015).
27. СУ РСФСР 1917. № 11. Ст. 160.
28. Уенкова О.Г. Институт расторжения брака по законодательству Российской Федерации и стран континентальной правовой семьи (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
29. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1944. № 60.
30. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
31. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Федерального закона от 21.07.2014 № 271-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
32. ХАМАС выдал замуж 100 вдов «Литого свинца». URL: <http://nevesta.dn.ua/newsworld/1572-100q-q2800.html> (дата обращения: 08.09.2015).
33. Шестаков Д.А., Харламов В.С. Криминологическая диагностика семейных отношений органами внутренних дел: Монография. М., 2011.

REFERENCES

1. Essner C., Conte E. «Fernehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». Methamorphosen des Eherechts im Dritten Reich // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1996. Heft 2.
2. Gazzette of the Supreme Soviet of the USSR. 1947, no. 10.
3. Gadzhiev D.M. Vlast i osobennosti preduprezhdeniya prestupnosti v Respublike Dagestan: Monografiya. [Government and crime prevention features in the Republic of Dagestan: Monograph]. Makhachkala, 2007.
4. Dementiev B.P. Fenomen teorii i praktiki lokalnykh voyn. [Phenomenon of theory and practice of local wars]. URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=fenomen-teorii-i-praktiki-lokalnyh-vojn> (date of submission: 08.09.2015).

5. *Dorokhina O.V.* Semeynaya politika gosudarstva kak ob'ekt issledovaniya. [Family policy as a subject of research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Bulletin of the Moscow University*, 1997, no. 2.
6. *Epifanov P.P.* Voenno-ustavnoe tvorchestvo Petra Velikogo. Voennye ustavy Petra Velikogo. [Military manuals of Peter the Great] / Pod red. N.L. Rubinshteyna. M.: Izd-vo Gosudarstvennoy Biblioteki SSSR, 1946.
7. *Ermakov A.M.* Reformirovanie institute braka v natsistskoy Germanii v gody Vtoroy mirovoy voyny. [Marriage reforms in Nazi Germany during World War II]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2012, no. 1.
8. *Zakharov S.V.* Menyayushchiesya parametry matrimonialnogo povedeniya. [Changing parameters of matrimonial behavior] // *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000*. Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: Novoe izdatelstvo, 2006.
9. *Kersten F.* Pyat let ryadom s Gimmlerom. Vospominaniya lichnogo vracha. 1940–1945 gg. [5 years next to Himmler. The memories of personal physician]. M.: ZAO Tsentropoligrafiya, 2004.
10. Kim Chen Yn kaznil vsyu semyu dyadi, vklyuchyaya mladentsev – istochnik. [Kim Jong-un executed his uncle's family, including infants – the source]. URL: <http://www.aif.ru/society/1090695> (date of submission: 08.09.2015).
11. *Kriminologiya – XX vek*. [Criminology – the XXth century]. Nauchno-uchebnoe izdanie / Pod red. V.N. Burlakova, V.P. Salmikov. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2000.
12. *Kudryavtsev V.N.* Prichinnost v kriminologii. [Causality in criminology]. M.: Yurid. literatura, 1968.
13. Kurs ugolovnogo prava. Obschaya chast. [Course of criminal law. General part]. Tom 1: Uchenie o prestuplenii / Pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy. M., 2002.
14. *Latsis M.I.* Rayon deystviy Chrezvychaynoy komissii na chekhoslovatskom fronte. [Extraordinary Commission area on the Czecho-Slovak front]. Krasny terror. Kazan, 1918.
15. *Lotte S.A.* Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. [The Great French Revolution]. M., 1933.
16. Nauchno-populyarniy prakticheskiy kommentariy Ugolovnogo Kodeksa RSFSR s dopolneniyami i izmeneniyami po 15 avgusta 1927 g. [Scientific practical comment of the Criminal Code of the RSFSR with amendments]. Pod red. Gerneta M.N. i Traynina A.N. M., 1927.
17. *Ostroukhov O.V.* Problema klassifikatsii voyn v istoriko-filosofskoy mysli: avtoref.dis... kand. filos. nauk. [The problem of wars classification]. M., 1995.
18. *Piker G.* Zastolnye razgovory Gitlera. [Hitler's table talk]. Smolensk: Rusich, 1993.
19. *Sverdlov G.M.* O predmete i sisteme sotsialisticheskogo semeynogo prava. [On the subject and system of socialist family law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1941, no. 1.
20. Semeynoe pravo: Uchebnoe posobie. [Family law: Textbook]. Avtorskiy kollektiv allpravo.ru. 2003. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc100p0/instrum102/item169.html> (date of submission: 08.09.2015).
21. SZ SSSR. 1935. No. 19. St. 252.
22. SZ SSSR. 1936. No. 34. St. 309.
23. *Sobranie Kodeksov*. 3-e izd. M., 1925.
24. *Sobranie Kodeksov*. 4-e izd. M., 1927.
25. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krestyanskogo Pravitelstva Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki*. 1926. No. 82. St. 612.
26. *Sovremennaya istoriya Kambodzhi*. [Modern history of Cambodia]. URL: <http://kasugati.ru/kambodzha/sovremennaya-istoriya-kambodzhi> (date of submission: 10.10.2015).
27. SU RSFSR 1917. No. 11. St. 160.
28. *Uenkova O.G.* Institut rastorzheniya braka po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii i stran kontinental'noy pravovoy semyi (sravnitelno-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010.
29. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 08.07.1944 g. «Ob uvelichenii gosudarstvennoy pomoshchi beremennym zhenshchinam, mnogodetnym i odinokim materyam, usilenii okhrany materinstva i detstva, ob ustanovlenii vysshey stepeni otlichiya zvaniya «Mat'-geroinya» i uchrezhdeniya ordena «Materinskaya slava» i medali «Medal materinstva». [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 08, 1944 «On increasing government assistance for pregnant women, women with multiple children and single mothers, increasing the protection of the motherhood and childhood, and establishing the honorary title of «Mother Heroine» and funding the order «Maternal Glory» and the medal «Medal of Maternity»] // *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Soyuzov Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*. 1944, no. 60.
30. Federalniy zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodeystvii terrorizmu». [Federal Law of March 06, 2006 No. 35-FZ «On counteraction against terrorism»]. SZ RF. 2006, no. 11, st. 1146.
31. Federalniy zakon ot 21.12.1994 № 68-FZ «O zashchite naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy prirodnoho i tekhnogennogo kharaktera» (v red. Federalnogo zakona ot 21.07.2014 № 271-FZ). [Federal Law of December 21, 1994 No. 68-FZ «On protection of population and territories from emergency situation, natural and man-made»] // SZ RF. 1994. № 35. St. 3648.

32. Khamas vydal zamuzh 100 vdov «Litogo svintsya». [Hamas married off 100 widows of «Cast Lead»]. URL: <http://nevesta.dn.ua/newsworld/1572-100q-q2800.html> (date of submission: 08.09.2015).

33. *Shestakov D.A., Kharlamov V.S.* Kriminologicheskaya diagnostika semeynykh otnosheniy organami vnutrennikh del. [Criminological analysis of family relations by internal affairs authorities]. Monografiya. M., 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Станиславович Харламов – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филиала ВНИИ МВД РФ по Северо-Западному федеральному округу, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: valentinx55@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valentin Stanislavovich Kharlamov – PhD in Laws, associate professor, senior research scientist of the department of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Northwestern district, member of Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: valentinx55@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Г.С. Курбанов

БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Аннотация: Бытовое насилие есть оказание физического, психического, сексуального и экономического воздействия на членов семьи любой степени интенсивности. Основными признаками насилия являются систематичность, цикличность, особенности связей между субъектами, преимущественная направленность против женщин и детей.

Ключевые слова: семейная криминология; бытовое насилие; семейное насилие; пострадавший.

G.S. Kurbanov

DOMESTIC VIOLENCE IN AZERBAIJAN: CONCEPT AND FEATURES

Summary: Domestic violence is producing physical, psychological, sexual and economic effect on family members of any degree of intensity. The main features of violence are consistency, cyclical nature, peculiarities of relations between family members, predominating trend against women and children.

Key words: family criminology; domestic violence; family violence; victim.

Развитие противодействия насилию в Азербайджане проходит по трём направлениям: законодательному, информационно-просветительскому и институциональному. В 1995 году Азербайджан присоединился к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В 2006 году в республике был принят Закон «Об обеспечении гендерного равноправия», а в 2010 году – Закон «О предотвращении бытового насилия». В данном документе предусмотрен комплекс мероприятий, осуществляемых с целью предотвращения бытового (семейного) насилия, совершаемого близкими родственниками, а также бывшими или нынешними сожителями.

В соответствии с законом на государство возложена обязанность по устранению негативных социальных последствий бытового насилия, организации защиты пострадавших, оказанию им правовой и иной помощи, а также устранению обстоятельств, приводящих к бытовому насилию. На основе этого закона в систему защиты прав женщин в Азербайджане введена практика выдачи охранный ордера пострадавшим. Этот правовой документ используется как акт об ограничениях, применяемых в целях предотвращения возможных насильственных действий лица в сфере семейных отношений, а также в целях помощи пострадавшему.

Однако не все криминологии положительно оценивают данный институт. Например, по мнению А.В. Чуракова, практика выдачи охранных ордеров противоречит принципу презумпции невиновности, нарушает право на справедливое судебное разбирательство, позволяет фактически незаконно лишить собственника его имущества, преступает иные основополагающие права и свободы человека и гражданина, таким образом, не может быть признана допустимой [20, с. 48].

Как нам представляется, на основе ордера пострадавший получает реабилитационную, юридическую, психологическую помощь, а самое главное – ограничивается возможность для лица, совершившего насилие, на какой-либо контакт с пострадавшим. Указанный новый механизм активно используется. Следовательно, на законодательном и институциональном уровнях в сфере защиты прав женщин и противодействия бытовому насилию сделано немало.

Результатом этого явилось снижение числа случаев бытового насилия. В общей статистике преступности количество преступлений против женщин снизилось с 4280 фактов в 2011 до 1803 в 2014 году [17].

В связи с присоединением Азербайджана в 1995 году к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации женщин, Госу-

дарственный комитет по проблемам семьи, женщин и детей каждые четыре года представляет в ООН отчёт о проделанной в республике работе в сфере обеспечения гендерного равноправия. В отчётах даётся информация о реализованных проектах, затрагивающих разные составляющие гендерного вопроса. В частности, особое внимание уделяется таким проблемам, как торговля женщинами, бытовое насилие, трудовая занятость женщин [21].

По имеющимся данным около 12 женщин ежедневно погибает от гендерного насилия в Западной Европе. Как свидетельствуют статистические данные за 2013 год жертвами бытового насилия в Испании стали 54 женщины, во Франции – 121, в Португалии – 37, Италии – 134.

Собранные турецкими СМИ данные свидетельствуют о том, что в 2013 году около 214 женщин погибло в этой стране от рук мужчин, в основном, в результате бытового насилия. И это несмотря на неоднократные обращения в уполномоченные органы с просьбой предоставить им защиту [13].

Как отмечается в недавнем исследовании ООН, в Западной Европе бытовое насилие со смертельным исходом составляет 28,0 % всех умышленных убийств. Женщины намного чаще становятся жертвами убийств, чем мужчины. Насилие в семье является причиной убийств 55,0 % женщин и лишь 18,0 % мужчин. Несмотря на различие приведённых показателей в разных странах, данное явление существует во всех европейских государствах.

Если же посмотреть на бытовое насилие без смертельных исходов, то и эти цифры ужасают. Например, на Украине в 2013 году было зарегистрировано 160 00 случаев бытового насилия, при этом 68,0 % женщин страдают от насилия в семье. В Ирландии в 2012 году было зарегистрировано почти 15 000 случаев бытового насилия [13].

Как отмечают эксперты, статистика по домашнему насилию в России фрагментарна и труднодоступна, а зачастую просто отсутствует. Официальные данные МВД России свидетельствуют, что в той или иной форме насилие имеет место почти в каждой четвёртой семье; семейно-бытовые мотивы обуславливают две трети всех совершаемых умышленных убийств; около 14 тысяч жен-

щин ежегодно погибает от рук мужей или других близких; до 40,0 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семьях [16].

По данным МВД Азербайджанской Республики, за первую половину 2012 года в стране было совершено 12 тыс. преступлений или 130 преступлений на каждые 100 тысяч человек. 89,0 % этих преступлений относится к категории особо тяжких. 4008 преступлений совершены против личности, 3899 – в экономической сфере, 3500 – против общественной безопасности и общественного порядка. 105 преступлений совершены иностранными гражданами, из них 28 – гражданами стран-членов СНГ, 50 преступлений совершено против иностранных граждан. Из 9089 выявленных правонарушителей 75,1 % привлечены к уголовной ответственности. 80,8 % правонарушителей, несмотря на трудоспособный возраст, нигде не работали и не учились. 10,3 % преступлений совершены лицами, ранее совершавшими преступления. 4,2 % преступлений совершены лицами в нетрезвом состоянии, 10,4 % – женщинами.

В этот же период в республике совершено 773 бытовых насильственных преступления. Бытовому насилию подверглись 790 женщин, из них 3 – в возрасте до 18 лет, 4 – беременные. 10,2 % этих преступлений совершены лицами, ранее совершавшими преступления, 11,3 % совершены лицами в нетрезвом состоянии. 73,9 % преступлений составили избиения, 22,4 % – нанесение тяжкого и менее тяжкого вреда здоровью, 0,5 % – умышленные убийства, 3,2 % – иные преступления [4].

Общественная терпимость и законодательная наказуемость домашнего насилия различается в странах. Почти во всех западных государствах, а также во многих странах бывшего СССР домашнее насилие признаётся самостоятельным преступлением.

На теоретической основе семейной криминологии Д.А. Шестаковым предложен первый в России законопроект «О предотвращении насилия в семье» [24, с. 249–250], положение которого о статистическом учёте характера семейно-родственной и т.п. связи лица, совершившего преступление, и потерпевшего вошло в соответствующие законы Грузии, Киргизской Республики, Украины. Первая научная статья по семейной криминологии в СССР впервые опубликована в 1976

году [22]. С неё в стране начинается криминологическое осмысление института семейных отношений. До этой работы внутрисемейные преступления ещё не вычленились из более широкого круга так называемых бытовых преступлений.

Дать определение понятия «насилие» как социального, а не просто правового явления не только сложно, но и просто невозможно. Объясняется это тем, что многое, с чем мы сталкиваемся повседневно, связано с насилием, воспринимаемым нами как нормальное явление. Но ещё страшнее то, что насилие стало нормой поведения. К таким «нормальным» явлениям относятся расизм, физическое наказание детей, сексизм, сексуальное и физическое использование женщин [12, с. 162]. Приведённые примеры свидетельствуют о наличии структурного (социальное насилие) и индивидуального насилия (поведение и действия отдельного человека).

Ни в правоприменительной практике, ни в специальной литературе нет единого понимания понятия «насилие». По определению Национального центра по предотвращению насилия «Анна», «семейное насилие – это повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, сексуального, словесного, психологического и экономического оскорбления и давления по отношению к своим близким с целью обретения над ними власти и контроля» [14].

В Законе Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года «О профилактике бытового насилия» бытовое насилие определяется как умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания [9]. В соответствии со статьей 19 Конвенции ООН о правах детей, все формы физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, относятся к насилию [3].

Бытовое насилие по нашему мнению, есть оказание физического, психического, сексуального и экономического воздействия на членов семьи любой степени интенсивности. Если такое воздействие достигает об-

щественно опасного уровня преступления, то есть деяния, предусмотренного уголовным законодательством, оно должно повлечь уголовную ответственность.

Во многих странах уже на стадии психологического воздействия в виде оскорблений, угроз допускается вмешательство правоохранительных органов и органов правосудия. Всё более широко применяемые меры защиты в сфере личных отношений оправданы тем, что помогают предотвратить возможные преступления в будущем, а главное – защитить человека, не способного противостоять насилию в силу своей физической слабости.

В национальном законодательстве и в международных документах данная проблема связывается с домашним насилием против детей и женщин. «Формы насилия, в свою очередь, могут включать убийство, нанесение телесных повреждений, запугивание, угрозы, оскорбления, изоляцию, изнасилование, манипулирование, использование детей, финансовые ограничения и отставание «мужских привилегий» (таких, как единоличное принятие важных для семьи решений, перекалывание на плечи женщины всех домашних обязанностей)» [8].

По данным исследования, проведённого И.Д. Горшковой и И.И. Шурыгиной, в РФ 56,0 % респондентов-женщин либо получали угрозы применения физического насилия, либо были жертвами насильственных действий со стороны своих мужей, как минимум, один раз. Из них 50,0 % подверглись хотя бы одному случаю физического насилия со стороны мужей и 3,0 % сообщили, что мужья избивают их один раз в месяц или чаще. 23,0 % женщин пережили насильственный секс или сексуальное насилие со стороны мужей. Почти 80,0 % женщин назвали, как минимум, один случай психологического насилия со стороны мужей, включая оскорбления, критику, запреты на определённые виды деятельности, различные формы контроля или угрозы [5, с. 13–19].

Специфическими признаками семейного (бытового) насилия являются его цикличность, систематичность, особенности связей между субъектами, преимущественная направленность против женщин и детей.

Систематичный характер бытового насилия составляет одну из его главных принципиальных особенностей. Систематичность

означает, что бытовое насилие не является ни случайностью, ни досадным эпизодом, а представляет собой повторяющиеся во времени инциденты множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического). При этом насилие может быть одного вида, либо представлять собой совокупность нескольких его видов в различных сочетаниях [15].

В центре конфликта, как правило, существует конкретная проблема, определённый конфликт интересов, который, чаще всего, может быть разрешён при помощи взаимных уступок, переговоров. Поводом для агрессии в «хронической» ситуации семейного насилия выступает не какая-либо проблемная ситуация, а интересы только одной стороны – обидчика, главной целью которого является стремление контролировать и управлять поведением и чувствами других членов семьи. В конечном счёте, пострадавшая от такого насилия сторона может получить травму, ущерб или вред физического, психологического, сексуального, социального или экономического характера.

В 1970-е годы американской исследовательницей Л. Уолкер была представлена теория о циклическом характере домашнего насилия, которая ныне является общепризнанной. Согласно данной концепции, домашнее насилие представляет собой повторяющийся с увеличением частоты цикл действий, включающий в себя четыре стадии: 1) нарастание напряжения; 2) насильственный инцидент; 3) примирение; 4) спокойный период в отношениях [18]. Указанный цикл периодически повторяется с различными промежутками времени, завершаясь причинением телесного вреда либо убийством.

Второе принципиальное отличие домашнего насилия от других агрессивных актов заключается в особенностях отношений между объектом и субъектом насильственных действий. В отличие от иных насильственных преступлений, домашнее насилие реализуется в отношениях между близкими людьми.

В процессе оценочного исследования Совета Европы, проведённого в 2006 году, были получены результаты, согласно которым от 20 до 25,0 % женщин на всей территории европейских государств, по меньшей мере, один раз в жизни подвергались физическому насилию и свыше 10,0 % стали жертвами

сексуального насилия. Около 45,0 % женщин подвергались насилию в той или иной форме; большинство актов насилия в отношении женщин совершалось мужчинами из их непосредственного социального окружения, чаще всего партнёрами или бывшими партнёрами; от 12 до 15,0 % всех женщин старше 16 лет состояли в отношениях, при которых они подвергались домашнему насилию.

Статистические данные из США и Канады, составленные на основе опросов мужчин и женщин, сведений из судебных баз данных и полицейских отчётов, демонстрируют, что женщины являются жертвами агрессии в 90–96,0 % случаев домашнего насилия [6].

Чем более жестокие меры насилия применяются к жене, тем с большей жестокостью отец обращается и с ребёнком [2, с. 55]. Как демонстрирует исследование, проведённое в одном из американских убежищ для жертв домашнего насилия, 70,0 % детей, живущих в ситуации семейного насилия, также были жертвами агрессивных действий со стороны отца (отчима). При этом примерно половина из них стала жертвами физического или сексуального насилия; 5,0 % этих детей в результате подобных насильственных действий попали в госпиталь [19].

Согласно исследованиям, проведённым австралийскими учёными, примерно каждый третий ребенок избивается отцом, когда он пытается остановить избиения матери [1, с. 302]. При этом девочки гораздо чаще, чем мальчики, становятся жертвами агрессивного поведения отца [6, с. 61]. Также для девочек из семей, во главе которых находится отец-обидчик, риск подвергнуться сексуальному насилию с его стороны почти в семь раз выше, чем для их ровесниц из семей, где нет насилия [2, с. 56].

По данным ООН, на сегодняшний день в 106 странах мира не запрещается применение телесных наказаний в школах, в 147 странах это не запрещается в альтернативных учреждениях по уходу за детьми, и только в 16 странах мира использование телесных наказаний запрещено даже в семьях.

В то же время следует подчеркнуть проблему статистики по домашнему насилию, характерную для большинства государств. Как отмечалось в докладе статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, большинство

стран по-прежнему не располагает установившейся системой подготовки статистики в области насилия в отношении женщин. В настоящее время сбор официальных данных по этой проблеме на международном уровне не ведётся, что затрудняет разработку программ по противодействию рассматриваемым явлениям и отслеживание прогресса в их реализации [10].

В 2014 году с целями укрепления института семьи и противодействия бытовому насилию Госкомитетом по работе с религиозными организациями и Госкомитетом по проблемам семьи, женщин и детей Азербайджанской Республики был согласован план мероприятий совместной просветительской работы в сфере защиты прав женщин и детей, воспитания молодёжи в духе уважения национально-духовных и общечеловеческих ценностей [11].

Постановлением № 207 от 19 декабря 2011 года Кабинета Министров Азербайджана утверждены «Правила постановки на профилактический учёт лиц, совершивших бытовое насилие, и проведения с такими лицами превентивной воспитательной работы». Основная цель данного документа состоит в

предупреждении бытового насилия, создание нормальных взаимоотношений в семье, ликвидация негативных правовых, медицинских и социальных последствий бытового насилия. В соответствии с правилами данную работу должны проводить местные органы исполнительной власти.

1 августа 2014 года вступила в силу Стамбульская конвенция, посвящённая противодействию насилию в отношении женщин и бытовому насилию. Азербайджан пока не предпринял каких-либо действий по подписанию данного документа. Мировой опыт показывает, что без стабильного и продуманного государственного финансирования, досконального знания проблемы, достоверной статистики и реализации жёсткого контроля за выполнением всех законов и мероприятий по предотвращению насилия и организацией помощи, наказанием виновных невозможно добиться ощутимого сдвига в решении задачи соблюдения права личности на свободу от всех форм насилия. Эта деятельность должна опираться на постоянную поддержку государства, объединять всё общество.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бланчард А., Браун Л. Я просто не могу остановить их. Жизнь австралийских детей в условиях домашнего насилия. Общественный Куртинский университет, 1992.
2. Боукер Л., Арбител Л. Отношения между матерью и детьми, страдающими от семейного насилия. Ньюбери Парк, Калифорния, США, 1998.
3. В регионах Азербайджана чаще совершается насилие в отношении детей. URL: <http://baku.ws/46335-v-regionah-azerbaydzhana-chasche-sovershaetsya-nasilie-v-otnoshenii-detey.html> (дата обращения: 01.11.2015).
4. В этом году в Азербайджане бытовому насилию подверглись 790 женщин. URL: <http://anspress.com/index.php?a=2&lng=ru&nid=165018> (дата обращения: 01.11.2015).
5. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над жёнами в современных российских семьях. М., 2003.
6. Добаиш Р.Е. Женщины, насилие и социальные изменения. 1997.
7. Добаиш Р.Е. Насилие против жён. Нью-Йорк: «Свободная пресса», 1979.
8. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / Отв. ред. Н.А. Голованова. М., 2011.
9. Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия». URL: <http://pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=04512> (дата обращения: 01.11.2015).
10. Защита прав человека. Сборник документов уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, 2001–2003. М., 2003.
11. Илькин И. В Азербайджане в борьбе против бытового насилия будет использоваться потенциал религиозных организаций. URL: <http://www.islamsng.com/aze/news/8422> (дата обращения: 01.11.2015).
12. Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Кернер. Отв. ред. А.И. Долгова. М.: Издательство НОРМА, 1998.
13. Муйжниец Н. URL: Борьба с насилием в отношении женщин должна стать главным приоритетом. http://www.liberta.dp.ua/?page_id=1407 (дата обращения: 01.11.2015).
14. Ни закона, ни справедливости: насилие в отношении женщин в России. М.: Эслан, 2010.

15. Пискалова М., Синельников А. Анатомия насилия. Социальному работнику о проблеме домашнего насилия. М., 2001.
16. Российский статистический ежегодник – 2009 год. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/htm12/10-05.htm (дата обращения: 01.11.2015).
17. Сафаров Э. Охранный ордер для женщин. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/28/prava-jen.html> (дата обращения: 01.11.2015).
18. Уолкер Л. Насилие над женщинами. Харпер энд Роу. 1985.
19. Фелдер Р. Держись подальше от убийцы: руководство по борьбе с домашним насилием. Нью-Йорк: «Тачстаун». 1997.
20. Чураков А.В. Запрет на посещение места жительства как мера безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 48–50.
21. Шахмедова С. В Азербайджане будет рассмотрен проект закона о бытовом насилии. URL: <http://www.1news.az/society/20091106063103029.html> (дата обращения: 01.11.2015).
22. Шестаков Д.А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник ЛГУ. 1976. № 11. С. 116–121.
23. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.

REFERENCES

1. Blanchard A., Brown L. Ya prosto ne mogu ostanovit ikh. Zhizn avstraliyskikh detey v usloviyakh domashnego nasiliya. [I simply cannot stop them. Life of Australian children exposed to domestic violence]. *Obshchestvennyy Kurtinskiy universitet – Curtin University*, 1992.
2. Bowker L., Arbitell L. Otnosheniya mezhdru materyu i detmi, stradayushchimi ot semeynogo nasiliya. [On the relationship between wife beating and child abuse]. Newbury Park, California, the USA, 1998.
3. V regionakh Azerbaydzhana chashche sovershaetsya nasilie v otnoshenii detey. [In the regions of Azerbaijan child abuse is more common type of domestic violence]. URL: <http://baku.ws/46335-v-regionah-azerbaydzhana-chasche-sovershaetsya-nasilie-v-otnoshenii-detey.html> (date of submission 01.11.2015).
4. V etom godu v Azerbaydzhane bytovomu nasiliyu podverglis 790 zhenshchin. [790 women have been exposed to domestic violence in Azerbaijan this year]. URL: <http://anspress.com/index.php?a=2&lng=ru&nid=165018> (date of submission 01.11.2015).
5. Gorshkova I.D., Shurygina I.I. Nasilie nad zhenami v sovremennykh rossiyskikh semyakh. [Wife battering in modern Russian families]. М., 2003.
6. Dobash R.E. Zhenshchiny, nasilie i sotsialnye izmeneniya. [Women, violence and social changes]. 1997.
7. Dobash R.E. Nasilie protiv zhen. [Wife beating]. New York: «Svobodnaya pressa», 1979.
8. Domashnee nasilie po zakonodatelstvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost' i preventsiya. [Domestic violence under the legislation of foreign countries: responsibility and prevention]. Otv. red. N.A. Golovanova. М., 2011.
9. Zakon Respubliki Kazakhstan «O profilaktike bytovogo nasiliya». [The Law of the Republic of Kazakhstan «On prevention domestic violence»]. URL: <http://pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=04512> (date of submission: 01.11.2015).
10. Zashchita prav cheloveka. Sbornik dokumentov upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii. [Protection of human rights. Collection of documents of the Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation]. 2001–2003. М., 2003.
11. Ilkin I. V Azerbaydzhane v borbe protiv bytovogo nasiliya budet ispolzovatsya potentsial religioznykh organizatsiy. [The potential of religious institutions will be used in the fight against domestic violence in Azerbaijan]. URL: <http://www.islaming.com/aze/news/8422> (date of submission: 01.11.2015).
12. Kriminologiya. Slovar'-spravochnik. [Dictionary of criminology]. Sostavitel H.-J. Kerner. Otv. red. A.I. Dolgova. М.: Izdatelstvo NORMA, 1998.
13. Muiznieks N. Borba s nasiliem v otnoshenii zhenshchin dolzhna stat glavnym prioritetom. [Fighting violence against women must become a top priority]. URL: http://www.liberta.dp.ua/?page_id=1407 (date of submission: 01.11.2015).
14. Ni zakona, ni spravedlivosti: nasilie v otnoshenii zhenshchin v Rossii. [Neither law, no justice: violence against women in Russia]. М.: Eslan, 2010.
15. Pisklakova M., Sinelnikov A. Anatomiya nasiliya. Sotsialnomu rabotniku o problem domashnego nasiliya. [The anatomy of violence. To social workers on the issue of domestic violence]. М., 2001.

16. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2009 god. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. [Statistical yearbook of Russia – 2009. Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html2/10-05.htm (date of submission: 01.11.2015).
17. Safarov E. Okhranniy order dlya zhenshchin. [Protection orders for women]. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/28/prava-jen.html> (date of submission: 01.11.2015).
18. Walker L. Nasilie nad zhenshchinami. [Violence against women]. Harper&Row. 1985.
19. Felder R. Derzhis podalshe ot ubiytsy: rukovodstvo po borbe s domashnim nasiliem. [Stay away from the killer: Domestic Violence Prevention Guideline]. New York: Touchstow. 1997.
20. Churakov A.V. Zapret na poseshchenie mesta zhitelstva kak mera bezopasnosti. [The ban on visiting the place of residence as a security measure]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 1 (32), pp. 48–50.
21. Shakhmedova S. V Azerbaydzhanе budet rassmotren proekt zakona o bytovom nasilii. [A domestic violence law will be considered in Azerbaijan]. URL: <http://www.1news.az/society/20091106063103029.html> (date of submission: 01.11.2015).
22. Shestakov D.A. Ob odnom iz aspektov kriminogennoy situatsii. [On one of the aspects of criminogenic situation]. *Vestnik LGU – Bulletin of Leningrad State University*. 1976, no. 11, pp. 116–121.
23. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya. Semya – konflikt – prestuplenie. [Family criminology. Family – conflict – crime]. SPb., Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Габил Сурхай Курбанов – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом Института философии и права НАН Азербайджана (Баку, Республика Азербайджан); e-mail: professorqurbanov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Gabil Surkhay Kurbanov – doctor of Laws, professor; head of the department at the Institute of Philosophy and Law of National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku, the Republic of Azerbaijan); e-mail: professorgurbanov@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

П.А. Скобликов

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ:
ЕЩЁ БЛИЖЕ К «ГУМАННОСТИ»,
ЕЩЁ ДАЛЬШЕ ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Аннотация: Очень часто в нашей стране криминализация и декриминализация тех или иных деяний осуществляется без надлежащей проработки, обоснования и прогнозного моделирования, при этом превалируют интересы отдельных политических субъектов, групп или ведомств.

Ключевые слова: уголовная политика; декриминализация преступлений; побои; терпимость; теневая юстиция; самосуд.

P.A. Skoblikov

**LEGISLATIVE INITIATIVE OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
CLOSER TO «HUMANITY», FURTHER FROM JUSTICE**

Summary: Criminalization and decriminalization of certain acts are carried out in our country without proper study, grounds or advanced modeling, with prevailing interests of individual political entities, groups or agencies.

Key words: criminal policy; decriminalization of crimes; battery; tolerance; shadow justice; lynching.

Неожиданная инициатива судебного ведомства. Одним из самых заметных юридических событий лета 2015 года явилась встреча Президента России В. Путина с председателем Верховного суда России В. Лебедевым, состоявшаяся 30 июля. Глава судебного ведомства выступил с очередной инициативой гуманизации уголовного законодательства. Встреча получила большой резонанс в СМИ. На всех ведущих телеканалах были представлены довольно объёмные комментарии, откликнулись все солидные радиостанции, активное отреагировало Интернет-сообщество. Подавляющее большинство откликов – одобрительные и даже восторженные [8; 19]. А уже на следующий день, 31 июля, Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 37 о внесении в Государственную Думу РФ проектов двух федеральных законов, одним из которых предлагалось соответствующее изменение и дополнение Уголовного кодекса РФ. Но этот факт уже не попал в поле зрения центральных СМИ.

Мой краткий комментарий относительно вышеуказанной инициативы прозвучал 30 июля на волнах радиостанции «Коммерсант-ФМ» в передаче Анатолия Кузичева

«Pro et contra» [6]. Однако поднятая в ходе встречи тема настолько сложна и важна, что её невозможно уместить в несколько реплик, право на которые я имел в формате блиц.

По итогам встречи В. Путина и В. Лебедева сообщалось, что стороны обсудили предложение главы судебного ведомства исключить из УК РФ мелкие хищения и побои. По мнению Лебедева, это позволит сократить количество направляемых в суды уголовных дел на триста тысяч ежегодно. По сравнению с 2000 годом их доля от всех дел выросла в несколько раз (!) и составляет уже 46,0 %. Соответственно, если инициатива главы судебного ведомства будет реализована, нагрузка на суды резко уменьшится, и они смогут сосредоточиться на делах о других, более тяжких преступлениях. Таким был главный аргумент, как я его понял.

Что ж, *этот аргумент веский, но только если главная задача состоит в том, чтобы создать комфортные условия судам, а не законопослушным гражданам.* Для создания достойных условий жизни граждан необходимо противодействовать преступлениям, число которых резко растёт одновременно с недовольством потерпевших. И этих условий

не достичь путём декриминализации общественно опасных деяний.

Об этом, помимо прочего, свидетельствуют приведённые Лебедевым цифры: граждане всё настойчивее обращаются в правоохранительные органы, суды и просят, требуют: «Защитите же нас, наконец!». С более развернутыми данными (в том числе статистическими) о состоянии уголовно-правовой защиты лиц, пострадавших от преступлений, можно ознакомиться в других статьях автора [13; 15].

Кстати, если логику уважаемого главы судебного ведомства усвоят его «смежники» (лица, возглавляющие иные социально нацеленные ведомства), то скоро мы сможем услышать, к примеру, предложение руководителя Минздрава России о том, что надо бы ограничить перечень заболеваний, с которыми больной вправе обращаться за медицинской помощью, чтобы таким образом снизить нагрузку на медиков и дать им возможность сосредоточиться на лечении тяжело больных. В лёгких случаях пусть граждане лечатся сами.

Подкосило человека ОРЗ – не следует вызывать врача или идти в медучреждение. Надо просто полежать дома, скорее всего, заболевание само пройдёт, нечего перегружать поликлинику и, тем более, больницу. Вот если появится воспаление легких – тогда двери медучреждения будут открыты. Или вывихнул человек палец, плечо, подвернул ногу – пусть сам себе сделает тугую повязку, холодный компресс, да посидит на работе или, в крайнем случае, возьмёт отгулы, полежит дома. А если будет перелом костей, то с этим уже можно к врачу. И т.д., и т.п.

Вероятно, уважаемому В. Лебедеву неведом постулат отечественной криминологии (разработанный и апробированный ещё несколько десятков лет назад) о том, что *своевременное и последовательное пресечение нетяжких преступлений эффективно предупреждает совершение тяжких. И наоборот.* Кстати, западные криминологи и правоприменители поняли это значительно позже, возможно, поэтому их история лучше известна. И, вероятно, многие слышали, как подавили преступность в Нью-Йорке, руководствуясь принципом нулевой терпимости.

Этот принцип в США продолжает проводиться в жизнь. По крайней мере, по от-

ношению к домашнему насилию, которое чаще всего выражается в побоях. Достаточно вспомнить проживавшего в США российского хоккеиста Вячеслава Войнова, который осенью 2014 г. был взят под стражу по обвинению в домашнем насилии. Его гражданская жена с синяками и ушибами была доставлена в больницу Лос-Анджелеса, где призналась медработнику, что побои нанёс муж. Несмотря на то, что пострадавшая просила правоохранителей не привлекать мужа к ответственности и отказывалась давать показания, Войнов был предан суду и осуждён к реальному лишению свободы и штрафу. А после освобождения он обязан пройти специальные курсы по проблемам домашнего насилия.

Имеет смысл также сказать, что на площадке Санкт-Петербургского международного криминологического клуба выдвинута идея о целесообразности разработки криминологического учения о терпимости. Центральным тезисом которого выступает то, что *терпимость, ограниченная криминологической мерой, является противопреступным фактором. Неумеренные же как терпимость, так и нетерпимость могут способствовать преступлениям* [3].

Расширение почвы для самосуда. Забыл уважаемый правовед В. Лебедев и ещё один постулат криминологии: преступления, остающиеся безнаказанными, укрепляют почву для самосуда (аналог самолечения в медицине). Если мы перестанем называть некое общественно-опасное деяние преступлением, его суть от этого не изменится. Применительно к побоям это верно вдвойне.

Произвольное избивение одного человека другим, а тем более одного человека группой лиц, не только причиняет физическую боль. *Такие действия формируют атмосферу незащищённости законопослушного человека, вседозволенности и безнаказанности правонарушителей. Утверждают принцип «кто сильнее, тот и прав». Они оскорбляют, унижают побитого и в своих собственных глазах, и в глазах окружающих. Зачастую моральный вред от побоев больше, чем от крупной кражи.*

Вот почему декриминализация побоев чревата тем, что за них обидчикам чаще будут отплачивать той же монетой – избивением. И совсем не обязательно, что всё ограничит-

ся только побоями. Велика вероятность, что частное возмездие будет оканчиваться и более серьёзными повреждениями, в том числе тяжкими (ст. 111 УК РФ). То есть в силу безнаказанности станет больше того и другого: деяний, которые ныне укладываются в рамки ст. 116 УК РФ «Побои», и более тяжких преступлений насильственного характера. При этом важно заметить, что *расширится самосуд, как в узком, так и в широком значении этого слова.*

В узком смысле самосуд – это действия потерпевшего, направленные на причинение вреда обидчику. Например, сильный избил слабого руками, слабый подкарауливает сильного с бейсбольной битой или ножом и чинит свой суд лично (*самосуд непосредственный*). Либо нанимает других сильных, которые делают то же. *Самосуд опосредованный.*

В широком смысле самосуд охватывает ещё одну группу ситуаций, отличную от предыдущих, в которых учиняют расправу третьи лица – без ведома потерпевшего. Например, некие равнодушные парни, узнав о безнаказанном избиении работников детского сада, пострадавших за то, что встали на защиту здоровья, а возможно и жизни ребёнка (подробности см. ниже), встречают виновного в укромном месте и восстанавливают справедливость, не ставя об этом в известность пострадавших воспитателей детского сада (*обособленный или независимый самосуд*). Позже, если им понравится роль мстителей, они могут избить ещё кого-нибудь, чья вина на этот раз не столь очевидна. Ну а в третий (или в четвёртый) раз, если втянутся, могут избить случайного прохожего, потому что он произвёл на них впечатление плохого человека.

Безнаказанность как стимул для расширения теневой юстиции. Но и это не всё по данной проблеме! Безнаказанность укрепляет почву для теневой юстиции, что не есть самосуд. Это альтернативная юстиция. Там другие, более сложные правила. Потерпевший может, например, пойти к уголовному авторитету, рассказать, как пострадал, пожаловаться, что от властей нет никакого прока, и попросить рассудить конфликт. Если конфликт будет решён в пользу заявителя, виновному определяют санкцию. И горе «осуждённому», если он попытается уклониться от назначенного наказания. Кому интересно

погрузиться в эту тему глубже, приглашаю прочесть некоторые работы о теневой юстиции не столь далёких лет [10; 11; 12].

Строгость наказания или его неотвратимость – опасное противопоставление. Далее имеет смысл пояснить, что я подразумеваю под термином «безнаказанность», который неоднократно использован выше. С юридических позиций безнаказанность применительно к какому-либо деянию может проявляться в трёх формах:

1. Отсутствие запрета на соответствующие действия (бездействие) в законодательстве.

2. Неадекватность предусмотренной в законе санкции за нарушение запрета той опасности, которую представляет запрещённое деяние для потерпевшего и общества в целом. Если более конкретно – недостаточная строгость санкции или её неисполнимость (в силу сложности процедуры привлечения к ответственности, отсутствия у правонарушителя тех благ, которые санкция должна ограничить, и т.д.), а как результат, невозможность эффективно останавливать правонарушителя.

3. Ущербность правоприменительной практики, при которой разумные и исполнимые законы, тем не менее, не исполняются (что, в свою очередь, может иметь множество различных причин).

Почему я бы хотел обратить на это внимание? В публичном информационном поле при обсуждении деятельности Верховного Суда РФ прозвучало немало слов поддержки, и, в том числе, был высказан тезис, что «важна не строгость наказания, а его неотвратимость». Данное положение не ново, оно регулярно звучит при обнаружении инициатив по смягчению уголовного наказания, трансформациях уголовной ответственности в административную. В этот раз, 30 июля 2015 г., сидя перед экранами телевизоров, у радиоустройств, граждане России услышали данный тезис от П.В. Крашенинникова – председателя комитета Госдумы России по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству.

Должен заметить, что *этот расхожий тезис порочен и крайне опасен! В нём искусственно противопоставляются два обязательных условия успешной правовой охраны. При безнаказанности строгое наказание*

становится фикцией. Но и при отсутствии должной строгости наказание превращается в насмешку над потерпевшим!

Чтобы понять суть идеи, надо дойти до её предела. Хотя бы мысленно. Представим, что, следуя вышеуказанному тезису, наш парламент определяет в качестве наказания за умышленные убийства штраф в размере 10 тыс. руб. Что в этом случае произойдёт? Наказание в виде штрафа превратится в официальную лицензию на убийство, финансово усиленную для большинства граждан. И если что-то будет удерживать потенциальных преступников, так это мысли о последующем самосуде со стороны родственников, близких убиенного, а также возможности предстать перед альтернативным судом, где судят не по закону, а по понятиям.

Что касается побоев, то за них Лебедев предлагает налагать штраф в административном порядке. То есть нанесение побоев будет считаться менее опасным деянием, чем мелкое хулиганство – нецензурная брань в общественном месте или оскорбительное приставание к гражданам, за что, напомним, ныне можно получить не только штраф, но и арест на срок до 15 суток (ст. 20.1 КоАП РФ). Сравните юридические и фактические последствия...

Актуальная иллюстрация. В тот же день (точнее – вечер), когда состоялась встреча Лебедева с главой государства, инициатива Лебедева подробно освещалась на «1-м канале» в программе «Время». Она подавалась в положительном ракурсе и с одобрительными интонациями. Не многие заметили, что в этом же выпуске программы данная инициатива была невольно проиллюстрирована в неприглядном свете одним показательным случаем.

Был показан репортаж из посёлка Вахруши Кировской области. Представьте, детский сад. Середина дня. Тихий час. На пороге появляется отец одной из воспитанниц. Хочет забрать дочку, но работники детского сада замечают, что мужчина находится в непотребном виде, сильно пьян, и отказываются выдать ему ребёнка. Реакция пьяного отца потрясла женщин: он напал на них и избил. С трудом, но пострадавшим удалось вытолкать дебошира за дверь и вызвать полицию. Домой он не ушёл, ломился в дверь и был задержан там же участковым уполномоченным

полиции, который прибыл по вызову пострадавших.

Стоит заметить, что подобные случаи крайне часты. Аналогичная история произошла несколько лет назад в Борисоглебске [7]. А сколько подобных происшествий не попадает в поле зрения СМИ, но оставляет глубокие следы в жизни потерпевших?

Моделирование юридической ответственности и её последствий. Давайте смоделируем возможные правовые последствия описанной выше ситуации ретроспективно, налично и перспективно. По советскому УК и по УК РФ в изначальной редакции дебошир должен был бы понести ответственность за хулиганство. Ныне эта уголовно-правовая норма (ст. 213 УК РФ) не применима, поскольку при избии не использовалось оружие либо предметы, его заменяющие (в одном из прошлых гуманистических порывов законодатель резко сузил сферу действия указанной уголовно-правовой нормы [17]).

Если здоровье потерпевших не пострадало (синяки, ссадины, царапины в счёт не идут), содеянное можно квалифицировать как побои (ст. 116 УК РФ) и привлечь к ответственности, хотя и с большим трудом, потерей времени, поскольку по таким преступлениям преследование происходит в порядке частного обвинения, а это значит, что пострадавшая на работе женщина должна взять на себя функции следователя и прокурора, представить суду необходимые и достаточные доказательства, чтобы убедить суд в виновности обидчика. Либо нанять для этих целей юриста, коли зарплата воспитателя из сельского детского сада позволит ей это сделать. Увы, как одно, так и другое маловероятно. И вот, чтобы облегчить трудный выбор пострадавшим, высокопоставленный коллега по юридическому цеху предложил не мучиться, а просто декриминализировать состав, предусмотренный ст. 116 УК РФ.

С учётом криминологической ситуации, представляется более уместным предложение противоположного свойства – дополнить норму об ответственности за побои квалифицирующим признаком: нанесение побоев лицу, выполняющему функции помощи и обслуживания населения (медики, педагоги, работники экстренных служб и др.), или в связи с исполнением этих функций (например, в качестве мести) – с ужесточением

ответственности и переведением в этом случае дел из категории частного обвинения в категорию публичного обвинения. Также дополнить и норму об ответственности за нанесение лёгкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ).

На случай, если у подвергшегося нападению педагога, медика будет сломана челюсть, проявится сотрясение головного мозга и т.п., имеющих ныне в законодательстве квалифицирующих признаков недостаточно. Ведь защитник лица, напавшего на работника детского сада (или на медика, почтальона, работника экстренной службы) может резонно заявить, что его подзащитный не имел умысла на нарушение общественного порядка, что он таким образом изливал свои эмоции в связи с неправильными, на его взгляд, действиями потерпевшего (испытал внезапно возникшую неприязнь – вспомните классику отечественного кинематографа «Мимино»), имел целью переломить ситуацию в свою пользу, побудить потерпевшего к «правильным» действиям и т.д.

Дополнительные аргументы. Помимо высокой нагрузки на судебную систему криминализация побоев, наряду с другими преступлениями небольшой степени тяжести, влечёт для лиц, совершивших эти преступления, такое юридическое последствие как судимость. А это, по мысли главы судебного ведомства, неприемлемо. Цитирую: «Судимость создаёт проблемы в трудоустройстве, хотя суды осуждают к лишению свободы незначительное число людей за преступления небольшой тяжести. Но сама судимость – это препятствия для трудоустройства, получения кредита, это определённое препятствие в избирательных правах, причём не только для осуждённых, но и для близких родственников» [2].

Проанализируем эти дополнительные аргументы, опираясь на показательный прецедент, имевший место вскоре после обнародования инициативы Верховного Суда РФ.

15 августа 2015 г. в центре Екатеринбурга произошёл дорожный конфликт. Предприниматель Б. Малафеев, управлявший автомобилем «Ауди А7», вынудил остановиться Э. Мурзину, управлявшую автомобилем «Тайота Королла». Малафеев, сын высокопоставленного работника региональной прокуратуры, стал пинать автомобиль Мурзиной,

что зафиксировал видеорегиистратор, а затем, как показали потерпевшая и очевидец, ударил находящуюся на 5-м месяце беременности женщину кулаком в лицо через открытое окно её автомобиля. Позже Малафеев объяснил свой поступок тем, что пострадавшая, якобы, «подрезала» его автомобиль. Однако запись видеорегиистратора свидетельствует об обратном: правила дорожного движения нарушал сам напавший на женщину мужчина [18]. Видимо, Малафеев руководствовался своими собственными «правилами». Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 116 УК РФ (причинение побоев из хулиганских побуждений).

В случае, если Малафееву будет вынесен обвинительный приговор, и он получит судимость, данный юридический факт не станет препятствием для продолжения Малафеевым предпринимательской деятельности, равно как и работы по любой другой профессии, за небольшим исключением. Малафеев, бывший следователь прокуратуры, уже не сможет восстановиться на службу в органы прокуратуры, поступить на службу в другие правоохранительные органы, стать судьёй. Однако стоит ли по этому поводу сокрушаться? Может быть, следует признать, что это – правильно? И если законодательство нужно менять, то иначе: для таких субъектов следует расширить запрет на профессию, не допускать их, например, к врачебной деятельности? А также ужесточить уголовное законодательство, чтобы для таких, как Малафеев, назначалось реальное лишение свободы?

По данным СМИ Малафеев не первый раз безосновательно применяет жестокое насилие по отношению к женщинам. В 2006 г. он приковал наручниками к батарее сожительницу, собиравшуюся от него уйти. Тогда дело, не без влияния родственников, удалось замять, но работу в качестве следователя ему пришлось оставить [1]. Если эта информация соответствует действительности, то уже 9 лет назад Малафеев подлежал привлечению к уголовной ответственности за незаконное лишение человека свободы. И если бы тогда он получил заслуженное наказание, то можно предположить, что позже не подверглась бы нападению Э. Мурзина. Ну а если он не понесёт адекватное наказание ныне, то, вероятно, раньше или позже будут новые жертвы.

Не стоит также сокрушаться, если лица с непогашенной судимостью за совершение побоев не смогут баллотироваться на должности депутатов. Вряд ли депутатский корпус станет лучше, если лица, подобные Малафееву, вольются в его состав.

В действующем законодательстве нет запрета на получение банковских кредитов теми, кто ранее судим за нанесение побоев. Банки могут принять во внимание судимость за мошенничество либо иное корыстное преступление и отказать в выдаче необеспеченных кредитов (без надёжных поручителей и залога) лицам, склонным к указанным преступлениям – и это, безусловно, правильно. Неправильно рисковать кредитными средствами, поскольку данные риски в конечном итоге несут вкладчики и добросовестные заёмщики. Но при решении вопроса о выдаче кредита судимость за побои банки во внимание не принимают.

Автору настоящей статьи не известны нормы федерального законодательства, ограничивающие в трудоустройстве близких родственников лиц, судимых за побои. Если такие нормы в трудовом законодательстве всё же есть, их следует отменить, а не предлагать декриминализировать побои, нарушая тем самым правила формальной логики. Возможно также, что такие нормы закреплены не в федеральном законе, а в ведомственной инструкции, не опубликованной для всеобщего доступа. Тогда тем, кто пострадал от применения ведомственной нормы, следует обратиться в суд и потребовать её раскрыть, а затем признать противоречащей федеральному закону.

Углубление классового расслоения общества, социального и правового неравенства. Ряд российских криминологов (А.И. Долгова, В.В. Лунеев, С.Ф. Милуков, Д.А. Шестаков [20; 22] и др.), в т.ч. и автор настоящей статьи [14; 16], уже давно обращают внимание юридического сообщества и гражданского общества на то, что острière уголовной репрессии в постсоветской России направлено на малоимущих, социально наименее защищённых лиц, а также на определённую часть среднего класса при фактической безответственности воровогачей (олигархии), достигаемой принятием соответствующих юридических норм. Такая уголовная политика проводится вопреки важнейшему российскому конститу-

ционному и международному принципу – равенства прав и свобод граждан.

Часть 1 ст. 19 Конституции РФ гласит, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, *имущественного и должностного положения (выделено мной – П.С.)*, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а *также других обстоятельств (выделено мной – П.С.)*. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». Статья 1 Всеобщей декларации прав человека ООН гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах». Положение ст. 1 развивается в ст. 2: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашёнными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или *социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения (выделено мной – П.С.)*».

Состоятельные россияне (они, как правило, одновременно занимают государственные должности или накрепко связаны коррупционными, родственными и иными связями с чиновниками) обладают немалыми уголовно-правовыми преференциями [5, с. 22; 22].

Важно отметить, однако, что представители привилегированных слоёв российского общества не только наделяются преференциями в плане возможной уголовной ответственности за свои деяния. *Современная уголовная политика такова, что они лучше, чем остальное население, защищены от направленных против них общественно опасных деяний.* Проявлением данной тенденции является анализируемый здесь законопроект.

Представители богатых и привилегированных слоёв общества, по общему правилу, не страдают от спонтанных или заранее спланированных побоев. Они имеют личных телохранителей, проживают в дорогих районах (местах) с благоприятной криминогенной обстановкой, нередко обеспеченных государственной или частной охраной, например, в охраняемых по периметру загородных по-

селениях, имеют огнестрельное и иное легальное оружие, передвигаются на личных скоростных автомобилях, их жилище оборудовано современными средствами защиты.

У этих лиц зачастую имеется государственная или частная охрана по месту работы. Места отдыха, которые они посещают, как правило, имеют высокопрофессиональную охрану. Таким образом, физическая неприкосновенность состоятельных россиян защищена, в первую очередь, не уголовным законом и его последовательным применением, а эффективной системой физической, технической и иной защиты. В случае декриминализации побоев они, по большому счёту, ничего не потеряют. А вот все остальные законопослушные граждане после ликвидации уголовно-правовой защиты от побоев могут полагаться лишь на личную физическую силу, быстроту и ловкость, навыки рукопашного боя, если они наличествуют. У подавляющего большинства населения ничего из перечисленного нет.

Как статистически и фактически изменится число насильственных преступлений. Вопрос о возможных изменениях числа совершаемых насильственных преступлений, в случае принятия внесённого Верховным Судом РФ законопроекта, уже затрагивался в предыдущей части статьи. К сказанному целесообразно добавить несколько соображений. В прошлом десятилетии под руководством С.М. Иншакова большой группой российских учёных было проведено многоплоскостное исследование латентных преступлений, обращённое к различным респондентам (студенты, военнослужащие, беспризорные, водители и т.д.), а также к разным сферам общественной жизни (система образования, армия, уголовно-исполнительная система и др.).

Помимо прочего, исследование показало, что побои относятся к высоколатентным преступлениям [4, с. 43–44, 317–329]. Такой результат прогнозируем. Ведь, как указано выше, за побои виновные преследуются в порядке частного обвинения. Это означает, что потерпевший должен сам (или с помощью своего представителя) подготовить необходимые процессуальные документы, обнаружить и представить суду достаточную совокупность доказательств, участвовать в судебном процессе и поддерживать там обвинение. Всё

это требует наличия у пострадавшего достаточной юридической квалификации или возможности оплатить услуги подготовленного юриста, влечёт значительные временные, финансовые и эмоциональные затраты. Поэтому подавляющее большинство пострадавших не обращаются в суды и правоохранительные органы. В таких условиях уголовно-правовую защиту ищут те, кому побои причинили большой моральный вред, кто страдает от ощущения своей незащищённости, опасается новых нападений. Однако далеко не все могут успешно сыграть роль частного обвинителя и добиться вынесения искомого приговора.

Декриминализация побоев не устранил общественную опасность. Будет лишь легализована безнаказанность преступников – ведь они перестанут считаться таковыми. В силу юридической безнаказанности количество соответствующих деяний возрастёт, но их фиксация станет ещё более проблематичной.

Итак, склонные к насилию люди станут легче и чаще прибегать к побоям. Вместе с тем надо помнить, что субъект, выбравший вариант поведения, не всегда придерживается его до конца [21, с. 115–118]. Переход от одного варианта к другому может быть связан как с объективными, так и субъективными обстоятельствами. А это значит, что первоначально намереваясь нанести побои, некоторая часть правонарушителей будет чаще совершать более тяжкие насильственные преступления.

Нереализованные возможности Верховного Суда РФ. Допускаю ли я, что в судебной практике по ст. 116 УК РФ могут быть несправедливые обвинительные приговоры? Да. Следует ли отсюда вывод о необходимости отмены уголовной ответственности за соответствующее преступление? Безусловно, нет. Если судебные ошибки имеют единичный характер, они должны исправляться судами вышестоящих инстанций (апелляционной, кассационной, надзорной) путём изменения или отмены состоявшихся приговоров.

Если же судебные ошибки широко распространены, требуется дополнительная система действий. Верховному Суду РФ надлежит имеющуюся практику изучить, обобщить, выявить типичные ошибки и, воспользовавшись своим конституционным правом, дать разъяснения нижестоящим судам с опорой на действующее законодательство. А вот

если оно, это законодательство, не позволяет вполне обеспечить вынесение справедливых приговоров, – лишь тогда разработать законопроект уголовного и (или) уголовно-процессуального закона (чтобы поправить законодательство) соответствующего содержания (а не того, о котором мы узнали недавно). Затем вынести законопроект на обсуждение научного сообщества, собрать, проанализировать и учесть замечания и дополнения, подвергнуть законопроект криминологической экспертизе, чтобы спрогнозировать его влияние на преступность, криминологическую обстановку в стране. Ну а далее внести его в Госдуму России в установленном порядке, воспользовавшись другим своим конституционным правом – законодательной инициативы. И лишь тогда, если этого требуют политические обстоятельства, заручиться поддержкой главы государства. К сожалению, Верховный Суд РФ пошёл другим путём.

Издержки применения ст. 116 УК РФ и пути их устранения. Сравнительно недавно газета «Известия» сообщила о законопроекте нескольких депутатов Госдумы России от партии «Справедливая Россия», содержащем положения об исключении меры наказания для авиапассажиров, которые пытаются усмирить дебошира на борту. Авторы законопроекта особенно беспокоят случаи, когда пассажиры, самостоятельно пытаясь навести порядок на борту, оказывались обвиняемыми, а непосредственные виновники уходили от ответственности. В 2015 году на авиарейсе «Гонконг – Владивосток» пьяного авиадебошира довольно жёстко усмирили другие пассажиры, связав его ремнями и скотчем и положив в таком виде в проходе. На данные действия дебошир подал жалобу, что ему причинили увечья [9].

По всей видимости, это преувеличение и речь идёт не об увечье, а о побоях. В любом случае причинение побоев авиадебоширам случается и будет иметь место в будущем, пока авиадебоши не прекратятся. При обращении авиадебошира с жалобой правоохранительные органы и суд должны оправдать пассажиров, поскольку они действовали в рамках ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона». Включение в УК РФ дополнительной нормы, направленной на освобождение от наказания пассажиров, защищавших свою безопасность и других лиц, совершавших полёт, является

не только излишним, но и вредным, поскольку девальвирует значение ст. 37 УК РФ, побуждает правоприменителей считать наличие в УК РФ общих правил необходимой обороны недостаточным, даёт основание ожидать появления других специальных норм для многочисленных разновидностей необходимой обороны (а до их появления – обвинять и осуждать тех, кто находился в состоянии необходимой обороны), законодателей же побуждает бесконечно увеличивать объём УК РФ, усложняя его содержание.

Дебош на борту находящегося в полёте судна, выражающийся в нанесении (угрозе нанесения) телесных повреждений членам экипажа, повреждении (угрозе повреждения) судна, его снаряжения, драке с пассажирами, создаёт реальную и непосредственную угрозу безопасности полёта, а, значит, жизни всех людей, находящихся на борту судна. Как установлено в ч. 1 ст. 37 УК РФ, не является преступлением причинение любого вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Таким образом, пассажиры при угрозе жизни кому-либо вправе причинить любой вред дебоширу и не обязаны руководствоваться принципом минимальной достаточности (хотя из соображений гуманности это желательно). Предписание действующего закона предельно ясно. Законодатель уже предоставил лицам, находящимся в состоянии необходимой обороны, максимальную свободу действий. И если данное предписание не всегда применяется на практике, не нужно искать более совершенные формулировки закона, следует искать способы заставить правоприменителей правильно и неуклонно применять закон.

Встречаются, однако, и более сложные ситуации. При обсуждении рассматриваемой темы в блоге автора настоящей статьи на одном из юридических интернет-сайтов коллегами была высказана мысль о том, что если работник, обязанный оказывать неотложную помощь населению, безосновательно уклоняется от исполнения своих обязанностей (например, медработник), то граждане должны

быть вправе принудить его к этому силой, включая побои – и за эти действия граждане не должны привлекаться к ответственности по ст. 116 УК РФ.

Допускаю, что в *некоторых* ситуациях это было бы разумно и справедливо. Вот только как отделить эти ситуации от других, к которым такие оценки неприменимы? Каковы критерии обоснованности понуждения со стороны частных лиц, где границы допустимого?

Некоторое время назад в российских СМИ и социальных сетях обсуждался случай жестокого избиения работников скорой помощи. Их избили родственники скончавшегося пациента, считавшие себя правыми и требовавшие, чтобы медики вернули человека к жизни. Однако оказалось, что к моменту прибытия медиков наступила смерть мозга и реанимационные процедуры были бесполезны. Один из выводов: ситуации могут быть отнюдь не такими, как они представляются «понуждающим».

Возможны, однако, и иные случаи. Например, на проходную медучреждения в ночное время доставлен человек, нуждающийся в неотложной медицинской помощи, жизни или здоровью которого угрожает непосредственная опасность (по крайней мере, есть явные к тому симптомы: человек кричит от сильной боли или задыхается, потерял сознание, наблюдается сильное кровотечение и т.д.). Охранник медучреждения отказывается пропустить в учреждение как больного, так и сопровождающих его лиц, ссылаясь на внутренний или ведомственный нормативный акт, при этом отказывается вызывать к больному профессионального медика из охраняемого медучреждения. Уговоры, призывы к милосердию не помогают, а время уходит.

Полагаю, что здесь насилие над охранником, если оно может помочь спасти другого человека, следует применить. Думаю также, что если при преодолении рубежа будут нанесены побои препятствующему охраннику, и позже он обратится в суд с частной жалобой, суд должен оправдать обвиняемого или обвиняемых.

Оправдать на каких правовых основаниях? На мой взгляд, суд должен применить правило о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Существовала реальная, а не воображаемая опасность. У лиц, пытавшихся спасти

жизнь или здоровье человека, не было других очевидных и действенных путей спасения. И хотя они нарушили право на неприкосновенность личности охранника, причинённый ему вред (главным образом, моральный) был значительно меньше вреда предотвращённого (или того, который можно было бы предотвратить таким образом). То есть не были нарушены пределы крайней необходимости. Ну а если коллеги представят убедительные аргументы того, что данное правило к описанной ситуации не подходит, вот тогда следует подумать, как можно поправить указанную правовую норму, чтобы очертить ей разумные контуры.

Развивая основной тезис, готов предложить для обсуждения другую, может быть более типичную ситуацию, чем предыдущая, в которой я также считаю нанесение побоев или причинение некоторых иных насильственных действий уместным и целесообразным. В российском праве должны быть основания для оправдания лиц, привлечённых к уголовной ответственности по ст. 116 УК РФ.

Речь идёт, в частности, о случаях, когда нанесению побоев предшествует вызывающее, оскорбительное, циничное поведение побитого (подвергшегося насилию человека). Когда его призывают уюмониться, предлагают извиниться и успокоиться, но увещевания агрессора только больше распаляют. И пощечина, либо насилие большей интенсивности не так уж редко используется для пресечения неправомерного поведения.

Среди обстоятельств, смягчающих наказание, законодатель указывает противоправность поведения потерпевшего (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Казалось бы, эту правовую норму следует применять в той обобщённой ситуации, которую я описал выше. И выносить мягкий, но обвинительный приговор. Но достаточно ли этого? Является ли телесная неприкосновенность распоясавшегося лица, хулигана большим благом, нежели честь и достоинство его случайной или специально выбранной жертвы?

В рамках необходимой обороны действующий закон позволяет причинять вред посягающему лицу для защиты личности и прав обороняющегося или других лиц от общественно опасного посягательства, даже если оно не сопряжено с насилием, опасным для жизни и здоровья, – при условии, если не

было допущено превышение пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

Это положение в связке с положением ч. 1 ст. 37 УК РФ можно истолковать двояко. *Во-первых*, так, что насилие является непременным условием правомерности необходимой обороны. Вот только если посягательство сопряжено с насилием, не опасным для жизни и здоровья, следует учитывать, не нарушены ли пределы необходимой обороны. *Во-вторых*, так, что если какое-либо посягательство на личность, её права имеет место быть (унижение чести и достоинства, оскорбление словами, жестами и проч.), а насилия нет или оно не представляет опасности для жизни и здоровья потерпевшего, тогда необходимая оборона будет правомерной при соблюдении требования о невыходе за её пределы. Ну и в любом случае коли посягательство опасно для жизни и здоровья, то нарушить пределы необходимой обороны в связи с не-

достаточной опасностью нападения нельзя в принципе – любой вред нападающему допустим. К сожалению, законодатель не спешит внести ясность в этот вопрос (возможно, из-за недостаточной проработанности вопроса в доктрине уголовного права). Уклоняется от чёткого толкования и Верховный Суд РФ. Может быть, научная дискуссия даст толчок для активности Верховного Суда РФ в правильном направлении?

Пока же приходится констатировать удручающую картину: отсутствие в современной России научно обоснованной и последовательной уголовной политики. Криминализация и декриминализация тех или иных деяний осуществляется без надлежащей проработки, обоснования и прогнозного моделирования. Почти всегда преобладают интересы отдельных политических субъектов, групп или ведомств.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоненков Д. Экс-прокурор ответит за избивание беременной // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/auto/2015/08/17_a_7692946.shtml (дата обращения: 25.11.2015).
2. Встреча с Председателем Верховного Суда Вячеславом Лебедевым. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/50076> (дата обращения: 25.11.2015).
3. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
4. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006. М.: Юнити-Дата. 2007.
5. Миллюков С.Ф. Российская уголовно-правовая политики: бутяфорская и подлинная // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 3 (22). С. 22–23.
6. Общественной опасности от побоев никакой нет. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2778837> (дата обращения: 25.11.2015).
7. Пьяный родитель избил воспитателей Борисоглебского детского сада. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=224540> (дата обращения: 25.11.2015).
8. Родина И. Путин разрешил гуманизацию уголовного закона // Независимая газета. – 2015. – 31 июля.
9. Савицкий А. Укротителей авиадобоширов предлагают освободить от ответственности // Известия. – 2015. – 12 августа.
10. Скобников П.А. «Теневая юстиция»: формы проявления и реализации // Российская юстиция. 1998. № 10. С. 21–23.
11. Скобников П.А. Имущественные споры и криминал в современной России. Монография. М.: Дело, 2001.
12. Скобников П.А. О мерах по предупреждению функционирования в России «теневой» юстиции // Государство и право. 2002. № 2. С. 50–59.
13. Скобников П.А. Отказ в доступе к правосудию пострадавшим от преступлений: проблемы и решения // Законодательство. 2012. № 8. С. 72–78.
14. Скобников П.А. Почему мошенник не должен сидеть // Литературная газета. – 2011. – 27 июля.
15. Скобников П.А. Противодействие необоснованным и незаконным отказам в возбуждении уголовных дел уголовно-процессуальными средствами // Судья. 2013. № 9. С. 43–46.
16. Скобников П.А. Уголовная ответственность за коррупцию: условное осуждение // Уголовное право. 2003. № 3. С. 68–70.
17. Скобников П.А. Хулиганство в кривом эфире // Юрист спешит на помощь. 2012. № 10. С. 25–27.

18. Сын прокурора, который в Екатеринбурге избил беременную автоледи, засветился в «Прямом эфире». URL: <http://ngzt.ru/news/view/24-08-2015-syn-prokurora-kotoryy-v-ekaterinburge-izbil-beremennuyu-avtoledi-zasvetilsya-v-pryamom-efire-21082015> (дата обращения: 25.11.2015).

19. Хамраев В., Иванов М. Побои и подлог выводят из Уголовного кодекса. Верховный Суд продолжает гуманизацию законодательства // Коммерсантъ. – 2015. – 1 августа.

20. Шестаков Д.А. «Толерантное» правосознание: тюрьмы для народа и безответственность воровогачам? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 13–17.

21. Шестаков Д.А. Выбор варианта поведения членами семьи в криминогенной ситуации // Правоведение. 1978. № 1.

22. Шестаков Д.А. От преступной любви до преступного законодательства. Санкт-Петербург: Издательский дом «АЛЕФ-ПРЕСС», 2015.

REFERENCES

1. Antonenkov D. Eks-prokuror otvetit za izbienie beremennoy. [Ex-prosecutor will be charged with beating a pregnant woman]. Gazeta.ru. URL: http://www.gazeta.ru/auto/2015/08/17_a_7692946.shtml (date of submission: 25.11.2015).

2. Vstrecha s Predsedatelem Verkhovnogo Suda Vyacheslavom Lebedevym. [A meeting with the Chairman of the Supreme Court Vyacheslav Lebedev]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/50076> (date of submission: 25.11.2015).

3. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.

4. Latentnaya prestupnost v Rossiyskoy Federatsii: 2001–2006. [Latent crime in the Russian Federation: 2001–2006]. M.: Yuniti-Data. 2007.

5. Milyukov S.F. Rossiyskaya ugovolno-pravovaya politiki: butaforskaya i podlinnaya. [The Russian criminal policy: sham and genuine]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2011, no. 3 (22), pp. 22–23.

6. Obshchestvennoy opasnosti ot poboev nikakoy net. [There is no social danger from battery]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2778837> (date of submission: 25.11.2015).

7. Pyaniy roditel izbil vospitateley Borisoglebskogo detskogo sada. [A drunken parent beat the teachers of Borisoglebsk kindergarten]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=224540> (date of submission: 25.11.2015).

8. Rodina I. Putin razreshil gumanizatsiyu ugovolnogo zakona. [Putin authorized humanization of criminal law]. *Nezavisimaya gazeta*, 2015, July 31.

9. Savitsky A. Ukrotiteley aviadeboshirov predlagayut osvobodit ot otvetstvennosti. [Tamers of aviabrawlers are suggested to be exempted from liability]. *Izvestiya*, 2015, August 12.

10. Skoblikov P.A. «Tenevaya yustitsiya»: formy proyavleniya i realizatsiya. [«Shadow justice»: forms of performance and realization]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 1998, no. 10, pp. 21–23.

11. Skoblikov P.A. Imushchestvennye spory i criminal v sovremennoy Rossii. [Property disputes and criminality]. Monografiya. M.: Delo, 2001.

12. Skoblikov P.A. O merakh po preduprezhdeniyu funktsionirovaniya v Rossii «tenevoy» yustitsii. [On preventive measure against «shadow» justice in Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 2002, no. 2, pp. 50–59.

13. Skoblikov P.A. Otkaz v dostupe k pravpsudiyu postradavshim ot prestupleniy: problem i resheniya. [Denial of access to justice for victims of crimes: problems and solutions]. *Zakonodatelstvo*. 2012, no. 8, pp. 72–78.

14. Skoblikov P.A. Pochemu moshennik ne dolzhen sidet. [Why shouldn't a swindler serve time in prison]. *Literaturnaya gazeta*. 2011, July 27.

15. Skoblikov P.A. Protivodeystvie neobosnovannym i nezakonnym otkazam v vozbuzhdenii ugovolnykh del ugovolno-protsessualnymi sredstvami. [Counteraction to unreasonable and illegal refusals to initiate criminal proceedings by criminal procedure means]. *Sudya*. 2013, no. 9, pp. 43–46.

16. Skoblikov P.A. Ugolovnaya otevetstvennost za korruptsiyu: uslovnoe osuzhdenie. Ugolovnoe pravo. [Criminal responsibility for corruption: suspended sentence]. 2003, no. 3, pp. 68–70.

17. Skoblikov P.A. Khuliganstvo v krivom efire. Yurist speshit na pomoshch. 2012, no. 10, pp. 25–27.

18. Syn prokurora, kotoryy v Ekaterinburge izbil beremennuyu avtoledi, zasvetilsya v «Pryamom efire». [The prosecutor's son, who beat a pregnant driver, was spotted in a live broadcast]. URL: <http://ngzt.ru/news/view/24-08-2015-syn-prokurora-kotoryy-v-ekaterinburge-izbil-beremennuyu-avtoledi-zasvetilsya-v-pryamom-efire-21082015> (date of submission: 25.11.2015).

19. Khamraev V., Ivanov M. Pobo i podlog vyvodyat iz Ugolovnogo kodeksa. Verkhovny sud prodolzhaet gumanizatsiyu zakonodatelstva. [Battery and forgery are removed from the Criminal Code. The Supreme Court continues humanization of legislation]. *Kommersant*, 2015, August 01.

20. *Shestakov D.A.* «Tolerantное» правосознание: тюрьмы для народа и безответственность vorobogacham? [«Tolerant» legal consciousness: prisons for the people and irresponsibility for oligarchs?] *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 4 (39), pp. 13–17.

21. *Shestakov D.A.* Выбор варианта поведения членами семьи в криминогенной ситуации. [Selecting the type of behaviour by family members in criminogenic situation]. *Pravovedenie*. 1978, no. 1.

22. *Shestakov D.A.* От преступной любви до преступного законодательства. [From criminal love to criminal legislation]. Saint-Petersburg: Izdatelskiy dom «ALEF-PRESS», 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пётр Александрович Скобликов – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия); e-mail: skoblikov@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pyotr Aleksandrovich Skoblikov – doctor of Laws, professor (Moscow, Russia); e-mail: skoblikov@list.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Б.К. Сыздык

ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ: ВЛИЯНИЕ «И/ИЛИ» НА УГОЛОВНУЮ ПОЛИТИКУ И ЦЕНУ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Технически простая замена соединительного союза «и» разделительным союзом «или» в рамках лишь одной статьи Уголовного кодекса на деле имеет далеко идущие последствия.

Ключевые слова: оставление в опасности; уголовная политика; преступление; криминология закона; цена преступности.

В.К. Syzdyk

LEAVING IN DANGER: IMPACT OF «AND/OR» ON CRIMINAL POLICY AND COST OF CRIME

Summary: Technically, a simple substitution of the coordinate conjunction «and» by the disjunctive conjunction «or» in one article of the Criminal Code leads to far-reaching consequences.

Key words: leaving in danger; criminal policy; crime; criminology of law; cost of crime.

Введение. В уголовном праве существует понятие «составы опасности». Законодатель к ним относит те случаи, когда потерпевшему непосредственно не наносится какой-либо вред, однако возникает состояние опасности его жизни или здоровью, либо другим жизненно важным интересам, охраняемым законом.

Одним из составов опасности является «оставление в опасности». Он органично востребован в структуре законодательства. Об этом свидетельствует то, что данный состав был известен советскому уголовному праву. С некоторыми изменениями такой состав имелся в УК РК 1997 года. Такой же состав содержится и в УК РК 2014 года. Диспозиция ч. 1 ст. 119 нового УК РК об ответственности за оставление в опасности практически повторяет прежний УК РК 1997 года, совпадает и нумерация статей.

Однако в части, касающейся круга субъектов, законодатель внёс небольшое изменение: соединительный союз «и», имевшийся в прежнем УК, заменён разделительным союзом «или». В результате этого расширен круг субъектов данного состава. В этот круг помимо тех, кто «обязан заботиться о потерпевшем, либо сам поставил его в опасное для жизни и здоровья состояние», подпадают и те, кто «имел возможность оказать помощь этому лицу». Эта небольшая замена по своей сути существенно меняет уголовную политику, она же призвана изменить правосознание граждан.

Обсуждение. Для ясности дальнейшего обсуждения приведём текст анализируемой статьи без санкций, но с указанием категорий общественной опасности:

Статья 119. Оставление в опасности

1. Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишённого возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу или был обязан заботиться об этом лице либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, – *уголовный проступок*;

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью лицу, оставленному без помощи, – *преступление небольшой тяжести*;

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть лица, оставленного без помощи, – *преступление средней тяжести*;

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, – *преступление средней тяжести*.

Автору этих строк в 1987–1988 годах довелось лично сталкиваться в своей следственной практике с трудностями применения ст. 110 УК КазССР 1959 года, предусма-

тривавшей ответственность за оставление в опасности. Исходя из целей настоящей работы, есть необходимость более подробно изложить фабулу дела и правовую ситуацию того времени. Речь идёт об уголовном деле по обвинению Б. и У. в групповом изнасиловании с использованием беспомощного состояния потерпевшей К. Все трое были соседями и одноклассниками. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что потерпевшая, оставленная на улице в беспомощном состоянии, скончалась от переохлаждения организма (дело происходило в начале ноября 1987 г.). Один из виновных в изнасиловании потерпевшей, У., с места совершения преступления ушёл раньше, чем Б., который пожелал ещё остаться с потерпевшей и выразил намерение сам довести беспомощную потерпевшую до дома. Впоследствии он перетащил потерпевшую на определённое расстояние, однако, испугавшись мимо проходивших людей, оставил её на улице.

В ходе следствия проявились сложности по поводу квалификации действий виновных. Квалификация по части изнасилования не вызывала особых трудностей, хотя там тоже имелись свои нюансы, связанные с беспомощным состоянием потерпевшей. В связи с тем, что смерть потерпевшей произошла не в результате насильственных действий виновных, а в результате переохлаждения организма, не представлялось возможным вменить виновным ч. 4 ст. 101 УК КазССР (изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия). В этой связи вопрос о квалификации действий виновного (виновных) в части смерти потерпевшей долго оставался открытым и заставлял правоприменителя задумываться, искать оптимальные варианты решений.

Тогда оказалось проблематичным найти безупречное правовое решение возникшей задачи: в руководящих постановлениях Верховных Судов СССР и КазССР, как по целым категориям дел, так и в определениях по отдельным делам, нам не удалось найти нужных разъяснений. Консультации с более опытными коллегами, а также с руководителями правоохранительных и судебных органов Джекказганской области не позволили найти однозначного решения, одинаково обоснованного с точек зрения законности, справедливости, гуманности и т.п.

На наш взгляд, наиболее близко подходила ст. 110 УК КазССР 1959 года «Оставление в опасности», которая в ч. 1 предусматривала ответственность за: «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишённого возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, *если оставивший без помощи обязан был заботиться об этом лице и имел возможность оказать помощь*», а часть 2 предусматривала ответственность за: «те же деяния, повлекшие смерть лица, оставленного без помощи, или иные тяжкие последствия».

Главным был вопрос: «являлись ли Б. и У. субъектами оставления в опасности?» При буквальном толковании закона, субъектом могло быть не всякое лицо, а только то, которое обязано было заботиться о потерпевшем и имело возможность оказать помощь.

В литературе давалось различное толкование по поводу обязанности оказать помощь. В одном из казахстанских источников говорилось, что «обязанность оказания помощи может возникнуть вследствие родственных отношений, например, обязанность родителей заботиться о детях, взрослых детей о престарелых родителях, вследствие закона или договора – обязанность опекуна заботиться о подопечном, обязанность проводника – о туристах, обязанность учителя заботиться о школьниках и т. д.» [12, с. 180]. Эти общеизвестные и общепринятые положения не охватывали рассматриваемый нами случай. Кроме того, в том же источнике разъяснялось, что субъектом ответственности может быть как частное лицо, так и лицо, обязанное заботиться об оставленном без помощи, достигшее 16 лет [12, с. 180].

Налицо было явное противоречие, не находившее своего разрешения в советской судебной-следственной практике и теории права. Аналогичные составы, с определёнными отличиями, содержались также и в УК других союзных республик. При одинаковости или схожести названий составов, диспозиции норм, предусматривающих ответственность за оставление в опасности, имеются определённые текстовые различия. Эти различия, на первый взгляд, не совсем явны и существенны, однако их значение возрастает, если подойти к делу с точек зрения законности,

справедливости решений, вытекающих из этих текстов и непосредственно касающихся судьбы людей.

Например, ст. 127 УК РСФСР «Оставление в опасности» в ч. 1 предусматривала ответственность за: неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи, если она заведомо могла быть оказана виновным без серьёзной опасности для себя или других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи», а в ч. 2 указанной статьи за: «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишённого возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нём заботу либо сам поставил его в опасное для жизни состояние».

Здесь предусматривались три категории субъектов: а) любое физическое лицо – ч. 1; б) лицо, обязанное иметь заботу о потерпевшем, – ч. 2; в) лицо, само поставившее потерпевшего в опасное для жизни состояние, – ч. 2. Попутно заметим, что в действующем УК РФ за оставление в опасности ответственность общего субъекта исключена.

Круг субъектов оставления в опасности был более точно определён в ч. 2 ст. 127 УК РСФСР, а формулировка ст. 110 УК КазССР и комментарии к ней были расплывчатыми. Уголовная ответственность лиц, поставивших потерпевшего в опасное для жизни (и здоровья) состояние, за оставление в опасности, предполагалась из общей теории и доктрины уголовного права. Тем более такая ответственность была закреплена, например, в УК РСФСР, а в УК КазССР отсутствовала. В уголовном праве КазССР она, как идея, витала в воздухе.

К концу следствия обоим виновным была вменена ч. 3 ст. 101 УК КазССР (изнасилование, совершённое группой лиц), а в отношении Б. дополнительно инкриминировалась ч. 2 ст. 110 УК КазССР (оставление в опасности, повлекшее смерть лица, оставленного без помощи). Так как У. с места событий ушёл раньше, ему не вменялось оставление в опасности.

Следствие исходило из того, что виновные сами поставили потерпевшую в опасное для жизни и здоровья состояние, и само изнасилование вменялось в связи с нахождением потерпевшей в беспомощном состоянии. Поэтому Б., оставивший К. в беспомощном состоянии в холодное время года на улице, должен был нести ответственность за оставление в опасности, повлекшее смерть потерпевшей, однако суд не принял такую трактовку.

Районный суд, вернув дело на доследование из-за ошибочности обвинения по ст. 110 УК КазССР, мягко указал на возможность переквалификации соответствующих деяний по ст. 91 УК КазССР (неосторожное убийство). Ошибка вменения ст. 110 УК в данном случае с точки зрения суда заключалась в том, что Б. не относился к субъектам данного состава, т.к. не было никаких отношений или правовых критериев, на основании которых на Б. возлагалась бы обязанность заботиться о К.

С другой стороны, рекомендация суда о применении ст. 91 УК КазССР была не совсем удачной, т.к. неосторожное убийство предполагает совершение активных действий в отношении потерпевшей.

Тем не менее, пришлось принять позицию суда. В итоге, по делу состоялся обвинительный приговор, который не был обжалован или опротестован. Казалось бы, можно радоваться завершённости делу и переходить к другим. С формальной стороны внешне всё хорошо: дело завершено – состоялся обвинительный приговор, защитивший интересы потерпевшей стороны, виновные осуждены. Однако, как правовые, так и нравственные аспекты того дела ещё тогда сильно волновали и до сих пор волнуют меня. Постоянно звучат вопросы: «Насколько правовой была версия следователя и прокурора? Насколько верны были решения суда о направлении дела на доследование и последующее осуждение по совокупности статей 101 и 91 УК КазССР?».

Сегодня думается, что при том уровне развития уголовного права, правопонимании любое решение содержало бы в себе тот или иной изъян. Проблема заключалась в следующем. Действовавший закон содержал в себе определённые недостатки, судебная практика по делам такого рода была хаотичной, а теория особо не вникала в суть практики и потому не обеспечивала ясности. Определённые

правовые идеи, не будучи чётко прописаны в законе, не могли быть претворены в жизнь.

С переходом от практики к научно-педагогической деятельности (октябрь 1989 г.) появилась возможность глубже вникнуть в суть данной проблемы. Я, опираясь на пример УК РСФСР, неоднократно предлагал расширить круг субъектов оставления в опасности. Моё предложение в части, касающейся общего субъекта, было отвергнуто более опытными коллегами с мотивировкой, что уголовная ответственность не может быть основана лишь на моральных требованиях. Так думали многие вопреки «Моральному кодексу строителя коммунизма», видимо, закономерно, т.к. под влиянием политики гласности, перестройки и нового мышления неумолимо приближался закат СССР.

Результаты моих размышлений были опубликованы в виде кратких тезисов, где особое внимание обращено на то, что «обязанность оказать помощь нередко обосновывается нормами морали, тем самым неоправданно расширяется круг субъектов. В других случаях учитываются только положения закона и ведомственных нормативных актов и необоснованно не подпадают под уголовную ответственность лица, поставившие потерпевшего в опасное для жизни и здоровья состояние».

Исходя из этого, предлагалось внести в ст. 110 УК КазССР следующий текст: «обязанность лица оказать помощь должна вытекать, во-первых, из положений закона; во-вторых, из прямых указаний ведомственных нормативных актов; в-третьих, из конкретного обстоятельства, когда лицо само поставило потерпевшего в опасное для жизни и здоровья состояние» [4, с. 99]. Суждения и рекомендации, отражённые в данных тезисах, в динамике описывают искреннее стремление восполнить пробелы в законе. Однако с высоты сегодняшнего дня их нужно в определённой степени пересмотреть.

Вернёмся к новому УК РК. Вышеупомянутая замена одного союза другим, на наш взгляд, привела к кардинальному изменению диспозиции уголовно-правовой нормы. В самом деле, осуществлено ни очередное совершенствование отдельно взятой уголовно-правовой нормы, а корректировка уголовно-правовой политики. Образно говоря, взята планка более высокого уровня правопонимания. Законодатель, исходя из самых гуманных сооб-

ражений по обеспечению защиты прав, свобод и законных интересов лиц, подпадающих под категорию беспомощных, расширил круг субъектов анализируемого деяния, включив в него общего субъекта. Если раньше, за исключением специальных субъектов, спасение беспомощных было делом добровольным, то теперь, в силу замены одного союза другим, такое бремя возложено на всех вменяемых, достигших 16 лет. Таким образом, можно констатировать, что, наконец, в нашем обществе произошло наибольшее сближение нравственных и правовых норм в определённой, хоть и узкой, сфере человеческих отношений. Можно ли ожидать расширения сфер такого сближения в дальнейшем?

Известно, что не только простые граждане, но и несколько поколений правоведов в нашей стране выросли на твёрдом убеждении, что оставление в опасности порождает уголовную ответственность только для специальных субъектов. Будет ли работать норма, угрожающая судимостью всем, кто пройдёт мимо лиц, нуждающихся в посторонней помощи? Насколько она будет полезной, эффективной? При этом, вопреки общим правилам, разница между ответственностью общего и специального субъектов размыта, т.к. она предусмотрена в рамках одной части статьи. Изучен ли казахстанским законодателем российский опыт, приведший к отказу от такой нормы?

Чем обусловлена (генетикой, обычаями, моралью, религией, правом) забота о других? По каким критериям или по какому праву законодатель устанавливает уголовную ответственность за оставление в опасности (неоказание помощи)?

Даже при социализме с его моральным кодексом строителя коммунизма в законодательстве не всех союзных республик устанавливалась ответственность общего субъекта за оставление в опасности. Не противоречит ли такой подход принципам общества с рыночной экономикой (капитализма)? Совместимы ли принципы индивидуализма, конкуренции, соперничества с бескорыстной заботой о других? Ответы на эти вопросы не лежат на поверхности. Не найти однозначного ответа на них и в юридической литературе. Не существует конституционной нормы, непосредственно обосновывающей необходимость заботы о посторонних людях. Религиозность,

гуманизм, альтруизм, доброта, щедрость – эти и другие существующие варианты ответов не бесспорны. Даже вариант альтруизма не совсем подходит для обоснования такой заботы.

С точки зрения писательницы Айн Рэнд, между альтруизмом и капитализмом существует конфликт: «В основе капитализма заложен принцип «жизнь человека и результаты его труда принадлежат ему самому». Человек живёт ради собственного блага. Если же не считать эгоистический интерес моральным, то у государства не будет причин не посягать на собственность человека. А если человек не имеет права жить для себя, другие люди могут предъявлять ему претензии – при господстве альтруизма так и происходит. Согласно учению об альтруизме, мы должны жить для других и на этом принципе обязаны строить общество. Закономерное следствие этой морали – тоталитарная диктатура, будь то коммунистическая или фашистская» [9, с. 43].

Схожие составы имеются в УК, например, Азербайджана, Болгарии, Грузии, Израиля, Испании, Ирана, Кыргызстана, Польши, США, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Японии.

Надо отметить, что диспозиции соответствующих норм уголовных законов «западных» и постсоветских стран имеют различия, которые, на наш взгляд, свидетельствуют не только о различиях на уровне законодательной техники, но и о разных (мировоззренческих, нравственных, политических) подходах к этой проблеме. При этом имеются отличные законодательные варианты. Например, УК Грузии предусматривает несколько самостоятельных составов (поставление в опасное для жизни положение, оставление в опасности, неоказание помощи, оставление больного в опасности), в УК Болгарии имеются шесть статей, предусматривающих ответственность за оставление в опасности.

УК западных стран отличает то, что в них ответственность за оставление в опасности предусмотрена не только в отношении специального субъекта, но и общего субъекта, т.е. в отношении любого вменяемого лица, достигшего установленного законом возраста наступления уголовной ответственности. Характерным является УК Японии, который в

ст. 217 устанавливает уголовную ответственность общего субъекта, а в ст. 218 – специального субъекта, за оставление на произвол судьбы лица, нуждающегося в помощи вследствие преклонного или малого возраста, физических недостатков или болезни [13].

В представлении большинства оказать посильную помощь любому, не только знакомому, но и случайному встречному, – нравственный долг каждого человека. Тем не менее, многие из нас обходят просителей подаяния, инвалидов и других лиц, заведомо находящихся в состоянии беспомощности, в силу своего социального, имущественного положения и т.п. Не все мы бросаем деньги в ящики для сбора средств, необходимых для лечения тяжелобольных.

В условиях современной жизни людям приходится чуть ли не ежедневно сталкиваться с ситуацией, когда кто-либо из близких или случайных встречных (на улице, дороге, в общественных местах) находится в положении, требующем посторонней помощи. Однако, видимо, необязательно каждого встречного обездоленного брать к себе, обогревать, поить чаем, обеспечивать деньгами и т.п. Достаточно уведомить специальные службы о соответствующей ситуации.

Даже при этноцентристском подходе необходимо признать, что некоторые зарубежные страны обошли нас в охране своих культурных, нравственных, религиозных ценностей, которые они свято берегут. Как нам представляется, у них большее число моральных, религиозных требований охраняется на уровне закона. В частности, во многих странах закон обязывает оказывать помощь пострадавшим, если это не опасно для спасателя. Прохожие, как минимум, обязаны вызвать скорую помощь.

Во Франции на этом основании было открыто дело против папарацци, увлечшихся фотографированием процесса гибели принцессы Дианы вместо оказания посильной помощи пострадавшим от печально известного дорожно-транспортного происшествия. В Германии необеспечение помощи – преступление, граждане обязаны оказывать первую помощь и неподсудны, если она, будучи оказываемой с добрыми намерениями, причинила вред. Умение оказывать первую помощь во многих странах обязательно для получения водительских прав.

При этом также надо иметь в виду, что при неумелом оказании помощи и ухудшении положения пострадавшего может возникнуть немало серьёзных вопросов [10]. Для достижения благих целей недостаточно установление ответственности за оставление в опасности, нужно создать систему нормативных правовых актов, регулирующих вопросы оказания помощи нуждающимся, составить примерный перечень обстоятельств, требующих посторонней помощи, представить для ознакомления широкой массе, выработать правила оказания помощи и т.п.

В США действует так называемый «Закон доброго самаритянина» – свод законов, регулирующий право на оказание первой помощи и правовое положение лица, оказавшего такую. Главный пункт закона – пострадавший, как правило, не может предъявить иск за неправильно оказанную первую помощь, если она оказывалась добросовестно, то есть оказавший помощь действовал в пределах своих знаний и опыта, стремясь обеспечить облегчение положения пострадавшего. Не будь этого пункта, посторонние остерегались бы помогать пострадавшим, боясь последующего иска [5]. Примеры зарубежных стран дают основание полагать, что у них данный подход складывался в течение длительного времени и прочно закрепился в менталитете общества.

При всём трепетном отношении к собственной стране, её добрым традициям, следует отметить, что анализируемая нами законодательная новелла для подавляющего большинства членов нашего общества представляется неожиданной. Примечательно, что ни в ходе разработки проекта нового УК РК, ни в ходе его обсуждения, никто из официальных разработчиков не акцентировал внимание общества на такое кардинальное изменение, нашедшее отражение в ст. 119 УК РК 2014 года. Думается, что большинство населения до сих пор не знает о произошедших изменениях, имеющих огромное правовое значение.

Существует и другая сторона медали. Есть немало примеров, когда лица, которых из чувства жалости подобрали на дороге, обогрели, приютили, при удобном случае совершали страшные преступления в отношении своих благодетелей.

В зарубежном уголовном законодательстве составы оставления в опасности имеют очень

широкий диапазон. Достаточно широк и круг потерпевших – это могут быть как близкие (дети, родители, супруги, подопечные), так и совершенно посторонние люди. Субъектом оставления в опасности или причинения вреда лицам, находящимся в беспомощном положении, могут быть, соответственно, как лица, имеющие с потерпевшим особые отношения (родители, супруги, дети, опекуны), так и любые иные. При этом проявляется дифференцированный подход и в отношении специального субъекта. Как правило, устанавливается достаточно жёсткая санкция. А в нашем случае, четырьмя частями ст. 119 УК РК охвачены уголовный проступок, преступление небольшой и средней тяжести. Нет дифференциации в зависимости от наличия или отсутствия особых отношений между субъектом и потерпевшим.

В уголовном законодательстве зарубежных стран составы причинения вреда лицам, находящимся в беспомощном положении (туда входят и оставления в опасном состоянии) располагаются по соседству. В постсоветских странах, в силу традиций группировки преступлений по родовым объектам, они находятся в разных главах УК: о преступлениях против личности, о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, о транспортных преступлениях.

Мне представляется, что история развития нашего законодательства (советского и постсоветского периодов) об оставлении без помощи представляет собой яркий пример произвольного усмотрения власти о криминализации или декриминализации того или иного деяния без должного криминологического обоснования. В этом и подобном случаях внешне, с точки зрения законодательной техники, всё выглядит более-менее пристойно. Однако, по сути, содержанию, соответствию господствующей уголовно-правовой доктрине, гуманистическим тенденциям, невозможно прийти к однозначному выводу об уместности установления или устранения уголовной ответственности за многие деяния. В этом плане большой интерес представляют положения криминологии закона [14], которая призвана восполнить этот пробел в правопонимании.

Жёсткость или мягкость современной уголовной политики служат темой нескончаемых дискуссий в обществе. Как пишет

Д.А. Шестаков: «Вообще усиливать и без того жёсткое современное законодательство дальше некуда, да и это противоречило бы общей тенденции его развития, было бы регрессом уголовного права, тянуло его назад» [8, с. 80]. И.Ш. Борчашвили применительно к УК РК 1997 г. делал вывод, что процесс гуманизации уголовного законодательства РК не начат, необходимо декриминализировать около двухсот составов, которые входят в категорию преступлений небольшой тяжести [1, с. 4]. Впоследствии он поменял свою позицию и одобрял криминализацию достаточно большого круга деяний в качестве уголовных проступков [2, с. 127]. Примеров технического несовершенства или несоблюдения правил «уголовной грамматики» не посчитать. Иногда трудно различить, «что это: техническая ошибка или профессиональная некомпетентность?» [7, с. 103].

При всём уважении к существующим уголовно-правовым догмам следует признать, что до сих пор не найден объективный (математический, физический, онтологический и т. п.) критерий разграничения административного правонарушения, уголовного проступка, преступления друг от друга, позволяющий определить тот минимальный порог общественной опасности, значимости (С.В. Векленко [3, с. 136]), вредности преступления (Р.Т. Нуртаев [6, с. 52–53]), значительности зла (зловредности) (Д.А. Шестаков [14, с. 14–15]) при превышении которого деяние, независимо от усмотрения власти, становится (должно быть оценено) преступлением, требующим уголовного наказания. Пока надежд на появление этого критерия нет, поэтому имеет право на существование и взгляд на конвенциональность преступного.

И криминология закона пока не нашла искомого. Вместе с тем, в её рамках возможно поставить перед обществом ряд неудобных вопросов: «Насколько законодательство и сама уголовная политика адекватны состоянию преступности, профилактическим и адаптационно-реабилитационным возможностям общества и государства, т.е. являются ли они криминологически обоснованными?», «Насколько мы последовательны в реализации социально-ориентированной уголовной политики?», «Насколько обременительны для общества мнимые составы преступлений

и ненаказуемое зло?», «Как разграничить цену подлинной и мнимой преступности?».

Цена преступности, которую платит любое общество, складывается из нескольких составляющих. Во-первых, это прямые уголовно-правовые последствия преступлений, охватываемые их составом. Во-вторых, это вред, причиняемый преступлениями за пределами их состава. В-третьих, это социальные издержки реагирования на преступность. Если принимать во внимание только первые две составляющие, необходимо усиливать уголовную ответственность за тяжкие, особо тяжкие преступления, рецидив, что приведёт к перегрузке тюремной системы.

Объективным сдерживающим фактором, не позволяющим увеличивать тюремное население и его обслуживающий персонал, помимо гуманизации уголовной политики, являются всё возрастающие расходы на содержание системы уголовной юстиции. Содержание одного преступника в изоляции обходится обществу в четыре раза дороже, чем предупреждение его преступного поведения. Выгода очевидна. Однако, как ни странно, в большинстве случаев общество предпочитает платить четырёхкратную плату.

Общество постфактум вынуждено содержать преступника в изоляции в соответствии с уголовным законодательством, придуманным им же, а эффективная профилактика требует заранее разработанной программы, должного финансирования, реального освоения, прозрачной отчётности по результатам.

Возвращаясь к основной теме статьи, следует задаться вопросами: «Насколько вредно относительно оставление в опасности, совершённое общим субъектом и не повлекшее последствий, а образующее лишь формальный состав преступления?», «Какова цена уголовного преследования за такой проступок?», «Каков фактический (зарегистрированный + латентный) объём оставления в опасности с серьёзными последствиями?», «Какая часть из них выявляется, какая часть доводится до суда?».

Выводы. Нельзя рассчитывать, что в рамках одной статьи удастся решить все проблемы, касающиеся оставления в опасности. Данная статья во многом имеет постановочный характер. На анализируемом примере мы видим, что технически простая замена соединительного союза «и» разделительным сою-

зом «или» в рамках лишь одной статьи УК на деле имеет далеко идущие последствия.

В силу слабости казахстанских институтов криминологической экспертизы законопроектов и прогнозирования тенденций преступности остаётся предполагать, что только общественная практика сможет расставить все точки над “i”.

Уже сегодня на базе существующего уголовного законодательства необходимо при-

нять нормативное постановление Верховного Суда РК по всем составам опасности. На примере составов оставления опасности следует провести тщательную криминологическую экспертизу каждой уголовно-правовой нормы с тем, чтобы точно определить цену преступности, очистить УК от мнимых преступлений, закрепить в нём запреты на подлинное зло.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете концепции правовой политики Республики Казахстан: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Караганды: КЮИ МВД РК, 2005. 302 с.
2. *Борчашвили И.Ш.* Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая часть (том 1) / Под общ. ред. Генерального Прокурора Республики Казахстан А.К. Даулбаева. Алматы, 2015. 500 с.
3. *Векленко С.В.* Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве // Правоведение. 2002. № 6. С. 129–140.
4. *Дулатбеков Н.О., Сыздыков Б.К.* К вопросу об уголовной ответственности за оставление в опасности по советскому уголовному праву / Тезисы докладов XVI науч.-практ. конф. (16–21 апреля 1991 г.). Караганда: Изд. КарГУ, 1991.
5. Закон доброго самаритянина. URL: <http://day-omega.com/?p=5400> (дата обращения: 01.11.2015).
6. *Нуртаев Р.Т.* Основные направления реализации эффективной уголовно-правовой политики современного Казахстана в контексте концепции правовой политики // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Караганды, КарЮИ МВД РК, 2005. С. 47–56.
7. Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сб. науч. тр. Саратов: Сателлит, 2004. 587 с.
8. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. д.ю.н., проф. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 353 с.
9. *Рэнд А.* Ответы: об этике, искусстве, политике и экономике / Под ред. Роберта Мэйю. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012. 282 с.
10. США: за доброе дело можно получить срок. URL: <http://pravo.ru/interpravo/news/view/6081/> (дата обращения: 01.11.2015).
11. *Сыздык Б.К.* Некоторые вопросы «уголовной грамматики» и криминологии // Роль Конституции в становлении и развитии независимой государственности в Казахстане: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 10-летию Конституции Республики Казахстан. Караганды: Изд-во КарГУ, 2005.
12. Уголовное право Казахской ССР (Особенная часть). Учеб. пос. Ч. I. / Под ред. проф. Г.Ф. Поленова, проф. В.Н. Маркелова. Алма-Ата: Мектеп, 1979. 246 с.
13. Уголовный кодекс Японии / Науч. редактирование и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 222 с.
14. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. 75 с.

REFERENCES

1. Aktualnye problemy ugovornogo prava, krimonologii i ugovovno-ispolnitelnogo prava v svete kontseptsii pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan. [Actual problems of criminal law, criminology and penal law in the context of legal policy of the Republic of Kazakhstan]. Materialy mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konferentsii Karagandy: KYUI MVD RK, 2005, pp. 302.
2. *Borchashvili I.S.* Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazakhstan. [Comments on the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan]. Obshchaya chast (tom 1). Pod obshchey red. Generalnogo Prokurora Respubliki Kazakhstan A.K. Daulbaeva. Almaty, 2015, pp. 500.
3. *Veklenko S.V.* Sushchnost, sodержanie i formy viny v ugovovnom prave. [The essence, content and forms of guilt in criminal law]. Pravovedenie. 2002, no. 6, pp. 129–140.

4. *Dulatbekov N.O., Sazdykov B.K.* К вопросу о уголовной ответственности за оставление в опасности по советскому уголовному праву. [On criminal responsibility for leaving in danger under the Soviet criminal law]. Tezisy докладov XVI nauch.-prakt. konf. (16–21 aprelya 1991 g.). Karaganda: Izd. KarGU, 1991.
5. *Zakon dobrego samaritanina.* [A good Samaritan law]. URL: <http://day-omega.com/?p=5400> (date of submission: 01.11.2015).
6. *Nurtaev R.T.* Osnovnye napravleniya realizatsii effektivnoy ugolovno-pravovoy politiki sovremennoy Kazakhstana v kontekste kontseptsii pravovoy politiki. Aktualnye problemy ugolovnoy prava, kriminologii i ugolovno-ispolnitelnogo prava v svete kontseptsii pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan. [The main aspects of carrying out effective criminal policy in modern Kazakhstan in the context of legal policy concept. Actual problems of criminal law, criminology and penal law in the context of legal policy concept of the Republic of Kazakhstan]. Materialy mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konferentsii Karagandy: KarYI MVD RK, 2005, pp. 47–56.
7. *Prestupnost i ugolovnoe zakonodatelstvo: realii, tendentsii, vzaimovliyanie.* [Crime and criminal legislation: realities, tendencies, mutual influence]. Sb.nauch.tr. Saratov: Satellit, 2004, pp. 587.
8. *Prestupnost sredi soysialnykh podsistem. Novaya kontseptsiya i otrasli kriminologii.* [Crime among social subsystems. New concept and criminological branches]. Pod red. d.y.n., prof. D.A. Shestakova. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003, pp. 353.
9. *Rand A.* Otveti: ob etike, iskusstve, politike i ekonomike. [Answers: about ethics, art, politics and economy]. Pod red. Roberta Meyu. Per s angl. M.: Alpina Publisher, 2012, pp. 282.
10. *SSHA: za dobroe delo mozjno poluchit srok.* [The USA: one can go to prison for a good deed]. URL: <http://pravo.ru/interpravo/news/view/6081/> (date of submission: 01.11.2015).
11. *Syzdyk B.K.* Nekotorye voprosy «ugolovnoy grammatiki» i kriminologii. Rol Konstitutsii v stanovlenii i razvitiy nezavisimoy gosudarstvennosti v Kazakhstane: Mat-ly mezhdunar. Nauch.-prakt. konf., posv. 10-letiyu Konstitutsii Respubliki Kazakhstan. [Some issues of «criminal grammar» and criminology. The role of the Constitution in national development of Kazakhstan]. Karagandy: Izd-vo KarGU, 2005.
12. *Ugolovnoe pravo Kazakhskoy SSR (Osobennaya chast).* [The Criminal law of Kazakh Soviet Socialist Republic]. Ucheb. pos. C.I. Pod red. prof. G.F. Polenova, prof. V.N. Markelova. Alma-Ata: Mektep, 1979, pp. 246.
13. *Ugolovniy kodeks Yaponii.* [The Criminal Code of Japan]. Nauch. Redaktirovanie i predislovie d.y.n., prof. A.I. Korobeeva. SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2002, pp. 222.
14. *Shestakov D.A.* Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2011., pp. 75.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Болат Кенелулы Сыздык – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза (Караганда, Республика Казахстан); e-mail: syzdyk@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bolat Keneluly Syzdyk – PhD in Laws, senior research worker at Karaganda Economic University (Karaganda, the Republic of Kazakhstan); e-mail: syzdyk@gmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.М. Конарбаева

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация: Наказание является центральным элементом уголовной репрессии. В этой связи оно становится предметом одновременно уголовно-правовых и криминологических исследований. Последние, в свою очередь, предлагают, в том числе, криминологические основы назначения наказания.

Ключевые слова: назначение наказания; цели наказания; функции наказания; принцип справедливости.

N.M. Konarbaeva

JUSTICE AS A PRINCIPLE FOR IMPOSITION OF PUNISHMENT

Summary: Punishment is the central element of criminal repression. Therefore, it becomes the subject of both criminal and criminological researches. The latter, in their turn, offer criminological basics for imposition of punishment.

Key words: imposition of punishment; purposes of punishment; functions of punishment; principle of justice.

Наказание является центральным элементом уголовной репрессии. В этой связи оно становится предметом одновременно уголовно-правовых и криминологических исследований. Последние, в свою очередь, предлагают, в том числе, криминологические основы назначения наказания.

Вопросы о криминологических возможностях назначения наказания раскрываются через различные понятия. К примеру, через термин «криминологическое основание», предложенный В.Д. Филимоновым в исследовании, посвящённом криминологическим основам уголовного права. В данной монографии автор выделял, в частности, криминологические основания индивидуализации уголовной ответственности и наказания и их реализацию в общих началах назначения наказания [8, с. 22–23]. Позже было высказано мнение, что «криминологические возможности уголовного права выражаются через цели наказания» [4, с. 242–296].

Уголовный кодекс РФ (далее по тексту – УК РФ) в статье 43 закрепляет следующие цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений.

В криминологии данные цели справедливо критикуются. В частности, Д.А. Шестаков

пишет о неприемлемости первых двух: первой – за заложенную в ней порочную идею возмездия, второй – за нереальность [10, с. 153–155; 12;]. Он же взамен существующих целей предлагает криминологически обоснованные функции наказания: удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (защита человека); реституция (восстановление положения потерпевшего); ресоциализация осуждённого [11].

Уголовное право имеет ряд «криминологических способностей», выражающихся, зачастую, посредством применения наказания к преступнику: путём восстановления позитивной уголовной ответственности, предупреждения преступлений, защиты прав и интересов граждан, нарушенных в результате преступного посягательства [2, с. 134–135].

На наш взгляд, криминологические возможности назначения наказания берут своё начало в основополагающем принципе последнего – справедливости. В соответствии со ст. 60 УК РФ, аналогично звучит и ст. 52 УК Республики Казахстан (далее по тексту – УК РК), основным принципом назначения наказания является принцип справедливости. Его содержание вызывает достаточное число споров. В некоторых исследованиях он признаётся единственным принципом назначения наказания и «без него остальные своего

самостоятельного отражения не получают, их значение дополнительное» [6, с. 495]. Отмечается, что данный принцип поглощает все иные принципы уголовного закона. О справедливости наказания можно говорить лишь при условии, что «оно основано на законе, равенстве граждан перед законом, исходит из принципа субъективного вменения, отвечает требованиям гуманизма» [7, с. 358].

Принцип справедливости, являясь идейной основой назначения наказания, наполняет последнее криминологическим содержанием. Во-первых, данный принцип в УК РФ и УК РК, выступая в качестве нравственной категории, способствует предупреждению преступлений, обеспечению интересов общества. Во время применения к лицам, совершившим преступление, необходимого и достаточного наказания или иной меры уголовно-правового характера происходит прямое влияние на сознание лиц, прямо или косвенно имевших отношение к совершению преступления. У граждан, не участвовавших в совершении преступления (к примеру, родственники, знакомые осуждённого), аккумулируются необходимые взгляды и представления о карательной деятельности государства [9, с. 102–113], являющиеся составным элементом внутреннего убеждения о необходимости соблюдения правовых норм.

Справедливо назначенное наказание обеспечивает учёт интересов потерпевшего (возмещение вреда), порождает у последнего чувство защищённости, неотвратимости наказания [3, с. 61–70]. Таким образом, назначая справедливое наказание осуждённому, суд защищает интересы всего общества.

Принципу справедливости наказания внимание уделялось ещё учёными дореволюционного периода. Отмечалось, что задачей суда является «обеспечение нравственной

справедливости, а не какой-нибудь формальной» [1, с. 37]. Идеальное наказание связывалось именно с его справедливостью и должно было состоять «в соединении двух начал, тех самых, соблюдение которых требуется при суждении о преступлении от присяжных и судей, то есть интересов преступника и интересов общества» [5, с. 49].

Во-вторых, принцип справедливости, выступая в качестве юридической категории (ст. 6 УК РФ), способствует реализации криминологического потенциала уголовного закона. Справедливость выступает как необходимое начало назначения наказания, обеспечивающее соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Именно в процессе установления такого соответствия достигается понимание того, что: а) наказание не единственный способ уголовно-правового регулирования, в нём существует и поощрительный потенциал уголовного закона; б) предупредительный эффект уголовного закона достигается при тщательном исследовании обстоятельств совершения преступления.

Для реализации юридического значения принципа справедливости в уголовном законе устанавливается, в том числе, ряд правил, образующих общие начала назначения наказания. Назначение наказания осуществляется: а) в пределах, установленных соответствующей статьёй Особенной части УК РФ и УК РК, которые могут быть не соблюдены в исключительных случаях – для достижения справедливости наказания; б) с учётом соответствующих положений Общей части УК РФ и УК РК, характера и степени общественной опасности совершённого преступления для смягчения или отягчения меры наказания.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владимиров Л.Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903.
2. *Гончарова А.Н.* Криминологические основания преступлений частного обвинения: дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2002.
3. *Зубкова В.И.* Восстановление социальной справедливости – одна из целей уголовного наказания // Вестник МГУ. 2003. № 1.
4. *Курганов С.И.* Основания криминологической теории (теоретико-познавательные и прикладные проблемы): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
5. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. СПб., 1867.
6. *Мальцев В.В.* Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004.

7. Новосёлов Г.П. Назначение наказания // Уголовное право: Общая часть. Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1997.
8. Филимонов В.Д. Криминологические основания уголовного права. Томск, 1981.
9. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003.
10. Шестаков Д.А. Криминология. Краткий курс. Преступность как свойство общества. СПб.: «Лань», 2001.
11. Шестаков Д.А. Преступность и правосознание в свете российской критической криминологии // Региональные особенности состояния правопорядка, уровня правосознания и защищённости населения. Волгоград, Московский институт потребительской кооперации. Волгоградский филиал. Юридический факультет. 2003. С. 14–27.
12. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 154–161.

REFERENCES

1. Vladimirov L.E. Uголовniy zakonodatel kak vospitatel naroda. [Criminal legislator as a tutor of the people]. М., 1903.
2. Goncharova A.N. Kriminologicheskie osnovaniya prestupleniy chastnogo obvineniya: dis. ... dokt. yurid. nauk. [Criminological grounds for the crimes of private charge]. Krasnoyarsk, 2002.
3. Zubkova V.I. Vosstanovlenie sotsialnoy spravedlivosti – odna iz tseley ugovolnogo nakazaniya. [Restoration of social justice – one of the purposes of criminal punishment]. *Vestnik MGU – Bulletin of Moscow State University*. 2003, no. 1.
4. Kurganov S.I. Osnovaniya kriminologicheskoy teorii (teoretiko-poznavatelnye i prikladnye problemy): dis. ... dokt. yurid. nauk. [Grounds of criminological theory]. М., 1999.
5. Lohvitsky A.V. Kurs russkogo ugovolnogo prava. [The course of the Russian criminal law]. SPb., 1867.
6. Maltsev V.V. Printsipy ugovolnogo prava i ikh realizatsiya v pravoprimeritelnoy deyatel'nosti. [Principles of criminal law and their implementation in law-enforcement activity]. SPb., 2004.
7. Novoselov G.P. Naznachenie nakazaniya. [Imposition of punishment]. *Ugolovnoye pravo: Obshchaya chast. Pod red. I.Y. Kozachenko, Z.A. Neznamovoy*. М., 1997.
8. Filimonov V.D. Kriminologicheskie osnovaniya ugovolnogo prava. [Criminological grounds of criminal law]. Tomsk, 1981.
9. Filimonov V.D. Okhranitel'naya funktsiya ugovolnogo prava. [Protection function of criminal law]. SPb., 2003.
10. Shestakov D.A. Kriminologiya. Kratkiy kurs. Prestupnost' kak svoystvo obshchestva. [Criminology. Short course. Criminality as a property of the society]. SPb.: «Lan'», 2001.
11. Shestakov D.A. Prestupnost' i pravosoznanie v svete rossiyskoy kriticheskoy kriminologii. Regionalnye osobennosti sostoyaniya pravoporyadka, urovnya pravosoznaniya i zashchishchennosti naseleniya. [Crime and legal conscience in the light of the Russian critical criminology. Regional features of law and order state, level of legal conscience and people's protection]. Volgograd, Moskovskiy institute potrebitelskoy kooperatsii. Volgogradskiy filial. Yuridicheskiy fakultet. 2003, pp. 14–27.
12. Shestakov D.A. Rossiyskaya ugovolno-pravovaya politika pod uglom zreniya istoricheskoy tendentsii k smygzcheniyu repressii. [The Russian criminal policy from the perspective of the historical tendency to mitigation of repression]. *Pravovedenie*. 1998, no. 4, pp. 154–161.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нургул Молдабаевна Конарбаева – аспирант кафедры уголовного права и криминалистики факультета права НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); e-mail: nurgul.konarbaeva@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nurgul Moldabaevna Konarbaeva – graduate student of the department of criminal law and forensics at the faculty of law of NRU Higher School of Economics (Moscow, Russia); e-mail: nurgul.konarbaeva@gmail.com

УДК 343.9

ББК 67.51

Т.Н. Тимина

О ЛЕГИТИМНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ»

Аннотация: Анализ национальной политики, научных, теоретико-прикладных исследований, данных уголовной статистики и нормативно-правовых актов РФ позволяет сделать вывод о наличии этнической преступности, которая, в свою очередь уже является предметом изучения новой отрасли преступноведения – криминологии национальных отношений.

Ключевые слова: криминология национальных отношений; этническая преступность; этнос.

T.N. Timina

ON LEGITIMACY OF USAGE OF CRIMINOLOGICAL CONCEPT «ETHNIC CRIME»

Summary: Analysis of national policy, scientific, theoretical and applied researches, crime statistics and legal acts reveals existence of ethnic crime. In its turn, ethnic crime is the subject of study for a new branch of criminology – criminology of national relations.

Key words: criminology of national relations; ethnic crime; ethnos.

Вопрос существования этнической преступности, в том числе, этнической организованной преступной деятельности, вызывает неоднозначное отношение в научных кругах. Мнения по данному вопросу диаметрально противоположны. Одни признают наличие этнической преступности: Л.С. Арутюнов [1], М.А. Касьяненко [4], М.П. Клейменов [6], Д.А. Шестаков [18]. Другие же являются противниками этого подхода, считая, что употребление понятия «этническая преступность» в публичных выступлениях, печати и научных исследованиях следует рассматривать как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (С.У. Дикаев и др.) [3].

О наличии в современном глобальном мире этнической преступности свидетельствует масса примеров, большинство из которых находится «на слуху»: итальянская мафия «Коза Ностра», японские «Якудзы», «русская мафия». В России многочисленные научные исследования данной проблематики и судебно-следственная практика позволяют говорить о существовании преступных объединений, созданных по этническому, религиозному или признаку «землячества».

Например, такие группировки как азербайджанская, таджикская, армянская, афганская, вьетнамская, китайская и другие [7].

Следует отметить, когда речь заходит о наличии в России этнической преступности или преступных формирований, объединённых по этническому признаку, возникает масса нюансов, позволяющих вести по этому вопросу острую дискуссию. Это обусловлено тем, что:

- во-первых, существует недопустимость нарушения прав и свобод личности любой этнической принадлежности. В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 17); все равны перед законом и судом и государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав

граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19 Конституции РФ) [8];

- во-вторых, активная национальная политика, направленная на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности её народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, осуществляется в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [14], призванной развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей). Стратегия представляет собой систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

- в-третьих, Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На её территории проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан). Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного российского государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры [14];

- в-четвёртых, проявления межнациональной нетерпимости запрещены уголовным законодательством: 1) наличие уголовной ответственности за преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ и др.); 2) наличие ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», предусматривающей уголовную ответственность за дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национально-

сти, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам; 3) установление уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности: «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 280 УК РФ), «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.1 УК РФ), «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ), «Организация экстремистского сообщества» (ст. 282.1 УК РФ), «Финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282.3 УК РФ);

- в-пятых, на государственном уровне в Концепции общественной безопасности [9] признаётся, что одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Об этом речь ведётся и в Стратегии государственной национальной политики, где актуализируется внимание на существующие проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма. На развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений также влияют следующие негативные факторы: недостаточный уровень межведомственной и межуровневой координации в сфере реализации государственной национальной политики РФ, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение межнациональных конфликтов в субъектах РФ;

- в-шестых, существующая система сбора информации о преступлениях, совершённых лицами, принадлежащими к какой-либо этнической группе, не отражает реальной картины рассматриваемой преступности; официально собираемые уголовно-статистические данные позволяют получить криминологически значимую информацию лишь о личности преступника, если преступление

совершено иностранными гражданами и лицами без гражданства, лицами, прибывшими из стран СНГ или государств Балтии, гражданах России, проживающих на территории стран СНГ или государств Балтии, а также информацию о преступлениях, совершённых в отношении иностранных граждан; социально-криминологическую информацию о количестве преступлений, совершённых за определённый период организованной группой или преступным сообществом, без конкретизации этнической принадлежности;

- в-седьмых, существует проблема определения национальной идентичности, ведь в официальных документах граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства указывается лишь место рождения, этническая принадлежность не определяется;

- в-восьмых, уголовный закон не устанавливает ответственности за совершение преступлений в составе этнических преступных формирований, поэтому говорить о них как об отдельном виде преступлений не корректно с точки зрения формального (конвенционального) подхода к понятию преступления. С другой стороны, исходя из материального (социологического) определения преступления, ставящего во главу угла не наличие официального запрета, а существенный вред, опасность деяния для общества (преступление в криминологическом смысле) [17, с. 8], мы можем рассматривать этническую преступность, по меньшей мере, в двух значениях. Первое – как часть организованной преступной деятельности, то есть организованная этническая преступная деятельность, второе – как составляющая часть преступности экстремистской направленности. Поэтому, на наш взгляд, введение понятия «этническая преступность» вне зависимости от наличия специальных норм, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, всё же оправдано с криминологической позиции: для глубокого изучения данного вида преступности, личности преступника, факторов, влияющих на объединение преступных групп по этническому признаку, и разработки предупредительных мер воздействия на этническую преступность;

- в-девятых, на сегодняшний день в российском законодательстве не закреплено понятий «этническая преступность» или её

составных частей, но проблема этнической преступности признаётся на государственном уровне. Об этом свидетельствуют проанализированные нами нормативно-правовые акты. Например, Президент РФ В.В. Путин в Указе от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» [15] в целях гармонизации межнациональных отношений, укрепления единства многонационального народа РФ и обеспечения условий для его полноправного развития постановил Правительству РФ совместно с органами государственной власти субъектов РФ обеспечить до ноября 2012 года разработку комплекса мер, направленных на совершенствование работы органов государственной власти РФ по предупреждению межнациональных конфликтов, включая создание эффективных механизмов их урегулирования и проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений, а также на активизацию работы по недопущению проявлений национально-го и религиозного экстремизма и *пресечению деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу (выделено мной – Т.Т.)*;

- в-десятых, современное нормативно-правовое регулирование противодействия криминальной деятельности групп (сообществ), сформированных по этническому признаку, разрознено, понятийный аппарат скуден и бессистемен. Для разрешения этой проблемы в Приложении № 3 «Инструкции о порядке заполнения и представления учётных документов» Приказа «О едином учёте преступлений» [11] в разделе «Порядок заполнения и представления статистической карточки формы № 1.1» даётся понятие «*этнические преступные формирования*». В качестве них учитываются группы, сообщества (организации), представляющие собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, то есть объединяющие в своём составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований). Авторы Приказа уточняют, что отнесение преступной группировки к *этнической* не определяется однородностью её национального состава, он может быть и смешанным. Этническую принадлежность группировки определяют те, кто занимает в ней лидирующее положение;

• в-одиннадцатых, в России нормативно-правовые акты не устанавливают понятие «этнос», поэтому формулировка этого термина зависит от подхода, избираемого исследователем проблемы в зависимости от разработанной теории или концепции. Например, примордиализм, дуалистическая теория этноса, социобиологическое направление, теория Пьера ван ден Берга, пассионарная теория и другие. На федеральном уровне существует лишь понятие «коренные малочисленные народы Российской Федерации». К ним законодатель относит народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными *этническими общностями* [16].

Для формулировки криминологического определения «этническая преступность» мы обратились к существующим исследованиям в этой области. Н.А. Горюнова этническую преступность понимает как «преступность относительно устойчивых групп, преимущественно состоящих из представителей одного этноса и действующих на территории проживания другого этноса» [2, с. 36].

М.П. Клеймёнов определяет этническую преступность «как массовую криминальную эксплуатацию этнической идентичности» [5; 6, с. 61]. Признавая неоднородность этнической криминологической реальности, он выделяет три вида этнической преступности: политическую, организованную и общеуголовную [6, с. 63].

Другой подход к пониманию этнической преступности продемонстрировала Н.В. Кузьмина, говоря о ней как о массовом, исторически изменчивом, социально-правовом, антиобщественном явлении, слагающемся из совокупности действий, запрещённых уголовным законом (преступлений), совершаемых на определённой территории в тот или иной период времени по линии этнической общности. Н.В. Кузьмина относит к этнической преступности, в широком смысле, все

преступления, совершаемые в сфере межнациональных отношений, в области национально-государственного и социального управления; в узком смысле – те преступления экстремистской направленности, которые совершаются по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды либо кровной мести [10].

Касьяненко М.А. говорит об этнической преступности, как явлении современного криминального мира лишь в случае, когда этнический признак выступает как мотивационный признак объединения лиц для совершения противоправных действий, и тем самым идентифицирующий определённое преступное формирование в структуре организованной преступной деятельности. Она считает, что выделять этнический признак в структуре преступности можно только в случае объединения двух или более лиц для достижения общих преступных целей, т.е. посредством соучастия [4].

Объединяющими рассмотренные понятия признаками являются: групповой (организованный) характер и принадлежность к определённому этносу (этнической общности) [13].

Таким образом, *этническую преступность* можно определить как обладающую высокой степенью общественной опасности форму социальной патологии, выражающуюся в воспроизводстве запрещённых уголовным законом деяний, совершённых в составе этнического (национального) формирования, обладающего такими признаками как целостность, синергичность, делимость, структурированность, закрытость и адаптивность.

Проанализированные нами вопросы национальной политики РФ, научные, теоретико-прикладные исследования, данные уголовной статистики и нормативно-правовые акты позволяют сделать выводы о наличии этнической преступности, которая, в свою очередь уже является предметом изучения новой отрасли преступноведения – криминологии национальных отношений [18, с. 115–116].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. К вопросу о легитимности понятий «этническое преступное формирование» и «этническая преступность» в системе наук уголовно-правового цикла и их соотношение с основополагающим принципом равенства всех перед законом и судом // *Мировой судья*. М.: Юрист, 2008. № 9. С. 19–21.
2. Горюнова Н.А. Культурологический аспект этнической преступности и противодействие ей. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002.
3. Дикаев С.У. О так называемой этнической преступности и экстремизме // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2012. № 1 (24). С. 38–44.
4. Касьяненко М.А. Криминологические особенности и основы противодействия организованной преступности с признаками этнической идентичности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М. 2011.
5. Клеймёнов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2008.
6. Клеймёнов М.П. Этническая организованная преступность и экстремизм // *Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом*. Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.
7. Клишков В.Б., Костыря Е.А., Платонов А.В. и др. Методика выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых этническими организованными преступными группами: научно-практические рекомендации. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2008. С. 257–262.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // *СЗ РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398.
9. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 года № Пр-2685). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/page/68> (дата обращения 15.09.2015).
10. Кузьмина Н.В. Активизация деятельности организованной этнической преступности // *Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы*. Под ред. профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2010. С. 289–290.
11. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учёте преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учёта преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учётных документов») // *Российская газета*. – 2006. – 25 января.
12. Репецкая А.Л. Китайская организованная преступность в Восточной Сибири: характеристика, проблемы борьбы // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сборник материалов международной научно-практической конференции (7–8 февраля 2003 г.)*. Часть 1. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.
13. Тимина Т.Н. Современный подход к пониманию этнической преступности // *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова): материалы ежегодной научно-практической конференции*. В двух частях. Часть I, 19–20 ноября 2015 года / Под ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной и А.В. Никуленко // *сост.: А.В. Никуленко, Л.В. Готчина*. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. С. 256–262.
14. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // *СЗ РФ*. 2012. № 52. Ст. 7477.
15. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // *СЗ РФ*. 2012. № 19. Ст. 2339.
16. Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 1999. № 18. Ст. 2208.
17. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011.
18. Шестаков Д.А. Преступность политики. Размышления кримиолога. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013.

REFERENCES

1. Arutyunov L.S., Kasyanenko M.A. K voprosu o legitimnosti ponyatiy «etnicheskoe prestupnoe formirovaniye» i «etnicheskaya prestupnost» v sisteme nauk ugolovno-pravovogo tsikla i ikh sootnosheniye s osnovopolagayushchim printsipom ravenstva vsekh pered zakonom i sudom. [On legitimacy of the concepts «ethnic criminal group» and «ethnic crime» in criminal law sciences and their correlation with the fundamental principle of equality before the law and the court]. *Mirovoy sudya*. M.: Yurist, 2008, no. 9, pp. 19–21.

2. *Goryunova N.A.* Kulturologicheskiy aspekt etnicheskoy prestupnosti i protivodeystvie ey. Reagirovanie na prestupnost: kontseptsii, zakon, praktika. [Cultural aspect of ethnic crime and its prevention. Responding to crime: concepts, law, practice]. M.: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2002.
3. *Dikaev S.U.* O tak nazyvaemoy etnicheskoy prestupnosti i ekstremizme. [On so-called ethnic crime and extremism]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2012, no. 1 (24), pp. 38–44.
4. *Kasyanenko M.A.* Kriminologicheskie osobennosti i osnovy protivodeystviya organizovannoy prestupnosti s priznakami etnicheskoy identichnosti: avtoreferat dis...kand.yurid.nauk. [Criminological characteristics and basics of organized crime prevention with the features of ethnic identity]. M., 2011.
5. *Klymenov M.P.* Kriminologiya: uchebnik. [Criminology: textbook]. M.: Norma, 2008.
6. *Klymenov M.P.* Etnicheskaya organizovannaya prestupnost i ekstremizm. Sovershenstvovanie borby s organizovannoy prestupnostyu, korruptsiyey i ekstremizmom. [Ethnic organized crime and extremism. Improvement of counteraction to crime, corruption and extremism]. Pod red. A.I. Dolgovoy. M.: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2008.
7. *Klishkov V.B., Kostyrya E.A., Platonov A.V. i dr.* Metodika vyyavleniya, preduprezhdeniya i raskrytiya prestupleniy, sovershaemykh etnicheskimi organizovannymi prestupnymi gruppami: nauchno-prakticheskie rekomendatsii. [Methods to detect, prevent and solve crimes committed by ethnic organized criminal groups: scientific and practical recommendations]. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2008, pp. 257–262.
8. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993). [The Constitution of the Russian Federation (adopted by national referendum on December 12, 1993)] // SZ RF. 2014, no. 31. St. 4398.
9. Kontseptsiya obshchestvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 goda № Pr-2685). [National Security Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on November 14, 2013 No. Pr-2685)]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/page/68> (date of submission: 15.09.2015).
10. *Kuzmina N.V.* Aktivizatsiya deyatelnosti organizovannoy etnicheskoy prestupnosti. Ekstremizm: sotsialnye, pravovye i kriminologicheskie problemy. [Revitalization of organized ethnic crime. Extremism: social, legal and criminological problems]. Pod red. professora A.I. Dolgovoy. M.: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2010, pp. 289–290.
11. Prikaz Genprokuratury Rossii № 39, MVD Rossii № 1070, MCHS Rossii № 1021, Minyusta Rossii № 253, FSB Rossii № 780, Minekonomrazvitiya Rossii № 353, FSKN Rossii № 399 ot 29.12.2005 «O edinom uchete prestupleniy» (vmeste s «Tipovym polozheniem o edinom poryadke organizatsii priema, registratsii i proverki soobshcheniy o prestupleniyakh», «Polozheniem o edinom poryadke registratsii egolovnykh del i ucheta prestupleniy», «Instruksiiy o poryadke zapolneniya i predstavleniya uchetykh dokumentov»). [The Decree of 29.12.2005 by the General Prosecutor's Office no. 39, no. 1010 of MIA of Russia, no. 1021 of MES of Russia, no. 253 of Ministry of Justice of Russia, no. 780 of FSS of Russia, no. 353 of MEDT of Russia, no. 399 of FDSC of Russia «On uniform crime reporting» (along with «Model regulations on common order of reception, registration and verification of reported offenses», «Regulation on unified order of registration of criminal cases and crime reporting», «Instructions on completion and submission of the records»). Rossiyskaya gazeta, 2006, January 25.
12. *Repetskaya A.L.* Kitayskaya organizovannaya prestupnost v Vostochnoy Sibiri: kharakteristika, problem borby. Aktualnye problem borby s prestupnostyu v Sibirskom regione: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (7–8 fevralya 2003 g.). [Chinese organized crime in the Eastern Siberia: characteristics, prevention problems. Actual problems of crime prevention in the Siberian region: publications of the international scientific conference (February 07–08, 2003)]. Chast 1. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institute MVD Rossii, 2003.
13. *Timina T.N.* Sovremenniy podkhod k ponimaniyu etnicheskoy prestupnosti. Ugolovnoe zakonodatelstvo: vchera, segodnya, zavtra (pamyati professora S.F. Kravtsova): materialy ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [Modern approach to ethnic crime concept. Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow (in memory of S.F. Kravtsov): materials of the international scientific conference]. V dvukh chastyakh. Chast I, 19–20 noyabrya 2015 goda. Pod red. S.A. Denisova, L.V. Gotchinoy i A.V. Nikulenko // sost.: A.V. Nikulenko, L.V. Gotchina. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MBV Rossii, 2015, pp. 256–262.
14. Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666 «O strategii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda». [Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012 «On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025»]. SZ RF. 2012, No. 52, St. 7477.
15. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2012 g. № 602 «Ob obespechenii mezhnatsionalnogo soglasiya». [Decree of the President of the Russian Federation No. 602 of May 07, 2012 «About providing international consent»]. SZ RF. 2012, No.19, St. 2339.

16. Federalniy zakon RF ot 30 aprelya 1999 goda № 82-FZ «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii». [Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999 «On guarantees of the rights of indigenous»]. SZ RF. 1999, no. 18, St. 2208.

17. *Shestakov D.A.* Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2011.

18. *Shestakov D.A.* Prestupnost politiki. Razmyshleniya kriminologa. [Criminal character of the politics. Reflections of a criminologist]. SPb.: Izdatelskiy dom «Alef-Press», 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Николаевна Тимина – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: timina0505@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatiana Nikolaevna Timina – PhD in Laws, deputy head of the department of criminal law at St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: timina0505@mail.ru

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

УДК 343.9
ББК 67.51

Р.С. Ефремов

КРИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: МЕДИКОСОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, ПРЕВЕНЦИЯ, КОРРЕКЦИЯ

Аннотация: Целесообразно осуществление комплекса мер, направленных на повышение эффективности противодействия подростковому преступлению. Данные меры условно разделяются на три группы: медицинские, социальные и правовые.

Ключевые слова: преступления несовершеннолетних; противодействие преступности; молодёжь.

R.S. Efremov

CRIMINAL BEHAVIOUR OF THE YOUTH: MEDICAL AND SOCIAL ANALYSIS, PREVENTION, CORRECTION

Summary: It seems appropriate to carry out a range of measures for increasing the effectiveness of counteraction to juvenile crime. These measures can be divided into 3 groups: medical, social and legal.

Key words: juvenile crimes; counteraction to crime; youth.

Ни для кого не секрет, что подростковые преступления являются серьёзной социальной угрозой, а их предупреждение – одной из главных задач, стоящих перед любым обществом. В России противодействие данным преступлениям, к сожалению, на протяжении десятилетий остаётся неудовлетворительным. В советское время статистические данные о преступности выходили в свет под грифом «секретно», в связи с чем были ограничены возможности её изучения и формулирования криминологически обоснованных предложений по противодействию ей.

По данным криминологических исследований в 1980 году в СССР была зарегистрирована 61 000 преступлений подростков, что вызвало тогда тревогу в обществе, так как ситуация оценивалась как критическая. В 2014 году в РФ зарегистрировано уже свыше 300 000 данных преступлений, в 3-4 раза возросла частота совершения преступлений повышенной категории общественной опасности [3]. Для разработки комплекса мероприятий по эффективному противодействию подростковому преступлению необходимо проанализировать особенности психики подростков, а также совокупность причин, лежащих в основе их отклоняющегося поведения.

Период несовершеннолетия совпадает со сроком третьего, основного пубертатного периода созревания – важного этапа формирования синхронии внутренних систем организма: центральной нервной системы, эндокринной и других. Этот период развития человека нередко сопровождается возрастными реакциями протеста, аффективными нарушениями, склонностью к агрессивно-групповым формам поведения [7, с 14]. У подростков на этом этапе манифестирует половая активность, формируются полоролевые предпочтения, которые нормализуются к 20-летнему возрасту.

Не следует забывать и тот факт, что более 90 % подростков в рассматриваемый период развития ещё продолжают оставаться в материальной зависимости от родителей или лиц, их заменяющих. Однако, за чертой бедности в РФ проживает около 16 % населения, а уровень безработицы, приблизительно, с 2009 года и по настоящее время имеет устойчивую тенденцию к росту в виду нестабильности экономики страны в условиях финансово-политических кризисов и потрясений [5]. Тем не менее, телевидение и иные средства массовой информации систематически предлагают населению России завышенные социальные стандарты, в погоне за которыми подростки

нередко становятся на криминальный путь. Социально-правовой анализ показывает, что до 30 % преступлений совершается подростками по корыстным мотивам. К тому же высокая частота эпизодов насилия на телеэкранах, помимо социальной дезориентации подростка, требует физической разрядки организма, что стимулирует агрессивность и поведенческие нарушения [6; 8, с. 162].

В соответствии с официальными статистическими данными, на учёте в правоохранительных органах состоит 717 000 подростков в возрасте до 14 лет и 238 000 – в возрасте 15–17 лет. Кроме этого ещё 10–15 % всех подростков, не состоящих на специальном учёте, нуждается, по мнению специалистов, в постановке на учёт по причине ярко выраженной склонности к поведенческим нарушениям. У 70–80 % школьников регистрируются отклонения в психике. Среди подростков-правонарушителей порядка 20–30 % неспособны усвоить школьную программу. Психическая патология лидирует в качестве причины негодности к военной службе призывников в российские Вооружённые Силы (около 25 % всех диагнозов). Частота выявления лиц, страдающих наркотической зависимостью, в среднем составляет 88,4 на 100 тыс. человек. У подростков с поведенческими расстройствами выявляются: психопатии – 33,9 %, отставание в умственном развитии – 38 %, резидуальная органическая патология центральной нервной системы – 22,3 %, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз – 5,8 %. Психическими расстройствами страдает до 80 % подростков-правонарушителей [10, с. 24–26].

Из лиц, совершивших преступление в подростковом возрасте, половина совершает повторное преступление также в несовершеннолетнем возрасте, а три и более судимости имеют 8,1 % несовершеннолетних. На путь исправления становится только 10 % освободившихся подростков, 70 % – после отбытия наказания возвращаются в исходную криминогенную обстановку, 50 % – испытывают трудности при трудоустройстве, 48,8 % – испытывают ощущение несправедливости жизни [3, с. 59].

Каковы причины возникновения поведенческих расстройств у подростков? Признанные факторы представляются следующим образом: воспитание в неполной семье (без

отца), низкий образовательный, культурный, экономический статус родителей (воспитателей), алкоголизм одного или обоих родителей, их агрессивность в быту, жестокое обращение с детьми. С проблемой воспитания сталкивается большинство родителей «трудных подростков»: 70 % родителей признают, что «не справляются с воспитанием подростка», в том числе 11 % родителей «сталкиваются с большими трудностями в их воспитании». Безразличие к детям испытывает 50 % родителей подростков, совершивших уголовно-наказуемое деяние [6; с. 91].

В конце XX века авторы медицинских исследований в области психиатрии отмечали высокую частоту поведенческих расстройств у несовершеннолетних (синдром двигательной возбудимости-гиперактивности), явившуюся результатом нарушения развития плода у беременной женщины, злоупотребляющей алкоголем и табакокурением. Синдромы дефицита внимания и гиперактивности трансформируются впоследствии в психопатию, которая в высоком проценте случаев проявляется поведенческими расстройствами, агрессией, асоциальным поведением. Психопаты в 15–16 раз более преступны, чем другие категории подростков [4; с. 119].

В 1965 г. душевое потребление алкоголя составило 4,5 литра абсолютного алкоголя в год, в 1980 г. СССР перешагнул 10-литровый барьер, за которым начинается деградация общества. В настоящее время этот показатель составляет 16 литров. Во время «горбачёвской антиалкогольной кампании» душевое потребление алкоголя временно падало до 3 литров в год. Коммерциализация наркологии, берущая начало с середины 1980-х годов, не повлияла на сокращение числа больных хроническим алкоголизмом в стране, частоту и длительность ремиссий процесса, единственным её эффектом является утеkanie денег из семейного бюджета.

К сожалению, наблюдается устойчивое прогрессирование женского алкоголизма. Матери-алкоголички, находясь в абстиненции в силу психического и физического дискомфорта, не могут осуществлять уход за детьми и их воспитание, дети их только раздражают.

Особняком стоит небольшая группа насильственных преступлений подростков, которая по ряду признаков напоминает криминал «врождённых преступников», описан-

ных в трудах Ч. Ломброзо. Эти преступления характеризуются особой жестокостью, безмотивностью, стереотипностью, стойкой рецидивностью при наличии у подростков, их совершающих, некоторых внешних признаков аномальности. В литературе они фигурируют под названиями «анетопаты», «маттоиды» [1, с. 25–27; 9, с. 212–213]. Это малоизученная, немногочисленная группа, исследование которой на современном этапе представляет большой интерес для криминологии.

Так как медицинская патология не устраняется мерами воспитания, ожидаемая криминальная безрецидивность может быть расценена как удовлетворительная при значении её показателя в 30–40 %. Анализ приведённых данных свидетельствует о целесообразности осуществления комплекса мер, направленных на повышение эффективности противодействия подростковым преступлениям. В основном, данные меры должны сводиться к мероприятиям, условно разделяемым на три группы: медицинские, социальные и правовые.

К медицинским мероприятиям можно отнести следующие виды. 1) Уже давно назрела необходимость проведения в отношении «криминально заражённых» подростков одной из форм судебно-психиатрической экспертизы: амбулаторной или, что является более предпочтительным, стационарной. Она позволит качественно оценить психическое состояние подростка при участии подростковых судебного психиатра и психолога. 2) Для правонарушителей-подростков необходима разработка целевых психологических коррекционных программ по сглаживанию ассоциальных установок, учитывающих психо-

физиологические особенности как здоровых подростков-правонарушителей, так и подростков с нарушениями поведения или синдромами психических нарушений. 3) Обеспечение доступности и возможности получения психиатрической помощи амбулаторного и стационарного типа нуждающимся подросткам в местах их изоляции от общества.

К предупредительно-профилактическим мероприятиям социального характера можно отнести следующие. 1) Создание полноценной службы пробации, способной эффективно контролировать постпенитенциарный путь подростка, располагающей возможностью оказания помощи в трудоустройстве нуждающимся подросткам, а при необходимости – нахождение альтернативного жилья (общежития) с целью отдаления освободившегося подростка от бывшей криминогенной микросреды. 2) Создание фонда дополнительных рабочих мест для подростков, освободившихся из мест лишения свободы, с регулярными отчислениями в него части доходов алкогольной и табачной промышленности страны. 3) Восстановление системы лечебно-трудовых профилакториев для мужчин и женщин, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью.

Наконец, в качестве мероприятий правового характера можно предложить: 1) разработку федерального закона, обязывающего работодателей осуществлять систематическое финансовое поощрение непьющих и некурящих сотрудников предприятий и учреждений; 2) с целью профилактики гипоксии разработать закон о всеобщей обязательной производственной гимнастике для лиц с малоподвижными формами трудовой деятельности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2011.
2. Долгова А.И. Личность организованного преступника: криминологическое исследование: Монография. М.: Норма-Инфра-М, 2013.
3. Зарипов З.С. Криминология // Предупреждение наркопреступности на региональном уровне: Материалы международного научно-практического семинара, посвящённого памяти проф. В.И. Гуськова. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. С. 64–70.
4. Королёв В.В. Психические отклонения у подростков-правонарушителей. М.: Медицина, 1992.
5. Лапшин В.Ф. Экономические причины «цветных революций» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 88–92.
6. Лелеков З.А. О предупреждении преступности несовершеннолетних // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 87–95.

7. *Массагутов Р.М.* Социальное доминирование, виктимизация и агрессия заключённых подростков. М.: Социальная и клиническая психиатрия, 2004.
8. *Пишикина Н.И.* Особенности личности несовершеннолетних преступников // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2007. № 1 (12). С. 162–173.
9. *Прозуметов Л.М., Корнилов А.В.* О необходимости изучения общественно опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2009. № 1 (16). С. 209–219.
10. *Риффель А.В.* Современные аспекты социальной медицины и медицинского права: Монография. М.: Перо, 2011.

REFERENCES

1. *Antonyan Y.M.* Osobo opasniy prestupnik. [Dangerous special criminal]. М.: Prospekt, 2011.
2. *Dolgova A.I.* Lischnost organizovannogo prestupnika: kriminologicheskoe issledovanie. [Organized criminal's personality: criminological research]. Monografiya. М.: Norma-Infra-M, 2013.
3. *Zaripov Z.S.* Krimopenologiya. Preduprezhdenie narkoprestupnosti na regionalnom urovne: Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar, posvyashchennogo pamyati prof. V.I. Guskova. [Drug abuse prevention on the regional level: Materials of the international scientific seminar devoted to the memory of V.I. Guskov]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2015, pp. 64–70.
4. *Korolev V.V.* Psikhicheskie otkloneniya u podrostkov-pravonarushiteley. [Juvenile offenders with mental illness]. М.: Meditsina, 1992.
5. *Lapshin V.F.* Ekonomicheskie prichiny «tsvetnykh revolyutsiy». [Economic causes of «color revolutions»]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 3 (34), pp. 88–92.
6. *Lelekov Z.A.* O preduprezhdenii prestupnosti nesovershennoletnikh. [On juvenile crime prevention]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2007, no. 12, pp. 87–95.
7. *Massagutov R.M.* Sotsialnoe dominirovanie, viktimizatsiya i agressiya zaklyuchennykh podrostkov. [Social dominance, victimization and aggression of imprisoned teens]. М.: Sotsialnaya i klinicheskaya psikiatriya, 2004.
8. *Pishikina N.I.* Osobennosti lichnosti nesovershennoletnikh prestupnikov. [Individual peculiarities of juvenile criminal's personality]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2007, no. 1 (12), pp. 162–173.
9. *Prozumentov L.M., Kornilov A.V.* O neobkhodimosti izucheniya obshchestvenno opasnogo povedeniya lits, ne dostigshikh vozrasta ugolovnoy otvetstvennosti. [On necessity to study behaviour of criminals under the age of criminal discretion]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2009, no. 1 (16), pp. 209–219.
10. *Riffel A.V.* Sovremennye aspekty sotsialnoy meditsiny i meditsinskogo prava. [Modern aspects of social medicine and medical law]. Monografiya. М.: Pero, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Станиславович Ефремов – кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (Рязань, Россия); e-mail: efremov35@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Roman Stanislavovich Efremov – PhD in Law, associate professor, first deputy head of the Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russia); e-mail: efremov35@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А.В. Комарницкий

КАРАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ЮВЕНАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ПРОДОЛЖАЕТ ДОМИНИРОВАТЬ

Аннотация: Применяемые к несовершеннолетним наказания должны быть не только неотвратимыми, но и целесообразными. Справедливым для несовершеннолетнего будет такое наказание, которое наиболее полно обеспечит его исправление и предупредит совершение новых преступлений.

Ключевые слова: преступления несовершеннолетних; карательная парадигма; либерализация.

A. V. Komarnitsky

PUNITIVE PARADIGM IN RUSSIAN JUVENILE CRIMINAL POLICY CONTINUES TO DOMINATE

Summary: Punitive measures against the minors must be not only unavoidable, but meaningful. The punishment, which to the fullest extent ensures redemption of the criminal and prevents future crimes, will be considered just for the minor.

Key words: juvenile crimes; punitive paradigm; liberalization.

Лишение свободы как вид уголовного наказания, по мнению Б.З. Маликова, является в России основным карательным и превентивным средством противодействия тяжким и особо тяжким видам преступлений [10, с. 5]. В правовой теории существуют различные понимания термина «лишение свободы» как вида уголовного наказания.

Более ста лет назад И.Я. Фойницкий определил тюремное заключение (аналог современного лишения свободы) как «принудительное помещение человека в наказание за учинённое им преступное деяние в государственное сооружение, ограничивающее свободу передвижения его определённым пространством» [19, с. 285]. По мнению Ф.Р. Сундурова основным элементом лишения свободы является «изоляция осуждённого в исправительно-трудовом учреждении. Оно применяется с целью исключения возможности совершения осуждённым нового преступления и одновременно создания предпосылок для его перевоспитания» [18, с. 24].

Несколько пространнее и иначе по смыслу определяет лишение свободы С.И. Дементьев: «Лишение свободы как вид уголовного наказания – это не только помещение осуждённого в ИТУ на определённый приговором срок, но и лишение свободы обще-

установленным образом пользоваться гражданскими правами для того, чтобы он мог искупить свою вину и с помощью кары, выраженной в установленных законом правоограничениях, добиться его исправления на основе общественно полезного труда и политико-воспитательной работы в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений как осуждёнными, так и иными лицами» [4, с. 18].

А.И. Канунник отмечает, что под сущностью наказания в виде лишения свободы необходимо понимать «определённое специфическое воздействие уполномоченных на то органов на психику осуждённого, осуществляемое способами и в формах, установленных законом, с целью вызвать у него те или иные переживания, как необходимые условия для переоценки имеющихся у него негативных взглядов и установок и, соответственно, изменения его поведения в дальнейшем в сторону, одобряемую общественностью» [6, с. 26].

Самым распространённым видом уголовного наказания в современной России, назначаемым несовершеннолетним, по-прежнему, остаётся лишение свободы на определённый срок.

В Правилах Организации Объединённых Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы», указывается, что «помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимального необходимого срока» (ст. 19 Пекинских правил). Пункт «с» ст. 17 Пекинских правил устанавливает, что «несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьёзного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьёзных правонарушений, а также в отсутствии другой соответствующей меры воздействия» [11].

На это же указывает и Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 от 1 февраля 2011 года «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», рассматривая применение лишения свободы в отношении несовершеннолетних как крайнюю и вынужденную меру. Пленум ВС РФ обращает особое внимание судов на то, что наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения (п. 17). Если несовершеннолетнему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а санкция статьи Особенной части УК РФ, по которой он осуждён, не предусматривает иного вида наказания, подлежит назначению другой, более мягкий вид наказания с учётом положений статьи 88 УК РФ. В этом случае ссылки на статью 64 УК РФ не требуется [14].

В связи с этим российский законодатель ввёл дополнительную дифференциацию, связанную с возрастом несовершеннолетнего осуждённого и тяжестью совершённого им преступления, при назначении данного вида наказания.

В случае осуждения несовершеннолетнего за совершение в возрасте от 14 до 16 лет тяжкого преступления назначаемое ему наказание в виде лишения свободы не может превышать шести лет, а за совершение особо тяжкого преступления – десяти лет, в том числе и по совокупности преступлений и

приговоров. При осуждении несовершеннолетнего за совершение в возрасте от 16 до 18 лет преступления вне зависимости от категории тяжести назначаемое ему наказание в виде лишения свободы не может превышать десяти лет (п. 2 ст. 92 УК РФ).

Из этой общей схемы законодатель сделал ряд исключений, когда наказание в виде лишения свободы не может быть назначено в принципе:

1) несовершеннолетним осуждённым, совершившим преступление небольшой тяжести впервые;

2) несовершеннолетним осуждённым, совершившим в возрасте от 14 до 16 лет преступление средней тяжести впервые (п. 6 ст. 88 УК РФ).

К этим лицам применяются иные формы уголовной ответственности. В случае совершения любого преступления, кроме особо тяжкого, в течение испытательного срока ранее осуждённым к условной мере наказания несовершеннолетним, суд может повторно осудить его к условной мере наказания, установив новый испытательный срок.

На наш взгляд, эта позиция законодателя о возможности применения условного осуждения при повторном совершении тяжких преступлений свидетельствует об отсутствии в УК РФ принципа справедливости закона, так как в ст. 6 УК РФ закреплён только принцип справедливости наказания. Подобное законодательство не может способствовать противодействию организованной, профессиональной и повторной преступной деятельности, которая может зарождаться и совершенствоваться в несовершеннолетнем возрасте. Позволяя осуждать неоднократно к условной мере наказания несовершеннолетних, совершающих тяжкие и средней тяжести преступления, законодатель оставляет их безнаказанными и поощряет в дальнейшей профессиональной преступной деятельности [12, с. 6].

Ограничение общего верхнего предела наказаний, прежде всего, лишения свободы, назначаемых несовершеннолетним, распространяется и на применение многих других институтов Общей части УК РФ, призванных дифференцировать уголовную ответственность. В частности, речь идёт о специальных правилах назначения наказания при совокупности деяний или приговоров, назначении наказания за неоконченное преступление.

Например, предел возможного наказания в виде лишения свободы несовершеннолетних – десять либо шесть лет с учётом установленной законодателем дифференциации сроков лишения свободы в случае назначения данного вида наказания несовершеннолетним.

Такое наказание возможно как при совокупности нескольких любых, в том числе особо тяжких преступлений, так и при совершении одного особо тяжкого преступления, хотя, в первом случае, применим институт совокупности преступлений, что по общему правилу могло бы повлечь более суровую ответственность.

Во избежание трудностей при назначении наказания ввиду того, что нижняя граница санкции за особо тяжкие преступления обычно высокая, частью 6.1 ст. 88 УК РФ предусмотрено правило, согласно которому при назначении несовершеннолетнему осуждённому наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьёй Особенной части УК, сокращается наполовину.

В судебной практике возник вопрос о максимальном размере наказания, подлежащего назначению несовершеннолетнему за покушение на преступление, – три четверти следует отсчитывать от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК РФ за оконченное преступление, или от десяти лет лишения свободы.

С учётом принципов справедливости и гуманизма решение данного вопроса зависит от соотношения максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК РФ и максимальным сроком лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Если первый показатель превышает десять или, соответственно, шесть лет лишения свободы, то суд при назначении наказания за покушение на преступление не может выйти за пределы семи лет и шести месяцев лишения свободы (3/4 от 10 лет) или четырёх лет шести месяцев лишения свободы (3/4 от 6 лет) [7, с. 200–201].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что «при на-

значении наказания в виде лишения свободы необходимо учитывать, что несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления в возрасте до 16 лет, независимо от времени постановления приговора как за отдельное преступление указанной тяжести, так и по их совокупности может быть назначено наказание на срок не свыше шести лет. Этой же категории осуждённых, совершивших особо тяжкие преступления, а также иным несовершеннолетним, достигшим шестнадцатилетнего возраста, максимальный срок лишения свободы за одно или несколько преступлений, в том числе по совокупности приговоров, не может превышать десяти лет» [13].

В юридической литературе давно высказывается мнение о неэффективности кратких сроков лишения свободы, их низкой эффективности в плане перевоспитания и исправления осуждённых. Особенно остро это ощущается, когда речь идёт о несовершеннолетних. Об этом свидетельствует значительный уровень повтора среди лиц, отбывших такое наказание: он намного выше, чем у лиц, освободившихся из исправительных учреждений после отбывания длительных сроков лишения свободы [3, с. 12].

Отрицательный эффект краткосрочного лишения свободы объясняется теми острыми процессами в психической сфере несовершеннолетнего, которые вызывает этот вид наказания. Предлагается решить данную проблему путём кратного снижения максимального и минимального размера санкции статьи Особенной части УК РФ: для лиц в возрасте 14–15 лет – вдвое, 16–17 лет – до трёх четвертей [8, с. 130–131]. Перемещение несовершеннолетнего из одной социальной среды в другую сопровождается резкой ломкой одних динамических стереотипов и созданием других, что может отрицательно сказаться на неокрепшей психике. А потому, «затевать серьёзную психологическую перестройку лишь для того, чтобы через несколько месяцев возвратить несовершеннолетнего в прежнее положение, явно нецелесообразно и даже вредно» [2, с. 93]. Аналогичное мнение высказано З.А. Астемировым: «нецелесообразно в отношении несовершеннолетних применять лишение свободы на срок менее одного года» [1, с. 111].

Учитывая это обстоятельство, Г.В. Дровосековым и М.М. Бабаевым выдвигались в ка-

честве предложения по совершенствованию законодательства следующие положения: если закон предусматривает за совершение преступления наказание в виде лишения свободы сроком до 1 года, то несовершеннолетнему следует назначать наказание, не связанное с лишением свободы; если за совершение преступления закон предусматривает наказание до 2 лет лишения свободы, то к несовершеннолетнему его можно применить только при наличии отягчающих обстоятельств [2, с. 95; 5, с. 9].

Думается, что такие предложения не лишены смысла и сегодня, а при условии их внедрения в практику, они способствовали бы достижению целей ювенальной уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних.

Кроме того, удельный вес повтора у «краткосрочников», ранее уже отбывавших лишение свободы, выше, чем у тех лиц, кто ранее осуждался к наказанию, не связанному с лишением свободы [9, с. 127].

М.А. Скрябин, обосновывая эффективность лишения свободы, как вида наказания, назначаемого несовершеннолетним, указывал, что «режим отбывания наказания в воспитательно-трудовых колониях, активная политико-воспитательная работа, общественно полезный труд, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение способны привести к исправлению и перевоспитанию наиболее педагогически и нравственно запущенных подростков» [17, с. 45].

К сожалению, силовые меры воздействия являются наиболее доступным и простым наказанием в отношении ещё формирующейся, но уже нарушившей уголовный закон личности. Именно этим можно объяснить то, что, применяя различные меры воздействия к несовершеннолетним преступникам, государство отдаёт явное предпочтение лишению его свободы как наиболее соответствующему (по мнению законодателя и общества) виду наказания за тяжкие преступления [15, с. 23].

Лишение свободы сопряжено с возложением на осуждённого определённых правоограничений, существенно изменяющих его правовой статус. Одним из них является изоляция, которая влечёт за собой связанные с ней негативные для личности осуждённого несовершеннолетнего последствия. Они выражаются в ограничении свободы передвижения, выбора места жительства и рода занятий.

Изоляция, строжайшая регламентация и непрерывный контроль за поведением несовершеннолетних в местах лишения свободы, как правило, не приводят к положительным результатам, не способствуют исправлению правонарушителя [3, с. 14]. В этой связи не только обществу, но и государству, провозгласившим интересы личности приоритетными, очень важно дать себе отчёт об эффективности формирования этой личности в условиях изоляции.

Доля несовершеннолетних, осуждённых к лишению свободы, среди всех осуждённых, которым назначено наказание, весьма стабильна и в среднем за последние пять лет составляла 21,0 %.

Лишение свободы продолжает оставаться самым распространённым видом наказания по отношению к несовершеннолетним, что противоречит принципам гуманизма и социальной справедливости. Лишение свободы при выборе уголовного наказания несовершеннолетнему должно носить исключительный характер. Такой подход, осуществляемый на уровне законодательской и правоприменительной деятельности, соответствует общепризнанным международным стандартам [16].

Приоритетность развития правоприменительной практики в отношении несовершеннолетних преступников состоит в реализации комплекса мер воспитательного характера, в том числе и не связанных с уголовным наказанием. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних преступников в современных криминологических реалиях должна состоять не в тотальном условном осуждении последних, а в применении специальных форм и мер реализации уголовной ответственности, не связанных с назначением уголовного наказания [3, с. 12].

Необходимость либерализации уголовно-правовой политики, особенно в отношении несовершеннолетних, очевидна. Как справедливо отметил Д.А. Шестаков, «уклонение России от либерализации уголовно-правовой репрессии не только отрицательно характеризует её моральное состояние, но и, по всей видимости, негативно скажется на развитии преступности. Дальнейшая либерализация уголовной репрессии в перспективе развития общества, думается, неизбежна, несмотря на

сопротивление значительной части населения. В смягчении репрессии осуществляется «очеловечивание человечества» [20, с. 155].

На наш взгляд, главными принципами наказания должны стать индивидуализация, дифференциация и, соответственно, эффективность с точки зрения социальной справедливости и превентивной функции отечественного уголовного законодательства.

Применяемые к несовершеннолетним наказания должны быть не только неотвратимыми, но и целесообразными. Справедливым для несовершеннолетнего будет такое наказание, которое наиболее полно обеспечит его исправление и предупредит совершение новых преступлений.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность и наказания несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса). Учебное пособие. М., 1970.
2. *Бабаев М.М.* Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968.
3. *Волошин В.М.* Некоторые проблемы дифференциации уголовного наказания несовершеннолетних // Российский судья. 2008. № 2.
4. *Дементьев С.И.* Лишение свободы: Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1981.
5. *Дровосеков Г.В.* Основные вопросы применения наказания в виде лишения свободы к несовершеннолетним по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965.
6. *Канунник А.И.* Наказание в виде лишения свободы: Теория и практика исполнения: Монография. Пенза: Изд-во Пенз. ун-та, 2001.
7. *Комарницкий А.В.* Уголовный закон и несовершеннолетние. СПб., 2012.
8. *Крутиков Л.Л., Васильевский А.В.* Дифференциации ответственности в уголовном праве. СПб., 2003.
9. *Курганов С.И.* Уголовно-исполнительное право. М., 2004.
10. *Маликов Б.З.* Лишение свободы в России: Теоретико-правовые проблемы сущности и целей наказания. Саратов: СЮИ МВД России, 2001.
11. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 01.11.2015).
12. *Побегайло Э.Ф.* Нерадостный юбилей // Российская юстиция. 2006. № 6.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2007. – 24 января.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.
15. *Рашинов А.Р., Ефремова Г.Х.* Общественное мнение об эффективности деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 39. М., 1983.
16. *Скрыльников К.А.* Назначение и исполнение уголовных наказаний, соединённых с изоляцией, в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
17. *Скрябин М.А.* Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988.
18. *Сундуров Ф.Р.* Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
19. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании: В связи с тюрьмоведением. М., 2000.
20. *Шестаков Д.А.* Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4.

REFERENCES

1. *Astemirov Z.A.* Ugolovnaya otvetstvennost i nakazaniya nesovershennoletnikh (teoreticheskoe vvedenie v izuchenie spetskursa). [Criminal responsibility and punishment for the minors]. Uchebnoe posobie. M., 1970.
2. *Babaev M.M.* Individualizatsiya nakazaniya nesovershennoletnikh. [Individualization of punishment for the minors]. M., 1968.

3. *Voloshin V.M.* Neokotorye problemy differentsiatsii ugovnogo nakazaniya nesovershennoletnikh. [Some problems of differentiation of criminal punishment for the minors]. Rossiyskiy sudya. 2008, no. 2.
4. *Dementiev S.I.* Lishenie svobody: Ugolovno-pravovye i ispravitelno-trudovye aspekty. [Imprisonment: legal and correctional aspects]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostov. un-ta, 1981.
5. *Drovosekov G.V.* Osnovnye voprosy primeneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody k nesovershennoletnim po sovetскому ugovnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Basic issues of the use of imprisonment for minors under the Soviet criminal law]. Sverdlovsk, 1965.
6. *Kanunnik A.I.* Nakazanie v vide lisheniya svobody: Teoriya i praktika ispolneniya. [Imprisonment: theory and practice of execution]. Monografiya. Penza: Izd-vo Penz. un-ta, 2001.
7. *Komarnitskiy A.V.* Ugolovniy zakon i nesovershennoletnie. [Criminal law and minors]. SPb., 2012.
8. *Krutikov L.L., Vasilievskiy A.V.* Differentsiatsii otvetstvennosti v ugovnom prave. [Differentiation of responsibility in criminal law]. SPb., 2003.
9. *Kurganov S.I.* Ugolovno-ispolnitelnoe pravo. [Penal Law]. M., 2004.
10. *Malikov B.Z.* Lishenie svobody v Rossii: Teoretiko-pravovye problem sushchnosti i tseyey nakazaniya. [Imprisonment in Russia: theoretical and legal problems of the nature and purposes of punishment]. Saratov: SYUI MVD Rossii, 2001.
11. Minimalnye standartnye pravila OON, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh (Pekinskie pravila) (prinyaty 29.11.1985 Rezolyutsiey 40/33 na 96-om plenarnom zasedanii Generalnoy Assamblei OON. [The UN minimum standard rules for the administration of juvenile justice (the Beijing rules) (adopted by the Resolution 40/33 on November 29, 1985 at the 96th Plenary Session of the General Assembly of the UN)]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (date of submission: 01.11.2015).
12. *Pobegaylo E.F.* Neradostniy yubiley. [The sad anniversary]. Rossiyskaya yustitsiya. 2006, no. 6.
13. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 11 yanvarya 2007 g. № 2 «O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugovnogo nakazaniya». [The Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from January 11, 2007 No. 2 «About practice of appointment by courts of the Russian Federation of criminal sanctions»]. Rossiyskaya gazeta. 2007, January 24.
14. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 1 fevralya 2011 g. № 1 «O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatelstva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh». [About court practice of application of the legislation regulating features of criminal liability and punishment of minors]. Rossiyskaya gazeta. 2011, February 11.
15. *Ratinov A.R., Efremova G.K.* Obshchestvennie mnenie ob effektivnosti deyatelnosti pravookhranitelnykh organov. Voprosy borby s prestupnostyu. [Public opinion on law enforcement effectiveness]. Vypusk 39. M., 1983.
16. *Skrylnikov K.A.* Naznachenie i ispolnenie ugovnykh nakazaniy, soedinennykh s izolyatsiey, v otnoshenii nesovershennoletnikh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Infliction and execution of punishment providing isolation for the minors]. Rostov-na-Donu, 2004.
17. *Skryabin M.A.* Obshchie nachala naznacheniya nakazaniya i ikh primeneniye k nesovershennoletnim. [General principles of infliction and execution of punishment for the minors]. Kazan, 1988.
18. *Sundurov F.R.* Lishenie svobody i sotsialno-psikhologicheskie predposylki ego effektivnosti. [Deprivation of liberty. Social and psychological factors of effectiveness]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1980.
19. *Foynitskiy I.Y.* Uchenie o nakazanii: V svyazi s tyurmovedeniem. [The theory of punishment]. M., 2000.
20. *Shestakov D.A.* Rossiyskaya ugovno-pravovaya politika pod uglom zreniya istoricheskoy tendentsii k smygzcheniyu repressii. [The Russian criminal policy from the perspective of the historical tendency to mitigation of repression]. Pravovedenie. 1998, no. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анатолий Васильевич Комарницкий – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: respect200@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anatoly Vasilievich Komarnitskiy – PhD in Law, associate professor, professor of the department of criminal law at Herzen State Pedagogical University, member of the St.-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: respect200@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А.Н. Игнатов

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

Аннотация: Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника следующая. Это мужчина (84,4 %), преимущественно молодёжного возраста (60–65 %), холост (48,2 %), со средним уровнем образования (91,0 %), не работает и не учится (64,0 %), с низким (62,6 %) или средним (37,1 %) уровнем достатка. Почти половина (46,3 %) насильственных преступников имеют судимость за совершение корыстных (30,3 %) и насильственных (17,7 %) преступлений и отбывали наказание в виде лишения свободы (85,2 %).

Ключевые слова: личность преступника; вайолентология; насильственные преступления.

A.I. Ignatov

SOCIAL, DEMOGRAPHIC, CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY

Summary: Social, demographic, criminal and legal characteristics of the criminal's personality are the following: this is a man (84,4 %), predominantly young (60–65%), single (48,2 %), of median level of education (91,0 %), neither works nor studies (64,0 %), with low (62,6 %) or average (37,1 %) income. Almost half (46,3 %) of violent crimes have a criminal record for committing profit-motivated (30,3 %) and violent (17,7 %) crimes and served a sentence in prison (85,2 %).

Key words: criminal's personality; violentology; violent crimes.

Проблема личности преступника является одной из центральных в криминологической науке. Изучением личности насильственного преступника занимались многие отечественные и зарубежные учёные-представители разных областей знаний: Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Н. Ануфриева, Л.М. Балабанова, Д. Бруссель, Н.Т. Ведерников, В.В. Гульданд, А.И. Долгова, А.П. Дьяченко, Дж. Дуглас, М.И. Еникеев, А.А. Зайцев, М.Г. Коршик, В.М. Кудрявцев, И.И. Лановенко, Н.С. Лейкина, И.М. Лузгин, В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский, В.А. Образцов, Э.Ф. Побегайло, С.В. Познышев, Е.Г. Самовичев, О.В. Старков, М.Н. Хлынцов, Д.А. Шестаков и др.

Несмотря на значительное внимание к данной проблеме она, с развитием наук о человеке, вызывает у исследователей всё больше вопросов. Это обуславливается и тем, что человек, совершающий преступное деяние, является тем ключевым узлом, в котором пересекаются объективные и субъективные факторы детерминации преступного поведе-

ния. Эволюция же преступности вызывает необходимость постоянного поиска эффективных мер противодействия ей.

Отправным пунктом в изучении личности, в том числе личности насильственного преступника, есть понимание её как целостного образования, единства всех взаимосвязанных и взаимодействующих свойств и качеств, отображающих связь и взаимодействие личности и социального окружения, в котором личность живёт, воспитывается, проявляет себя [1, с. 11].

В криминологии сложилась традиция рассмотрения личности преступника с позиций системно-структурного анализа. Однако относительно элементов структуры личности преступника единства во взглядах учёных нет. Обобщение существующих подходов позволяет выделить следующие основные составляющие данной структуры: социально-демографический, нравственно-психологический и уголовно-правовой блоки. В силу сложности рассматриваемой проблемы в данной статье мы остановимся лишь на первом и третьем блоках.

В целях исследования личности современного насильственного преступника нами были изучены материалы уголовных дел, рассмотренных судами Украины за 2006–2012 годы, по 860 эпизодам совершения таких насильственных преступлений, как: умышленное убийство – 107 эпизодов / 142 преступника; умышленное убийство, совершённое в состоянии сильного душевного волнения – 48 эпизодов / 48 преступников; умышленное убийство матерью своего новорождённого ребёнка – 26 эпизодов / 26 преступников; умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания преступника – 89 эпизодов / 89 преступников; доведение до самоубийства – 14 эпизодов / 15 преступников; умышленное тяжкое телесное повреждение – 61 эпизод / 64 преступника; умышленное средней тяжести телесное повреждение – 33 эпизода / 32 преступника; умышленное тяжкое телесное повреждение, причинённое в состоянии сильного душевного волнения – 14 эпизодов / 14 преступников; умышленное причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника – 42 эпизода / 42 преступника; умышленное легкое телесное повреждение – 19 эпизодов / 24 преступника; побои и истязание – 4 эпизода / 6 преступников; пытки – 17 эпизодов / 23 преступника; угроза убийством – 7 эпизодов / 7 преступников; незаконное лишение свободы или похищение человека – 34 эпизода / 58 преступников; изнасилование – 81 эпизод / 111 преступников; насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом – 51 эпизод / 82 преступника; грабёж – 72 эпизода / 112 преступников; разбой – 68 эпизодов / 98 преступников; вымогательство – 28 эпизодов / 34 преступника; хулиганство – 45 эпизодов / 66 преступников.

Таким образом, изучены характеристики 1093 преступников, совершивших вышеуказанные насильственные деяния. Полученные в результате анализа материалов уголовных дел данные в целом совпадают с результатами проведённого нами социологического опроса 918 лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы за совершение насильственных преступлений в учреждениях

пенитенциарной системы Крыма, Одесской и Харьковской областях в 2012–2013 годах [2].

1. *Социально-демографические* признаки составляют основу изучения личности преступника и потому должны быть исследованы в первую очередь. Возраст, пол, профессия, образование, семейный и социальный статус и т.п. – все эти характеристики являются первичными показателями, а потому рассматриваются как формально-объективная характеристика индивида. Это так называемый уровень социальной роли персоны [7].

Учитывая то, что насильственные преступления в значительной степени детерминируются социально-демографическими и социально-психологическими процессами [5, с. 87], прежде всего, необходимо рассмотреть такие социально-демографические признаки, как пол, возраст, образование преступника и т.п. Подобный анализ не только даёт нам интегрированное представление о личности преступника, но и раскрывает её функциональную связь с совершённым преступлением [3].

Насильственные преступления совершаются преимущественно лицами *мужского пола* (84,4 %). *Возраст* преступника коррелирует с соматическим и психическим здоровьем преступника, определяет жизненные цели, потребности человека. С взрослением происходят изменения в организме, социальных ролей, привычек, характера, что влияет на формирование мотивации и механизм реализации преступного поведения.

По возрасту каждый двадцатый насильственный преступник – несовершеннолетний (14–15 лет – 1,9 %, 16–17 лет – 3,0 %), преобладающее же большинство – лица молодёжного возраста (от 18–24 лет – 21,6 %, 25–28 лет – 14,1 %, 29–39 лет – 31,8 %). На долю лиц старшей возрастной категории приходится чуть более четверти насильственных преступников (40–49 лет – 16,8 %, 50–59 лет – 7,4 %, лица 60 лет и старше – 3,4 %).

Образование человека является фактором, в значительной степени определяющим его социальный статус, влияющим на формирование интересов, окружения, жизненных установок. Уголовное насилие коррелирует с низким уровнем культуры и интеллектуального развития личности [4, с. 269]. Немалую роль в этом играет именно образовательный уровень индивида, тесно связанный с его

правосознанием и правовой культурой. Образовательный уровень насильственного преступника является средним в 91,0 % случаев (неполное среднее образование – 19,4 %, среднее – 49,8 %, среднее специальное – 22,0 %). Высшее образование у 6,7 % лиц, не имело образования – 2,3 % преступников.

Социальный статус индивида в значительной степени обуславливается образовательным уровнем. Подавляющее большинство исследуемых преступников – лица с низким социальным статусом: не работает / не учится – 65,0 %. Рабочие среди насильственных преступников составляют 18,6 %, пенсионеры – 3,8 %, учащиеся школ и училищ – 3,4 %, студенты – 0,9 %, домохозяйки – 1,4 %, предприниматели – 1,3 %, работники сельского хозяйства – 1,3 %, инвалиды – 1 %, военнослужащие – 0,3.

77,1 % насильственных преступников не задействовано в социально-полезном труде или обучении. Те же преступники, кто занят в *трудовой деятельности*, участвуют преимущественно в малоквалифицированном (14,7 %) или неквалифицированном (2,7 %) труде. Квалифицированная работа характерна лишь для 5,5 % преступников.

Опрос лиц, отбывающих наказание, позволил выявить следующий их социальный статус до осуждения: временно не трудоустроен (19,4 %); не работает, не учится (10,7 %); инвалид (3,9 %); домохозяйка (9,0 %); безпризорный (2,4 %); не работающий пенсионер (4,8 %); работник частного предприятия (26,2 %); работник (служащий) государственного учреждения (4,4 %); работник государственного предприятия (4,8 %); ученик / студент (9,2 %); предприниматель (2,2 %); работник сферы сельского хозяйства (2,8 %).

Низкий социальный статус преступника, обусловленный уровнем образования, незанятостью в труде и обучении, определяет также низкий (62,6 %) и средний (37,1 %) уровни его *материального обеспечения*. Высокий уровень благосостояния характерен лишь для незначительной части преступников (0,3 %). Следует отметить, что вместе с высоким уровнем претензий и проблемами с самооценкой преступника этот фактор играет значительную роль в механизме совершения насильственных преступлений корыстной направленности, чему должное внимание уделяется корыстооведами [6].

Опрос лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение насильственных преступлений, показал более высокий уровень восприятия преступниками своего благосостояния: 7,6 % отметили высокий уровень своего дохода (средств хватает на покупку продуктов питания, вещей, есть возможность делать сбережения); 40,2 % – средний (средств хватает на покупку продуктов питания, вещей, есть возможность делать незначительные сбережения); 36,0 % – низкий (средств хватает только на покупку продуктов питания и самого необходимого); 16,2 % указали на собственную малообеспеченность (не хватает средств на покупку продуктов питания и самого необходимого).

Социальные роли преступника в значительной степени определяются его *семейным статусом*, свидетельствующим об уровне его социальной адаптации [8]. Исследование показало, что преобладающее число преступников собственной семьи не имеют (50,5 %). Состоят в браке, но с семьёй не проживают 13,4 % преступников, 6,5 % – состоят в разводе, 2,7 % – в браке не состоят, но имеют сожителя (сожительницу). Состоят в браке и проживают с семьёй лишь 12,0 %; детей имеют 6,4 % преступников.

Соответственно распределению по *месту проживания преступника* насильственные преступления совершаются жителями как городов (34,3 % – небольшого города, 12,9 % – районного, областного центра, 5,5 % – мегаполиса), так и сельской местности (47,4 %).

Каждый десятый насильственный преступник не имеет собственного жилья, а из тех, кто его имеет, большинство проживали в частном доме (49,1 %) или квартире (33,7 %).

Функциональная связь социально-демографических признаков личности преступника с совершённым насильственным преступлением обусловлена преобладающими особенностями тех или иных признаков. Анализ материалов уголовных дел показал, что именно такие связанные с социально-демографическими характеристиками личности обстоятельства как: трудовая незанятость (15,2 %), недостаточное материальное положение (11,8 %), неудовлетворительные жилищные условия (10,1 %), низкий образовательный уровень (10,0 %), неблагополучие (неустроенность) в семейной жизни (9,5 %), возрастные особенности (6,3 %), существен-

но повлияли на формирование преступной мотивации и механизм совершения преступления.

2. *Уголовно-правовые* признаки личности преступника (состояние в момент совершения преступления, персональный или групповой характер преступного поведения, его направленность, уровень и характер рецидива и т.п.) являются важным критерием в оценке такого свойства личности преступника, как его общественная опасность (характеризуя при этом его определённые нравственно-психологические качества).

Групповой характер преступного поведения. В 14,6 % случаев насильственные преступления совершаются в группе. Количественный состав групп характеризуется следующим образом: 2 лица – 7,5 % случаев, 3 лица – 4,4 %, 4 лица – 2,2 %, 5 и более лиц – 0,5 %. По распределению ролей в группе преобладают исполнители (64,7 %). Однако обращает на себя внимание достаточно высокий процент лиц, являющихся организаторами преступлений (22,5 %). В роли пособников выступали 7,6 %, а в роли подстрекателей – 2,2 % насильственных преступников.

Такое положение дел является характерным для насильственных преступлений. Большинство опрошенных осуждённых насильственных преступников ответили, что всегда были лидерами в своей компании, кругу друзей (22,3 %) или были лидерами иногда, когда могли чем-то заинтересовать окружающих (39,5 %).

Примечательно то, что в 70,0 % случаев группового совершения насильственных преступлений преступники действовали по предварительному сговору. Среди обстоятельств, по которым преступники оказались вместе, преобладают: стремление совершить преступление (55,9 %), совместное употребление алкоголя и/или наркотиков (26,3 %), общение, совместное проведение досуга (11,9 %), выяснение отношений (2,5 %). И лишь в 3,4 % случаев они оказались вместе случайно.

Рецидив. Практически половина (46,3 %) всех насильственных преступников имеют судимость. По количеству судимостей преступники-рецидивисты распределяются следующим образом: имеют одну судимость – 50,5 %, две – 18,4 %, три – 14,2 %, четыре и более – 17,0 %. Следовательно, можно от-

метить значительный процент многократного рецидива.

В результате проведённого нами опроса лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение насильственных преступлений, установлено, что почти каждый четвёртый из них (24,3 %) совершил своё первое преступление в возрасте 14–17 лет, 54,1 % – в возрасте 18–35 лет (18–25 лет – 31,4 %; 26–35 лет – 22,7 %). Относительно характера судимости: в подавляющем большинстве они осуждались за совершение корыстных (30,3 %) и насильственных (17,7 %) преступлений.

В абсолютном большинстве случаев речь идёт о так называемом пенитенциарном рецидиве, поскольку по предыдущей судимости большинство преступников отбывали наказание в виде лишения свободы (85,2 %). При этом большинство преступников (59,3 %) были освобождены в связи с отбыванием наказания, а 40,7 % – условно-досрочно.

На нецелесообразность применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания относительно лиц данной категории указывает и срок, который проходит между освобождением лица и совершением им нового (в данном случае – насильственного) преступления. Более половины всех насильственных преступлений совершается рецидивистами в течение первого года с момента освобождения от отбывания наказания за предыдущее преступление (до 3 месяцев – 20,4 %, 3–6 месяцев – 11,5 %, 6 месяцев–1 год – 25,7 %). От 1 года до 3 лет с момента освобождения от отбывания наказания за предыдущее преступление новое насильственное преступление совершают 23,0 %, от 3 до 5 лет – 13,1 %, а более 5 лет – 11,5 % преступников.

Заслуживает внимания *характеристика преступника* с места его жительства, работы или обучения, а также учреждения исполнения наказания.

По месту жительства насильственные преступники характеризуются следующим образом: положительно – 46,1 %, удовлетворительно – 27,4 %, отрицательно – 18,1 %, нейтрально – 8,5 %. По месту работы или обучения: положительно – 67 %, удовлетворительно – 17,2 %, отрицательно – 6,9 %, нейтрально – 8,9 %. Полученные данные, на наш взгляд, указывают на определённый форма-

лизм работников правоохранительных органов при сборе соответствующей информации, а также равнодушие и «отстранённость» общественности при оценке лиц, совершающих противоправные деяния.

Однако положительные характеристики преобладают и при оценке личности преступника-рецидивиста со стороны руководства учреждения исполнения наказаний. Неисправившимися считается около трети лиц (30,8 %), отбывших наказание, а злостно уклоняются от исправления лишь 0,8 % преступников. Остальные – либо доказали своё исправление (24,2 %), либо встали на путь исправления (44,2 %). Такая оценка также наталкивает на размышления о её формализме и преподнесении в лучшем виде результатов работы учреждений исполнения наказаний и пенитенциарной службы в целом.

Опрошенные нами лица, отбывающие наказание за насильственные преступления (почти половина из которых на момент опроса, не говоря о наказании за предыдущие преступления, отбывала наказание в виде лишения свободы уже свыше трёх лет) на вопрос «Способна ли сегодняшняя тюрьма (учреждение исполнения наказаний) исправить преступника?» лишь в 28,6 % случаев ответили утвердительно. Остальные указали, что неспособна (36,5 %) или же «не всех и не всегда» (34,9 %).

Основными ответами на вопрос «Если тюрьма не может исправить преступника, то почему?» стали: тюрьма ещё больше портит человека морально (41,7 %); тюрьма сама является средой беззакония, в тюрьме главное – выжить (22,5 %); из-за коррупции в тюрьме торжествует вседозволенность, никакого исправительного и воспитательного влияния она не несёт (22,3 %); насилие в тюрьме порождает ещё большую жестокость и насилие (14,4 %); в тюрьме преступник лишь повышает свой «профессиональный уровень», приобретает новые преступные навыки (12,2 %).

Что касается *поведения насильственных преступников после совершения преступления*, то следует отметить, что в большинстве случаев имеет место раскаяние в содеянном (39,5 %), ощущение стыда (11,2 %) и явка с повинной (16,6 %). Однако при этом лишь каждый десятый преступник пытался принять меры относительно устранения причинённого им вреда. Как минимум треть

преступников безразлично относится к совершённом, принимает меры к избеганию ответственности или стараются продолжить преступную деятельность.

Почти каждый седьмой преступник (15,8 %) *не признаёт своей вины* в совершении насильственного преступления. По результатам опроса осуждённых, во время отбывания наказания в местах лишения свободы 57,4 % из них признают свою вину полностью, 33,2 % – частично, а 9,45 % – не признают вообще. При этом 63,8 % опрошенных считают наказание за совершённое ими преступление случайностью, и лишь каждый третий – закономерностью. Соответственно лишь 62,2 % осуждённых считают его справедливым. Отметим, что такое отношение к назначенному наказанию в виде лишения свободы, с учётом мнения данного контингента касемо исправительного влияния наказания, ставит под сомнение положительные результаты его отбывания относительно данной категории лиц.

Таким образом, проведённое нами исследование позволило выявить следующие особенности социально-демографической и уголовно-правовой характеристик личности современного насильственного преступника. Это мужчина (84,4 %), преимущественно молодёжного возраста (60–65 %), холост (48,2 %), со средним уровнем образования (91,0 %), не работает и не учится (64,0 %), с низким (62,6 %) или средним (37,1 %) уровнем достатка.

Наряду с сохранением традиционно «молодёжного» характера насильственных преступлений можно отметить негативную тенденцию, заключающуюся в формировании у всё большей доли зрелого, с достаточным образовательным уровнем и жизненным опытом населения мотивации на решение жизненных, внутриличностных, межличностных или материальных проблем насильственным путём.

Почти половина (46,3 %) насильственных преступников имеют судимость за совершение корыстных (30,3 %) и насильственных (17,7 %) преступлений и отбывали наказание в виде лишения свободы (85,2 %). Каждый четвёртый преступник совершает своё первое преступление в возрасте 14–17 лет, а ещё половина – в возрасте 18–35 лет. 52,4 % преступлений совершаются рецидивистами в течение года с момента отбытия наказания

за предыдущее преступление. В 14,6 % случаев преступления совершаются в немногочисленной группе по предварительномуговору (70,0 %), причём характерен достаточно высокий процент лиц, являющихся органи-

заторами преступлений (22,5 %). Назначенное наказание за совершённое преступление большинство насильственных преступников считают случайностью, а также несправедливым.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996.
2. *Игнатов А.Н.* Противодействие общеуголовной насильственной преступности на Украине. Харьков, 2013. 650 с.
3. *Коган В.М.* Значение социально-демографических факторов для изучения причин преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. Выпуск 22. С. 88–94.
4. Криминология. Учебник под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999.
5. Криминология. Учебник под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995.
6. *Миненок М.Г., Миненок Д.М.* Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
7. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теория личности. СПб.: Питер, 2003.
8. *Шестаков Д.А.* Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 91–100.

REFERENCES

1. *Antonyan Y.M., Enikeev M.I., Eminov V.E.* Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy. [Criminal psychology and crime investigation]. M., 1996.
2. *Ignatov A.N.* Protivodeystvie obshcheugolovnoy nasilstvennoy prestupnosti na Ukraine. [Counteraction to conventional violent crime in Ukraine]. Kharkov, 2013, pp. 650.
3. *Kogan V.M.* Znachenie sotsialno-demograficheskikh faktorov dlya izucheniya prichin prestupnosti. Voprosy borby s prestupnostyu. [Significance of social and demographic factors for studying the causes of crime]. M.: Yurid.lit., 1975. Vypusk 22, pp. 88–94.
4. Kriminologiya. [Criminology]. Uchebnik pod red. V.N. Burlakova, V.P. Salnikova, S.V. Stepashina. SPb.: Sankt-Petersburgskiy un-t MVD Rossii, 1999.
5. Kriminologiya. [Criminology]. Uchebnik pod red. V.N. Kudryavtseva, V.E. Eminova. M.: Yurist, 1995.
6. *Minenok M.G., Minenok D.M.* Koryst. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy. [Criminological and legal problems]. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2001.
7. *Hjelle L., Ziegler D.* Teoriya lichnosti. [Personality theories]. SPb.: Piter, 2003.
8. *Shestakov D.A.* Konfliktnaya semeynaya situatsiya kak kriminogeniiy faktor. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. [Conflict family situation as a criminogenic factor. An abstract of the PhD thesis]. *Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad – Russian criminological outlook*. 2011, no. 2, pp. 91–100.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Николаевич Игнатов – доктор юридических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (Симферополь, Россия); e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Aleksandr Nikolaevich Ignatov – doctor of Laws, senior research worker, professor of the department of criminal law and criminology of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Simferopol, Russia); e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

3. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

АНДО ЛЕПСУ – 80 ЛЕТ!

Андо Лепс родился 6 ноября 1935 года в эстонском провинциальном городе Раквере в семье присяжного адвоката и политика, члена IV и V созывов (1929–1937 годы) Парламента Эстонской Республики Аугуста Юлиуса Лепса (02.01.1896, волость Адавере Вильяндиского уезда – 26.02.1972, Стокгольм) и преподавателя музыки и иностранных языков Юлие Лепс (05.03.1893, волость Имавере Вильяндиского уезда – 05.03.1985, Раквере).

Андо Лепс – доктор юридических наук, профессор, известный эстонский правовед и политик, член VIII и IX созывов (1995–2003 годы) Парламента Эстонской Республики. За совершенствование республиканского законодательства в 2004 году Президент Эстонской Республики Арнольд Рюйтель наградил его орденом Звезды 5-й степени. Решением Таллинского городского управления от 07.10.2015 г. А. Лепс награждён медалью Ратуши, а также ему присвоен титул почётного гражданина города Таллина.

Сегодня он является членом административного совета Нымменского района города Таллинна и активно участвует в научной и преподавательской работе.

Андо Лепс в 1960 году закончил юридический факультет Тартуского государственного университета. В 1982 г. в Академии МВД СССР (г. Москва) он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Имитационное моделирование социальной обусловленности преступности в крупном регионе» (научный руководитель д.ю.н., профессор Инга Борисовна Михайловская), в 1992 г. в Тартуском университете – докторскую диссертацию-монографию на тему: «Преступность в Эстонии». Повышал свои юридические знания

в 1994–1995 годах в Эрфурде, Виллинген-Шхвеннингене, Фрайбурге (Германия), в Оньяти (Испания) и Кембридже (Великобритания).

В 1960–1995 годах работал на разных должностях в системе МВД ЭССР и Эстонской Республики (следователь, старший следователь, следователь по особо важным делам, штабной офицер и главный специалист департамента полиции).

А. Лепс активно участвовал в движении за обретение Эстонией не-

зависимости. Был активным участником Народного фронта: членом его I созыва и Консультативного совета.

Он участник многих международных семинаров, конференций и конгрессов. Член и заместитель председателя (1991–1994) Эстонского академического общества правоведов, член Государственной комиссии репрессивной политики оккупации, Совета европейского криминологического общества, Римского клуба Эстонии, член-учредитель Балтийских криминологических семинаров.

Андо Лепс – автор многих трудов, посвящённых проблемам криминологии, права и политики, среди них: «Влияние социально-демографических процессов на преступность (к проблеме разработки показателей)» (Таллин, 1981); «Преступность в Эстонии» (Тарту, 1991); «Криминология в Эстонии: исследования и преподавание в исторической перспективе» (Таллин, 1993); «Когда Эстонией правили юристы» (Таллин, 2009).

Уважаемый Андо! Примите наши искренние поздравления с Вашим юбилеем! Крепкого Вам здоровья, благополучия и многих научных лет!

Совет Клуба.

ОЛЕГУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛУКИЧЁВУ – 75 ЛЕТ!

Олег Васильевич Лукичѐв родился в 1940 году в городе Кронштадте. Наш юбиляр – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик Национальной академии ювенологии, член Российской криминологической ассоциации, Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

С 1957 по август 1986 года он проходил службу в ОВД на различных должностях оперативно-начальствующего состава. Прошёл путь от курсанта школы милиции до начальника Ленинского районного управления внутренних дел г. Ленинграда. В 1965 году окончил Высшую школу МООП РСФСР (г. Москва).

С августа 1986 по февраль 1990 года работал в должности методиста кабинета руководящих кадров Ленинградского института усовершенствования учителей (ныне Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства). С февраля 1990 по октябрь 1994 г. на государственной службе в исполкоме Ленсовета и мэрии г. Санкт-Петербурга. С 1994 г. на преподавательской работе в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России. В 1997 году под руководством д.ю.н., профессора Б.В. Волженкина защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства». С 2001 по 1 марта 2014 года работал профессором кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Сферу научных интересов О.В. Лукичѐва составляют: семейная криминология; пробле-

мы противодействия преступлениям несовершеннолетних; охрана жизни и здоровья матери и ребёнка; проблемы ювенольной политики и ювенологии.

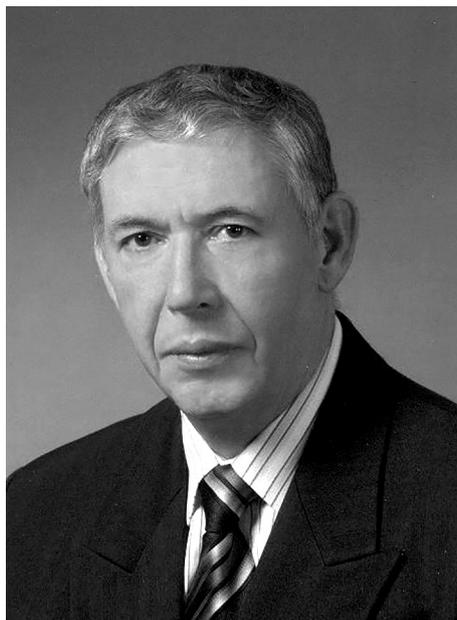
Всего О.В. Лукичѐвым опубликовано более 100 научных работ. Наиболее значимыми являются: «Криминология: Учебник для юридических вузов». СПб., 1998, 1999 (в соавторстве); «Криминология: Словарь». СПб., 1999 (в соавторстве); «Детоубийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика». Монография. СПб., 2000; «Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования». Монография. СПб., 2001, 2002 (в соавторстве) и другие.

Олег Васильевич принимал участие в исследовательском проекте «Формирование и реализация единой ювенольной политики в рамках программы социально-экономического развития г. Санкт-Петербурга на 2002–2004 годы». При его участии впервые в мировой практике (в авторском коллективе) разработана модель ювенольного потенциала (как части человеческого потенциала) для анализа и последующего прогнозирования качества трудовых ресурсов региона с учётом ориентиров развития экономики.

Он награждѐн орденом «Знак Почѐта» и 14 медалями, знаком «Отличник советской милиции». Указом Президента России № 1839 от 24.12.2008 года О.В. Лукичѐву присвоено почѐтное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Уважаемый Олег Васильевич! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Желаем Вам творческого вдохновения и нескончаемых сил!

Совет Клуба.

ВЛАДИМИРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПАВЛОВУ – 70 ЛЕТ!

Владимир Григорьевич Павлов родился 5 сентября 1945 года в г. Рыбинске Ярославской области в семье рабочих. Владимир Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, профессор кафедры уголовного права и процесса Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, видный российский учёный.

После окончания в 1964 году средней школы-интерната № 2 г. Рыбинска проходил службу в Вооружённых Силах СССР. В дальнейшем работал на приборостроительном заводе слесарем-сборщиком в г. Рыбинске, затем – на знаменитом Кировском заводе в Ленинграде.

В 1975 году закончил старейший и ведущий ВУЗ страны – Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова (юридический факультет). Владимир Григорьевич учился у всемирно известных учёных-правоведов: Н.А. Беляева, О.С. Иоффе, Н.С. Лейкиной, В.З. Лукашевича, В.В. Орехова, А.С. Пашкова, В.С. Прохорова, С.И. Русиновой, Ю.К. Толстого, И.Г. Филановского, М.Д. Шаргородского.

В дальнейшем В.Г. Павлов более 9 лет проходил службу в органах внутренних дел в г. Ленинграде и Ленинградской области. Работал следователем Кировского РУВД, за-

местителем начальника отделения милиции, инспектором управления охраны общественного порядка ГУВД Леноблгорисполкомов и в других подразделениях органов внутренних дел.

В 1984 году В.Г. Павлов переходит на преподавательскую работу в высшие учебные заведения МВД СССР. Под руководством профессора Н.С. Лейкиной им была подготовлена, а в 1986 году успешно защищена в родном Ленинградском государственном университете кандидатская диссертация, посвящённая криминологическим и уголовно-правовым проблемам борьбы с социальным паразитизмом.

Осуществляя на высоком профессиональном уровне научно-педагогическую деятельность, В.Г. Павлов успешно прошёл ступени от преподавателя до профессора Санкт-Петербургского университета МВД России. За высокий профессионализм и мужество, проявленные им на воинской службе и службе в органах внутренних дел, он награждён государственными наградами: в 1965 году – юбилейной медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1980 году – медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», а также ведомственными медалями МВД СССР «За безупречную службу» III, II и I степеней. Об-

ший стаж его работы в органах внутренних дел составляет 29 лет, специальное звание – «полковник милиции».

С 1998 года В.Г. Павлов избирается заведующим кафедрой уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской юридической академии. После успешной защиты в 2000 году докторской диссертации на тему: «Субъект преступления: история, теория и практика» с 2002 по 2007 год являлся заместителем декана юридического факультета по научной работе и одновременно заведовал кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, где и работает по настоящее время.

В.Г. Павлов является автором 200 научных и учебно-методических трудов по уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву. Соавтор более 12 учебников по уголовному праву и криминологии, включая двухтомный энциклопедический учебник уголовного права (2011 г.). Им написано 6 монографий.

Самой высокой оценки заслуживают его достижения в следующих областях научных исследований: субъект преступления в теории и практике отечественного, а также зарубежного уголовного права, теоретические и прикладные проблемы уголовной ответственности, личность преступника, «фоновые» негативные социальные явления, проблемы предупреждения отдельных видов преступлений.

К одной из наиболее важных его работ следует отнести «Избранные труды» (СПб., 2014), представляющие научный интерес для теоретиков и практиков в области уголовного

права и криминологии. В сборник избранных трудов включены извлечения (фрагменты) из четырёх наиболее значимых для уголовно-правовой теории и практики монографий автора: «Субъект преступления и уголовная ответственность» (СПб., 2000); «Субъект преступления» (СПб., 2001); «Уголовная ответственность за хулиганство и вандализм» (СПб., 2011); «Квалификация преступлений со специальным субъектом» (СПб., 2011).

Логическим продолжением этих трудов стала монография «Учение о субъекте преступления» (М., 2015), вышедшая в свет накануне 70-летия В.Г. Павлова.

Многолетняя интенсивная научная, практическая и педагогическая деятельность позволили В.Г. Павлову не только изучить и обобщить ранее высказанные концептуальные положения учёных о лице, совершившем преступление, но и развить, а также воссоздать целостное учение о субъекте преступления с учётом современных реалий.

В.Г. Павлов принимает активное участие в подготовке молодых учёных-юристов. Как и всякому человеку, ему не чужды различные увлечения. Он занимается спортом, музыкой, интересуется поэзией. В журнале «Невский альманах» в 2014 году опубликован его сборник стихов «Настроения» (СПб., 2014), в стихотворных строчках которого можно найти отношение автора к жизни, природе, любви, музыке, спорту и другим социальным ценностям.

Желаем Вам, уважаемый Владимир Григорьевич, крепкого здоровья и дальнейших успехов в Вашей многогранной научно-педагогической и общественной деятельности!

Совет Клуба.

ВАЛЕНТИНУ СТАНИСЛАВОВИЧУ ХАРЛАМОВУ – 60 ЛЕТ!

Валентин Станиславович Харламов родился 21 октября 1955 года в Ленинграде. Его родители – Станислав Григорьевич и Эльза Григорьевна Харламовы.

В.С. Харламов – кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке, почётный профессор Санкт-Петербургского международного клуба.

В 1989 году Валентин Станиславович окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. С февраля 2003 по ноябрь 2015 года проходил службу на должности ведущего научного сотрудника в филиале ВНИИ МВД России по Северо-Западному федеральному округу.

Из 36 лет службы В.С. Харламова 23 года пришлось на службу в практических подразделениях органов внутренних дел: в уголовном розыске, управлении по борьбе с организованной преступностью, штабе ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, он возглавлял подразделения криминальной милиции и милиции общественной безопасности.

За время службы в системе МВД Валентин Станиславович поощрён статс-секретарем – заместителем министра внутренних дел Российской Федерации, награждён ведомственными медалями, в том числе «За безупречную службу», «За отличную службу в МВД», и нагрудными знаками: «Отличник милиции», «За верность присяге», «За верность долгу».

За большой вклад в обеспечение правопорядка и безопасности граждан Санкт-Пе-

тербурга, образцовое выполнение служебных обязанностей удостоен грамотой Губернатора Санкт-Петербурга.

Большой практический опыт и глубокие теоретические знания В.С. Харламова нашли эффективное применение в научной деятельности. В 2002 году под научным руководством д.ю.н., профессора Д.А. Шестакова в Санкт-Петербургском университете МВД России он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям участковыми уполномоченными милиции».

В настоящее время Валентин Станиславович занимается исследованием острых проблем криминофамилистики, разработкой актуальных вопросов противодействия преступности на региональном уровне, криминальным проявлениям в молодёжной среде, превенцией миграционных правонарушений. Его монографии «Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям милицейскими подразделениями» (2007), «Преступные посягательства на Северо-Западе России» (2010), «Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье» (2014) пользуются заслуженным интересом среди специалистов.

Примите наши искренние поздравления, дорогой Валентин Станиславович, с юбилеем! Мы желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших творческих и иных успехов!

Совет Клуба.

4. НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ МАКСУТА СУЛТАНОВИЧА НАРИКБАЕВА

12 октября 2015 года на 76-м году ушёл из жизни Максут Султанович Нарикбаев – доктор юридических наук, профессор, президент Казахского гуманитарно-юридического университета, государственный советник юстиции 2-го класса, судья Высшего квалификационного класса.

Максут Султанович родился 30 марта 1940 года в с. Еркин Талды-Курганского р-на Талды-Курганской области. В 1958 году закончил среднюю школу села Жетысу того же района. В 1958–1959 годах – курсант технического училища № 8 (Днепродзержинск, Украинская ССР). В 1963–1966 годах служил в рядах Советской Армии.

Трудовую деятельность начал, работая такелажником на строительстве Карметкомбината в г. Темиртау (1959). В 1960–1973 гг. работал на разных должностях в культурно-просветительских учреждениях и СМИ Талды-Курганской обл. В 1973–1974 гг. – стажёр следователя, старший следователь прокуратуры г. Талды-Кургана, член Талды-Курганской областной коллегии адвокатов, заведующий юридической консультацией.

В 1974 году Максут Султанович окончил КазГУ им. С.М. Кирова (ныне – КазНУ им. аль-Фараби) по специальности «правоведе-

ние», квалификация – юрист. В 1981–1987 гг. – народный судья Каратальского района Талды-Курганской области, в 1987–1991 гг. работал в аппаратах Прокуратуры и Министерства юстиции Республики Казахстан (РК). В 1992–1995 гг. – заведующий сектором государственно-правового отдела, заведующий отделом правоохранительных органов Аппарата Президента и Кабинета Министров РК, заместитель Генерального прокурора РК, Первый заместитель Председателя Верховного Суда РК.

С октября 1995 г. по июнь 1996 г. – Генеральный Прокурор РК, с июня 1996 г. по сент. 2000 г. – Председатель Верховного Суда РК. С 28 июля 2000 г. возглавлял коллектив Казахского Гуманитарно-юридического университета будучи на должностях президента, председателя Совета директоров, ректора.

Под руководством научного консультанта д.ю.н., профессора У.С. Жекебаева М.С. Нарикбаев в 2007 году в Академии МВД РФ защитил докторскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая охрана детства в Республике Казахстан». Официальные оппоненты: д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ Г.М. Миньковский, д.ю.н., профессор М.М. Бабаев, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ Д.А. Шестаков.

Являясь известным общественным и политическим деятелем, принимал участие в правовом становлении и укреплении государственности Казахстана. Работал в составе Постоянно действующей рабочей группы по совершенствованию законодательства о правоохранительной деятельности при Администрации Президента РК (2003), Постоянно действующего совещания по выработке предложений по дальнейшей демократизации и развитию гражданского общества (2003), Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества при Президенте РК (2004–2005), Комиссии по вопросам дальнейшего совершенствования судебной системы Республики Казахстан (2005), Государственной комиссии по дальнейшей разработке и конкретизации программы политических реформ в РК, руководителем рабочей группы по совершенствованию работы системы правосудия и правоохранительных органов (2006–2007).

В 2001 г. Максут Султанович создал общественное объединение «Республиканское гражданское движение «За правовой Казахстан»», а в апреле 2004 г. на учредительном съезде Демократической партии Казахстана (ДПК) был избран её председателем.

М.С. Нарикбаев принимал активное участие в становлении учёных. Под его научным руководством защищены семь кандидатских диссертаций, он являлся научным консультантом по шести докторским диссертациям: Н.О. Дулатбекова, С.М. Жалыбина, К.Ж. Карбузова, Г.К. Утибаева, Г.С. Мауленова, А.Ш. Ещанова.

Максут Султанович – автор более 150 научных, научно-популярных статей, а также многих книг. Наиболее известные среди них: «Подросток и закон» (Алма-Ата, 1981); «Правовая охрана детства» (Алма-Ата, 1984); «Уголовно-правовые и криминалистические проблемы борьбы с корыстно-насильственными преступлениями несовершеннолетних» (Талдыкорган, 1995); «Дорога к правосудию» (Алматы, 1997); «Уголовное право Республики Казахстан». Учебное пособие (1999, в соавт.); «Прокурорский надзор в Республике Казахстан» (Алматы, 2002, в соавт.); «Трудные ступени счастья» (Алматы, 2006); «20 лет независимости: опираясь на успехи, двигаться вперёд» (2012).

Вечная Вам память, дорогой Максут Султанович.

Совет Клуба.

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. В начале 2015 года подана заявка на включение журнала в крупнейшую в мире единую реферативную базу данных Scopus.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ:

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук – 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук – до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук – до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поле – по 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14, сносок – 12; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц – внизу, посередине, на каждой странице.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией, ключевыми словами (объём до 700 знаков с пробелами), пристатейным списком литературы, сведениями об авторе на русском и английском языках. Аннотация не должна содержать в себе вводных уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материала статьи.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ:

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя главного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) – до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) – до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) – до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) – до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ:

1. В течение 3 (трёх) дней с момента получения статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется соответствующее уведомление.

2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

3. Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Статьи проходят двустороннее анонимное («слепое») рецензирование.

5. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- соответствие содержания статьи заявленной в названии теме;
- соответствие современным достижениям науки;
- что нового предлагается автором, научная новизна;
- доступность читателям с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- знание автором статьи научной литературы по обсуждаемому кругу проблем, в том числе международный опыт.

6. Рецензия должна содержать конкретные выводы:

- целесообразность публикации с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- в чём конкретно заключаются недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- заключение о возможности опубликования: «рекомендуется», «рекомендуется с учётом исправления отмеченных недостатков» или «не рекомендуется».

7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

8. Решение о публикации по итогам рецензирования принимается в течение 3 (трёх) месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

9. Рецензии на поступившие материалы отправляются авторам по электронной почте.

10. В случае отклонения статьи от публикации редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ.

11. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

12. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией.

13. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редколлегия информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакционной коллегии и редакции журнала в течение 5 лет.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ:

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, аннотации и ключевых слов:

В.В. Лунеев

О КРИМИНОЛОГО- АНАЛИТИЧЕСКОМ И СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОТВОРЧЕСТВУ

Аннотация: Исследователем реальных тенденций и закономерностей преступности, системным и независимым разработчиком новых законопроектов по противодействию преступности должен стать специальный информационно обеспеченный центр, действующий на основе принципов самостоятельности, непрерывности и системности.

Ключевые слова: закономерности преступности; статистика; законотворчество; прогнозирование.

V.V. Luneev

ON CRIMINOLOGICAL, ANALYTIC AND SYSTEMIC APPROACHES TO LAWMAKING

Summary: A special information-provided centre relying upon the principles of independence, continuity, consistency must be the researcher of the actual tendencies and crime patterns, system and independent drafter of new crime preventions bills.

Key words: crime pattern; statistics; lawmaking; forecast.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе в конце публикации:

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 2004.
2. *Горайнов К.К., Овчинский В.С., Кондратюк Л.В.* Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Научный доклад. М., 2001.
3. РАН, реформа, воровство, коррупция // Московский комсомолец. – 2013. – 1 июля.
4. Тезисы выступления П.В. Крашенинникова на Парламентских слушаниях «Актуальные вопросы уголовного законодательства». URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (дата обращения: 01.02.2014).

REFERENCES

1. *Beccaria C.* On prestupleniyakh i nakazaniyakh. [On crimes and punishments]. Moscow, 2004.
2. *Goryaynov K.K., Ovchinskiy V.S., Kondratyuk L.V.* Uluchshenie vzaimootnosheniy grazhdan i

militsii. [Improvement of relations between citizens and militia. Scientific report]. Moscow, 2001.

3. Rossiyskaya akademiya nauk, reforma, vorovstvo, korruptsiya. [Russian Academy of Sciences, reform, theft, corruption]. *Moskovskiy Komsomolets – Moscow Komsomolets*, 2013, July 01.

4. Tezisy vystupleniya P.V. Krashenninnikova na Parlamentskikh slushaniyakh «Aktualnye voprosy ugolovno zakonodatelstva». [Speaking notes of the lecture by P.V. Krashenninnikov at the Parliament hearings «Relevant issues of the criminal law»]. Available at: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (date of submission: 01.02.2014.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Васильевич Лунеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: luneevvv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor Vasilievich Luneev – honoured scientist of the Russian Federation, doctor of Laws, professor, laureate of the State Prize of the Russian Federation, chief research scientist of the department of criminal law and criminology at Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Примеры оформления материалов пристатейного списка литературы

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 60–63.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 464 с.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 60 с.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ...докт. юрид. наук. Л., 1986. 46 с.

Интернет-документы:

Талькова Т. Убийство // Сайт памяти Игоря Талькова. URL: <http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир // Сайт «Crimpravo.ru». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Книга без ответственного редактора:

Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001. 200 с.

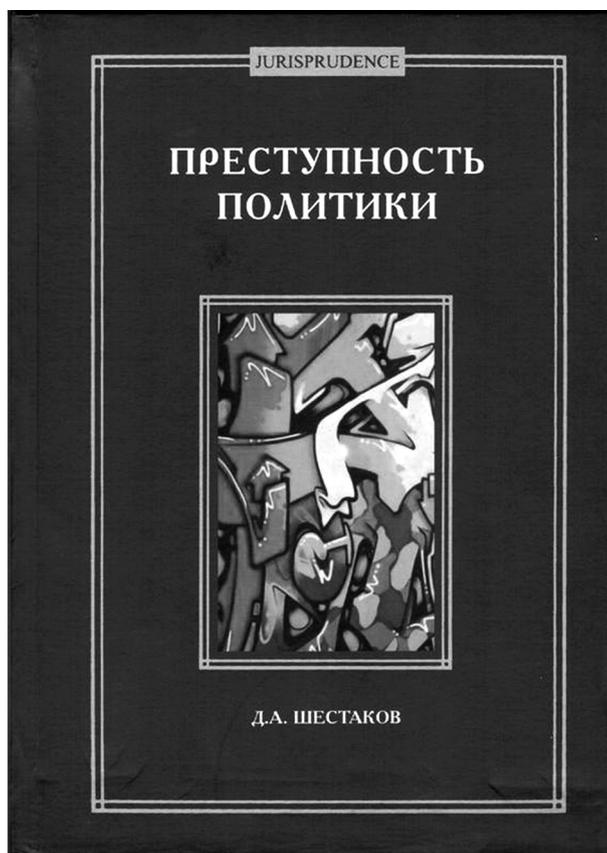
Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. – 2012. – 10 октября.

**Д.А. Шестаков. ПРЕСТУПНОСТЬ ПОЛИТИКИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИМИНОЛОГА).**
Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. 224 с.

В книге Дмитрия Анатольевича Шестакова с позиций новейшей криминологии дано понятие преступной политики и проанализированы недавние её проявления в мире. В их числе – события в Южной Осетии в августе 2008 года, агрессия против суверенной Ливии, вмешательство в выборы государственной власти суверенных государств. Дана оценка планетарно олигархическому кругу преступности и предложены правовые рычаги для противодействия ему. Значительная часть книги посвящена состоявшемуся у криминологической общественности разногласному обсуждению политкриминологических воззрений автора.

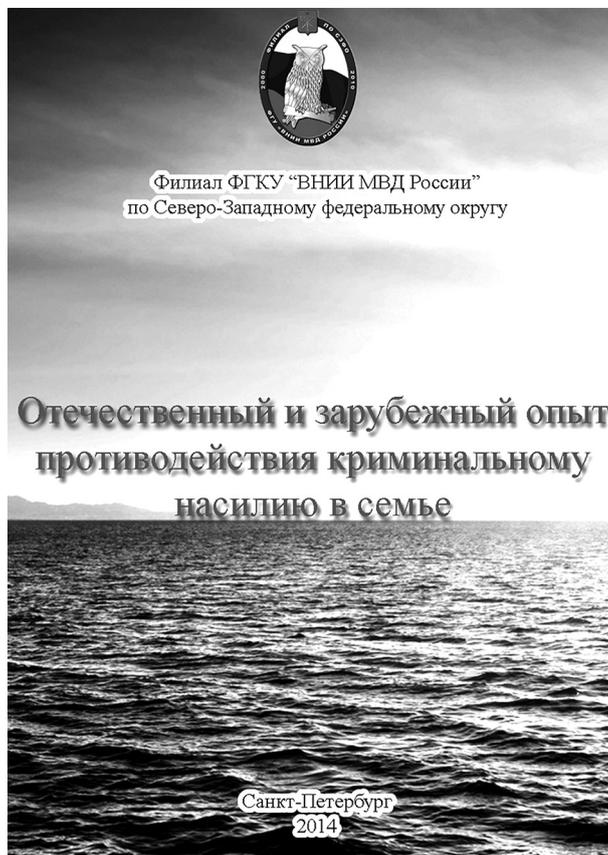
В приложении представлены: ключевые понятия политической криминологии и предложения по развитию уголовно-правовых норм (международных и внутренних).

Книга обращена правоведам, криминологам, политологам, социологам, а также всем, кто озабочен политикой и преступностью, преступной политикой.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**В.С. Харламов. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ
В СЕМЬЕ.**

Монография. СПб., 2014. 398 с.

Монография вышла в свет в Международный год семьи (2014).

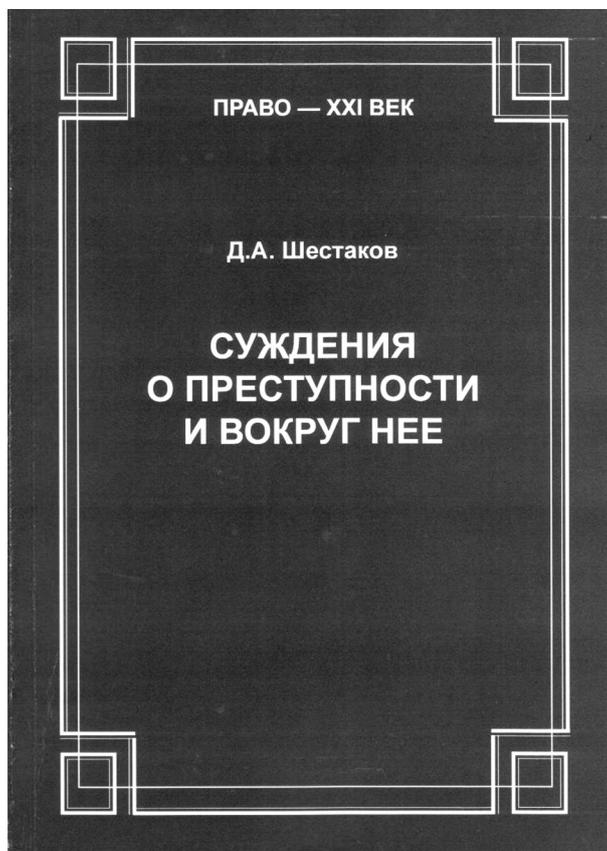
Рассмотрены историко-правовые аспекты криминального насилия в семье в России и зарубежных странах. Представлены сравнительный анализ состояния, структуры и динамики внутрисемейных насильственных преступлений в различных регионах России, демографическая характеристика жертв насильственных преступлений в семье и лиц, их совершивших.

Существенное место в книге занимают концептуальные основы противодействия преступному семейному насилию. Отражена специфика международно-правовой защиты от криминального насилия в семье. Подробно рассмотрена роль органов правопорядка в противодействии данным преступлениям.

Издание адресовано работникам органов внутренних дел, учёным, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами противодействия насильственным преступлениям в семье.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

Д.А. Шестаков. СУЖДЕНИЯ О ПРЕСТУПНОСТИ И ВОКРУГ НЕЁ.
Монография. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 84 с.

Небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию книга президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба содержит избранные из его теоретических положений по общей, частной, а также отраслевой криминологии. Отличается остротой постановки вопросов и новаторством. Полезна для всех, интересующихся проблемами преступности. Особую ценность она представляет для преподавателей криминологии.

Служит подспорьем для желающих ознакомиться с основами школы преступных подсистем, выступить в клубе, обнародовать статью в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

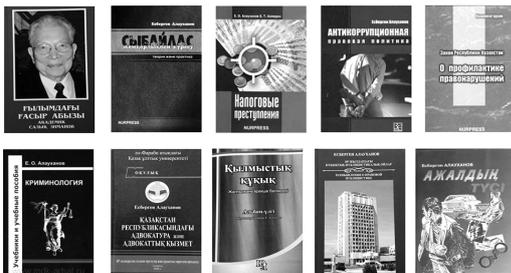
По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

Вышел в свет 33-й номер (№ 6 (33) 2015)
международного научно-практического журнала
«НАУКА И ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА».

В ведущих учебных заведениях России представлены научные издания - учебники, монографии, вышедшие в Казахстане под редакцией «Заслуженного деятеля Казахстана» д.ю.н., профессора Е.О. Алауханова.

Презентация прошла в Московской государственной юридической академии, в Московском университете МВД России и Рязанской академии права и управления ФСИН МО РФ, Правовой академии МО РФ, а также 28 мая 2009 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова с участием проф. Е. Каиржанова. Есберген Оразович - зав. кафедрой Судебной власти и уг. процесса КазНУ им. аль-Фараби, член союза писателей Казахстана, член Российской криминологической ассоциации, гл. редактор международного журнала «Наука и жизнь Казахстана». Профессор О. Старков отметил, что новый учебник «Криминология» отличает оригинальный подход автора к решению некоторых проблем криминологии, приводятся статистические данные и привлекается большое количество научных и литературных источников. Книга написана живым, образным языком. В том числе в книге «Криминология», подготовленной под редакцией профессора И.Рогова и профессора Е.Алауханов, появились новые главы - «Бытовая преступность», «Медицинская преступность» и «Криминология», чем отличается от других учебников стран СНГ. Ученые России отметили, что подобные презентации учебников, посвященных криминологической науке казахстанских ученых, не проводилось уже на протяжении двух десятков лет. Своими трудами, подчеркнули они, что профессор Е. Алауханов укрепляет международное научное сотрудничество.

Международный научно-популярный журнал
ISSN 2073-333X

Наука и жизнь Казахстана
Қазақстанның ғылымы мен өмірі
№6 (33) 2015

ШЕСТАКОВ Дмитрий Анатольевич
Президент Санкт-Петербургского Международного
Криминологического клуба, Заслуженный деятель науки России,
доктор юридических наук, профессор

Международный научно-популярный журнал «Наука и жизнь Казахстана» (Государственная регистрация: № 9875-Ж от 09.02.2009 года, Международная регистрация: ISSN 2073 – 333X, Париж, март 2009 года) выходит 6 раз в год.

Журнал включён в индекс научного цитирования (ИНЦ) и в список изданий, рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК по специальностям: юриспруденция, филология, педагогика, философия, искусствоведение, экономика и естественные науки.

Главный редактор журнала – д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан Есберген Оразович Алауханов.

Подписка производится в почтовых отделениях Республики Казахстан.

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 4 (39), 2015

Формат 60x84/8. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,5.

Тираж 1050 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Трувор».
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., д. 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru